

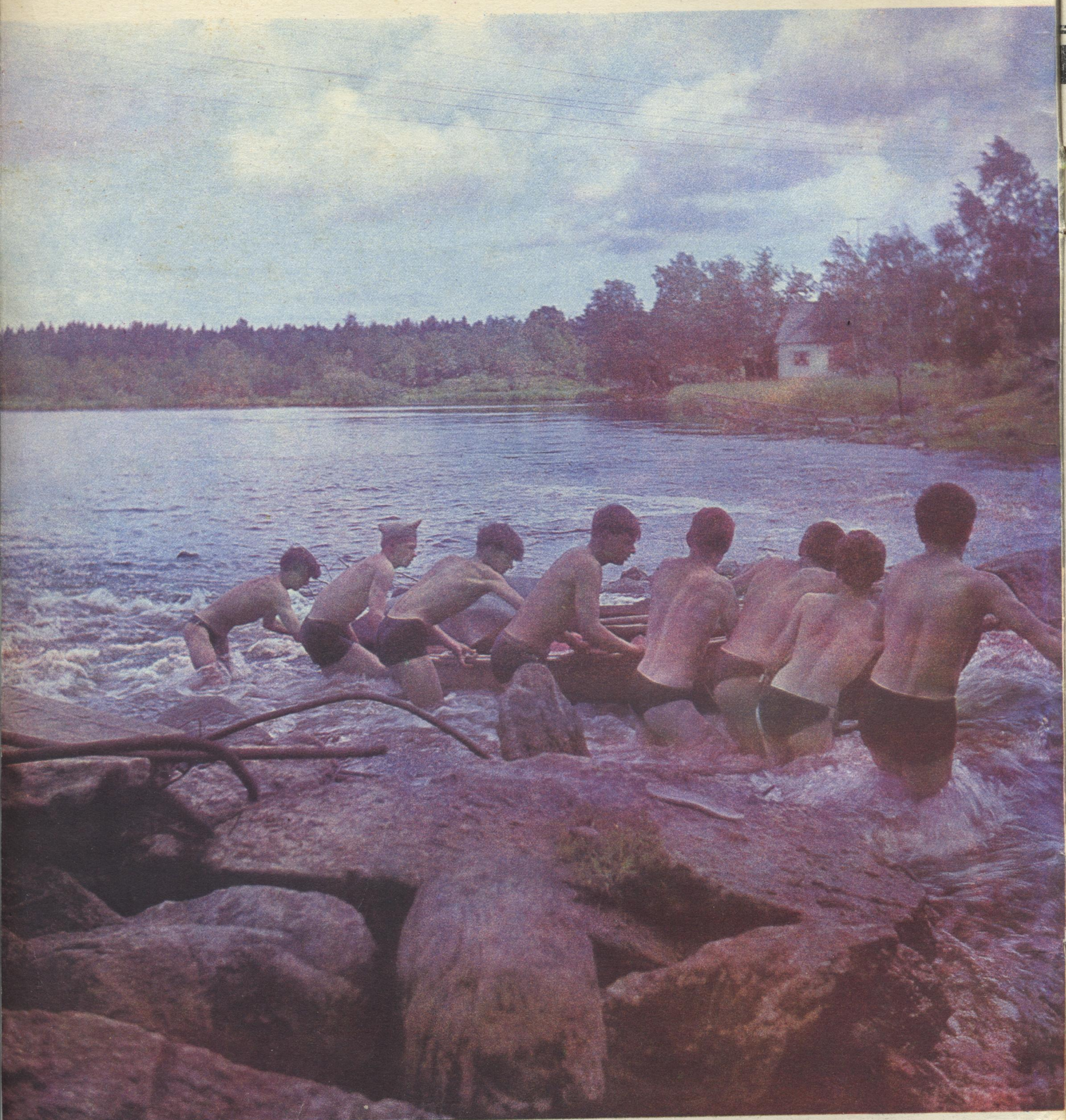
Колосъ

8

АВГУСТ

1967

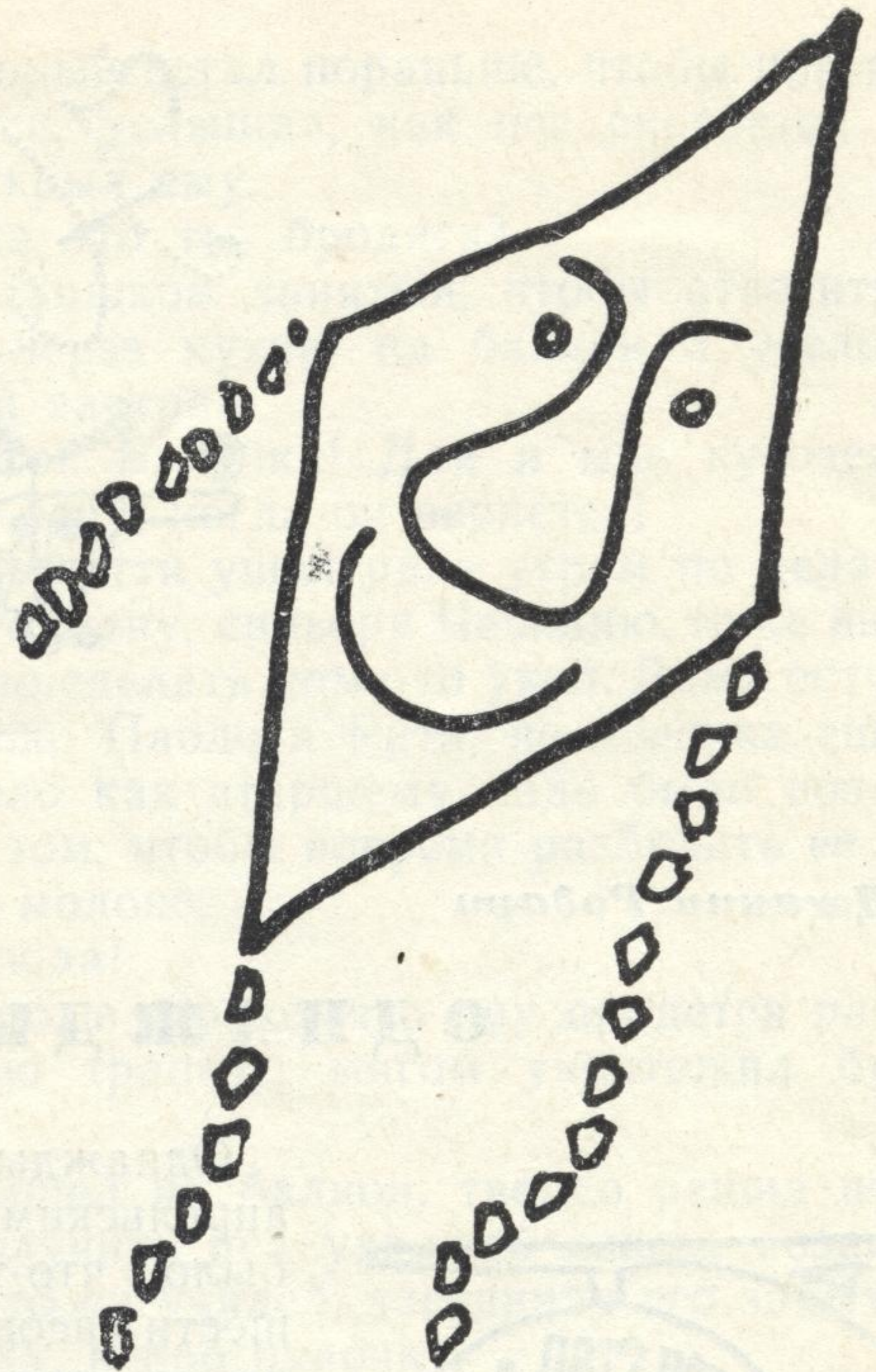

ЧЕРЕЗ ПОРОГИ

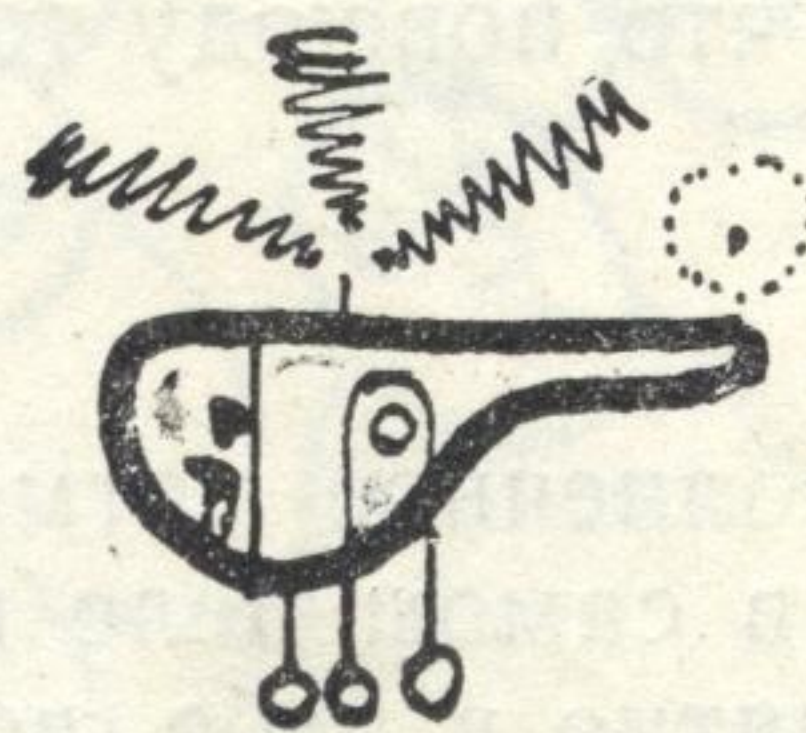
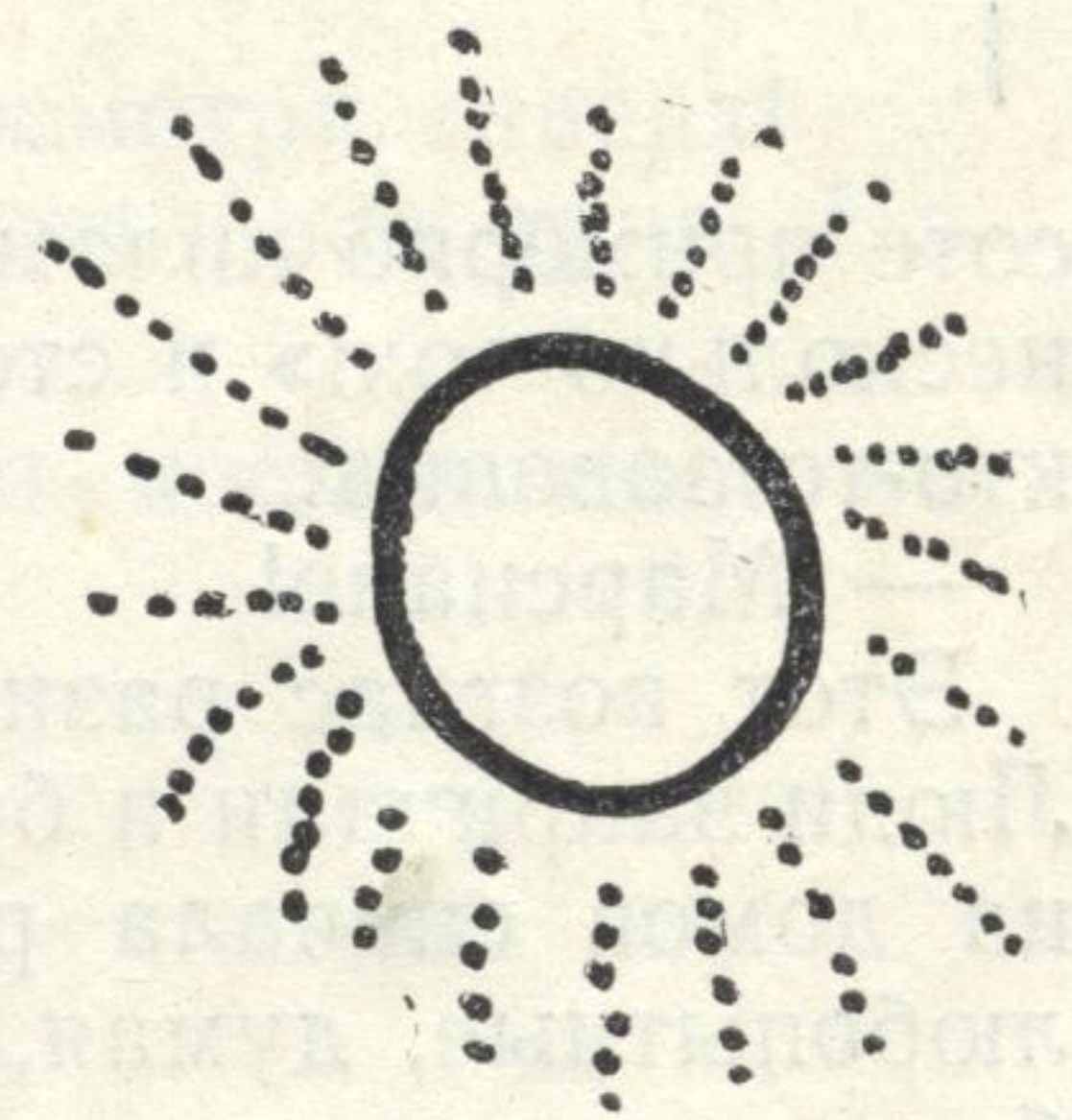
Фото А. Ритова

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Небесный торт**
повесть-сказка ДЖАННИ РОДАРИ 2
- Моя привычка. Что такое перемены. Еж**
стихи Н. СЛЕПАКОВОЙ 17
- Как я прыгал с парашютом**
репортаж Б. НИКОЛЬСКОГО 18
- За кефалью**
рассказ В. БОРОЗДИНА 20
- Барсы**
очерк Т. ГИРШИНОЙ, И. ФИЛАНОВСКОГО 25
- Приключения Васи Булкина в революционном Петрограде** 28
- Дедушка и музыка**
повесть Юз. АЛЕШКОВСКОГО 30
- Мои встречи с Александром Беляевым**
воспоминания Л. ПОДОСИНОВСКОЙ 39
- Малляр Нико**
беседа Э. ГОЛУБЕВОЙ 41
- Не хочу, чтоб он меня провожал...**
ответы на письма читателей 42
- Открытые окна**
рассказ В. ГОЛЯВКИНА 44
- Что? Где? Когда? Почему?** 45
- Подземная баррикада**
очерк Е. РЕЙНА 46
- Клуб Жака Паганеля** 49
- В гостях у моржей**
фоторепортаж Ю. УСТИНОВА 53
- Стихи немецких поэтов**
в переводе Ю. КОРИНЦА 54
- Морская газета** 56
- Тренеры пятилетних чемпионов**
заметка М. ЕРЕМИНА 58
- Уголёк** 59
- Школа „Спринт“** 61
- Уголок веселого архивариуса** 62
- Операция „64“!!!** 63
- Наша творческая мастерская** 64

— Огромный змей, синьор!
Я подтверждаю это! Он подни-
мается с одной из крыш пред-
местья. Перехватить его? Пере-
хожу на прием.

Читайте повесть-сказку
Джанни Родари
«НЕБЕСНЫЙ ТОРТ»

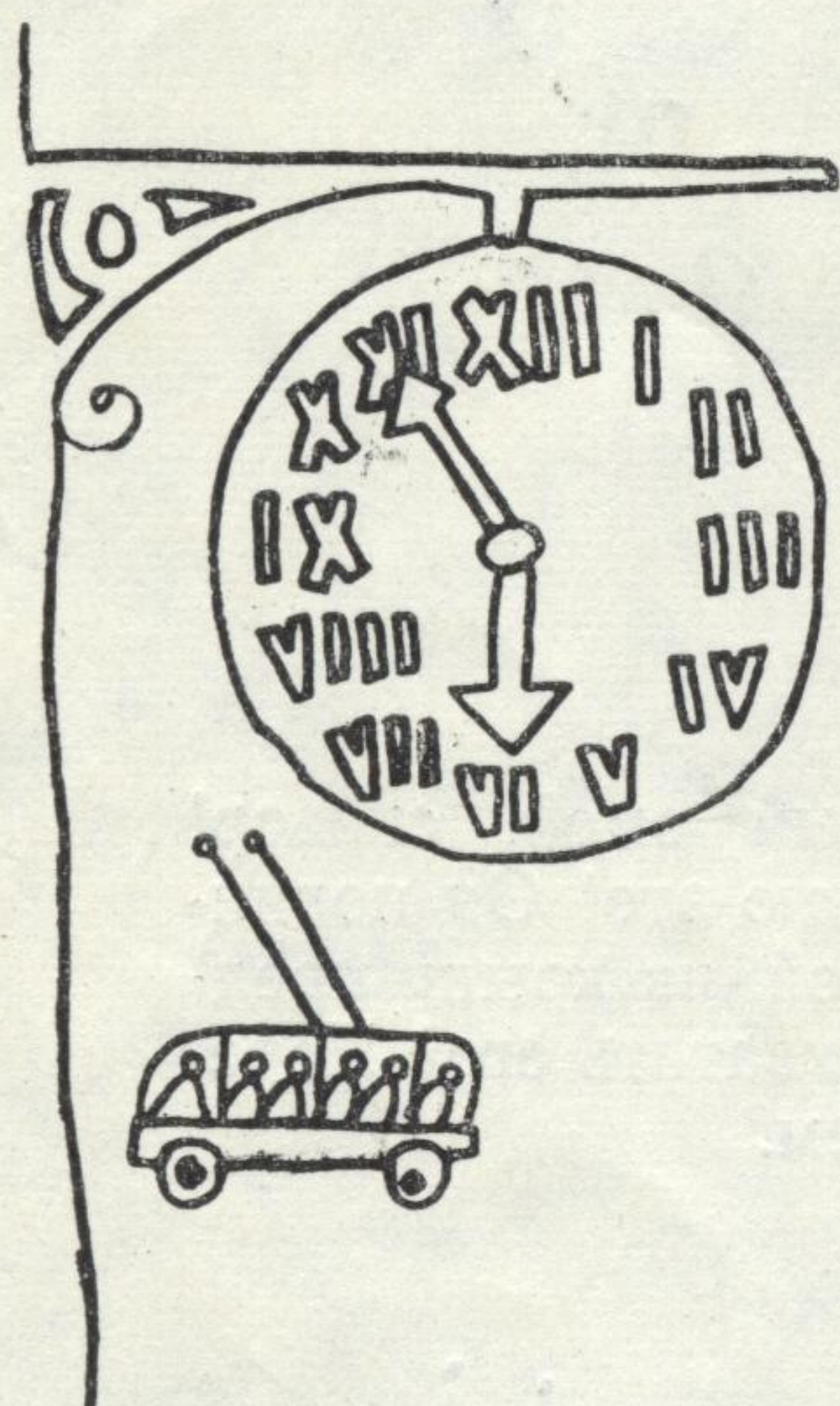

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Джанни Родари

Рисунки Г. Ковенчука

О Д Н А Ж Д Ы У Т Р О М В Т Р У Л Л О

Однажды ранним апрельским утром — было что-то около шести часов — в Трулло, на окраине Рима, у автобусной остановки собралось несколько человек. Они взглянули на небо, чтобы узнать, какая будет погода. И что же они увидели? Почти до самого горизонта небо было закрыто огромным, мрачным диском, который, словно туча, недвижно висел над предместьем на вы-

соте примерно километра. Сразу же раздались несколько «ох!» и столько же «ах!», а потом кто-то завопил:

— Марсиане!

Этот возглас разнесся, как сигнал тревоги. Люди закричали и бросились врассыпную. Окна домов сначала распахнулись — выглянули любопытные, думая, что произошла какая-нибудь уличная катастрофа. Но едва они взглянули на небо, как тотчас же захлопнули окна, закрыли ставни и со всех ног бросились вниз по лестнице во двор, так что повсюду только и слышен был топот ног.

— Марсиане!

— Летающие тарелки!

— Да нет же, просто солнечное затмение!

Таинственное «нечто» и в самом деле походило на огромное черное пятно в небе, вокруг которого разливалось яркое голубое сияние.

— Какое там затмение! Конец света — вот что!

— Ну, это слишком! Разве может конец света наступить за одну ночь?!

— А что же, по-вашему, нас сначала должны были вежливенько предупредить: «Имейте в виду, такого-то числа в такое-то время мир перевернется вверх тормашками»?

Из бара «Италия» вышел официант, вытирая руки грязным передником. Он взглянул на небо и тут же согнулся пополам, словно его стукнули по голове.

Какая-то женщина в ночной рубашке закричала ему с балкона:

— Август, позвони пожарникам!

— А что сказать? — спросил официант.

— Скажи, что прилетели марсиане! Разве не видишь! Ну что за тупица!

— А при чем тут пожарники? Разве они могут их чем-нибудь напугать?

— Позвони, позвони! Увидишь, они что-нибудь сделают!

Август вернулся в бар, опустил в автомат жетон и набрал номер пожарной команды.

— Скорее приезжайте в Трулло! Сюда прилетели марсиане!

— А кто это говорит?

— Я, Август!

— Молодец! А я — Юлий Цезарь! И тебе не стыдно так нализаться с утра пораньше?!

Пожарник повесил трубку, но тотчас ему пришлось ответить еще на двадцать звонков из Трулло, и все они были такими же странными. Тогда он все же решил поднять тревогу. Дежурному лейтенанту он объяснил:

— Должно быть, там все помешались. По-моему, надо сообщить в сумасшедший дом.

А в Трулло, кто не торчал на улице, задрал нос кверху, непременно висел на телефоне. Одни вызывали пожарников, другие полицию, третьи — карабинеров.

Между тем из пекарни вышел паренек. Он по утрам всегда обходил кафе и бары, разнося свежие булочки. Паренек подвесил на ручку велосипеда свою корзину, доверху наполненную ароматными булочками, занес ногу, чтобы сесть на велосипед, нечаянно взглянул на небо и... тут же все кубарем покатило на землю; и он, и велосипед, и корзина, и аппетитные булочки.

Римские разносчики издавна славятся тем, что никогда ничего не роняют и, конечно, сами не падают, но тут, как видите, случилось то, чего не было уже тысячу лет. Мальчик, правда, быстро поднялся и с воплем «На помощь! Луна свалилась!» снова юркнул в пекарню.

Сами понимаете, оправдать свое падение он мог только космической катастрофой.

А сладкие булочки так и остались валяться посреди дороги. Какая-то собака выскочила неизвестно откуда, схватила одну из них и быстро скрылась, опасаясь хорошего пинка. Однако пинка ожидать было не от кого.

— Это пес синьора Мелетти, — сказал мясник жене. — Самый большой ворюга из всех собак в окрестности. А еще принадлежит полицейскому. Нечего удивляться, что в Италии все идет не так, как надо.

Как-то раз полицейский Мелетти, чтобы подкараулить провинившегося водителя, специально пристроился за какой-то телегой. Понятно, ребята тотчас же прозвали его Хитрым Одиссеем. А собаку стали звать, ясное дело, Арго, хотя ее настоящее имя было Дзорро. Это был умный пес, и отвечал он на обе клички.

Но в это утро он не отозвался бы, даже если б его назвали Ваша Светлость. С крепко зажатой в зубах булочкой он быстро улизнул в парадную, взлетел по лестнице на последний этаж и оказался у двери квартиры Мелетти.

Паоло, который встал пораньше, чтобы приготовить уроки, услышал, как пес скребется в дверь, и открыл ему.

— Откуда это ты, бродяга?

Дзорро, слишком занятый, чтобы ответить, промчался через кухню на балкон и уселся там за свой завтрак.

— Что это? Булочка! Дай и мне кусочек, а то скажу отцу, когда он вернется!

Синьор Мелетти ушел рано утром по делам службы. Его жену, синьору Чечилию, тоже вызвали срочно сделать кому-то укол. Дома оставались только Паоло и Рита, но девочка еще спала. Паоло как старшему надо было позаботиться о том, чтобы вовремя разбудить ее и вскипятить молоко.

— Дай сюда!

Но Дзорро, в страхе, что ему придется разделить свою трапезу, мигом уничтожил булочку.

Паоло вышел на балкон, твердо решив непременно научить пса уважать своего хозяина, но то, что он увидел, заставило его забыть и про собаку, и про булочку.

— Рита! — закричал он. — Иди скорее сюда! Рита, Рита!

— Что случилось? — ответила она спроне.

— Иди посмотри! Да быстрее же!

— Что, уже пора в школу?

— Ты же прекрасно знаешь, что сегодня не надо в школу!

Услышав это известие, девочка сразу же проснулась и выбежала на балкон. В тот же момент раздался вой сирены — это на площадь Трулло приехали пожарники.

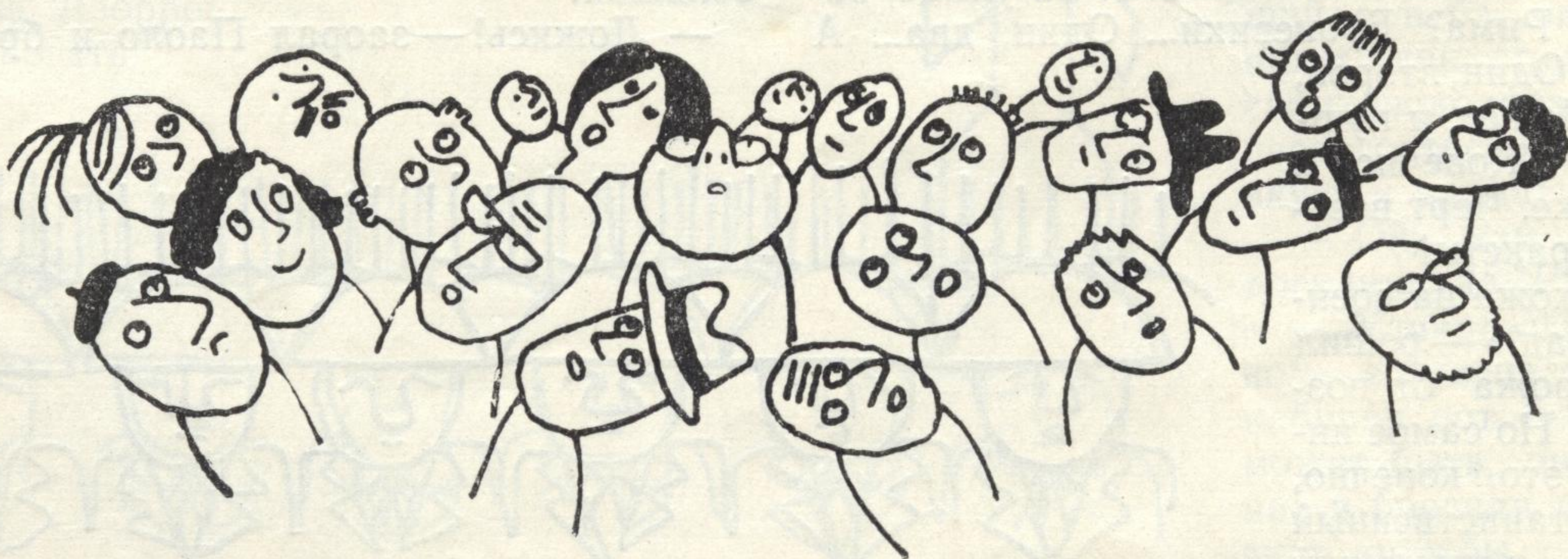
— Ой, мама, пожар!

— Какой там пожар! Посмотри вверх!

— Ну и что? Ужасно противная туча. Наверное, будет гроза.

— Ты просто дура. Это космический корабль.

— Какой корабль?

— Да ты просто-напросто невежда! Непонятно, чему только учат в твоём втором классе!

— Тому же, чему и в твоём пятом. А что, пожарники будут подниматься туда по своим лестницам?

— Ха, пожарники! Да чтобы потушить Луну... Туда поднимаются только космонавты.

— Понятно, понятно... Позови меня, когда начнут подниматься. А пока я почищу зубы.

И Рита отправилась в ванную. Она решила воспользоваться отсутствием мамы и вымыть голову своей кукле.

Паоло не удерживал ее, считая бесполезным продолжать разговоры с такой невеждой. На площади каждую минуту происходило что-нибудь новое. Вслед за пожарниками в предместье примчалось множество полицейских машин. А что еще там виднеется на улице, ведущей из Рима? Броневики... Один, два... А еще танк! Один, второй, третий... Может, и пушки везут? Конечно, и пушки тоже. Черт возьми, даже ракеты!

«Это похоже на военный парад!» — решил Паоло, дрожа от возбуждения. Но самое интересное — это, конечно, огромный таинственный предмет, закрывший

полнеба. На глазок примерно с километр в диаметре. Тень, которую он отбрасывал на старые крыши домов, на дороги, забитые танками и броневиками, была угрожающей, иссиня-черной.

«Может быть, началась война?» — подумал Паоло.

Прилетел откуда-то, шумя лопастями, вертолет, словно стальная стрекоза. Он приблизился к таинственному предмету метров на сто и начал медленно облетать его: казалось, он ищет местечко, чтобы ужалить.

«Ну, сейчас он тебя отделает!» — подумал Паоло, становясь на сторону более сильного противника.

Дзорро робко тьявкал и жалобно скулил.

— Боишься, да? — спросил Паоло и, наклонившись к собаке, потрепал ее по спине.

— Внимание! Внимание! — загремел голос из репродуктора, установленного на одной из полицейских машин. — Населению предлагается сохранять спокойствие. Военное командование отлично контролирует положение. Объявлено состояние тревоги. Никто не должен входить в предместье Трулло или покидать его вплоть до нового распоряжения. Идите в ваши дома, спуститесь в подвалы и спокойно ждите приказа.

— Внимание! Внимание!.. — снова начал греметь репродуктор.

— Что там говорят? — спросила из ванной Рита.

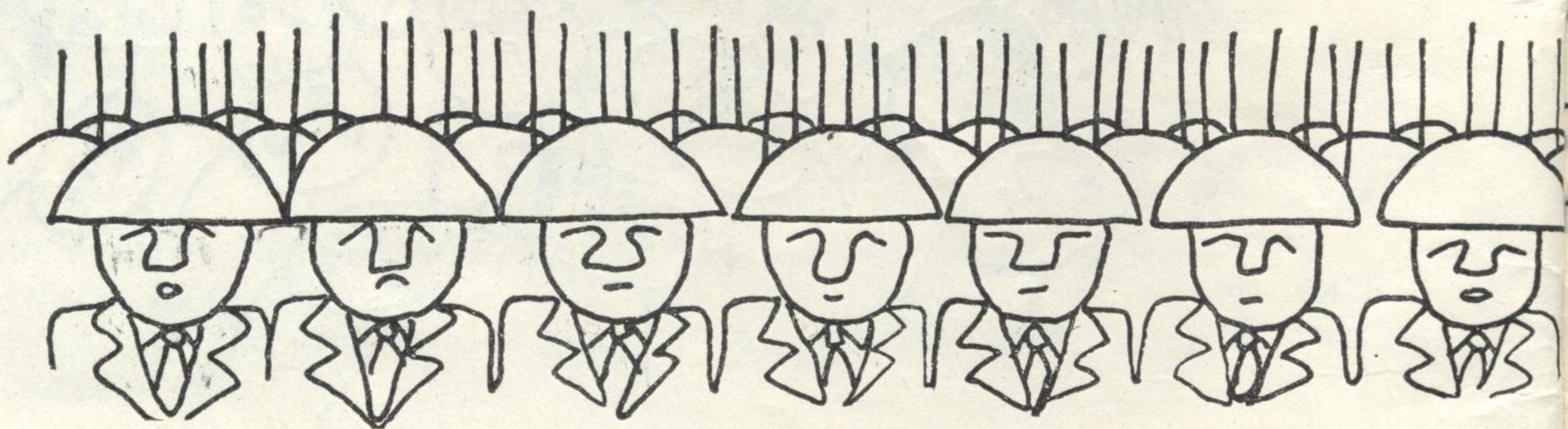
— Ничего особенного.

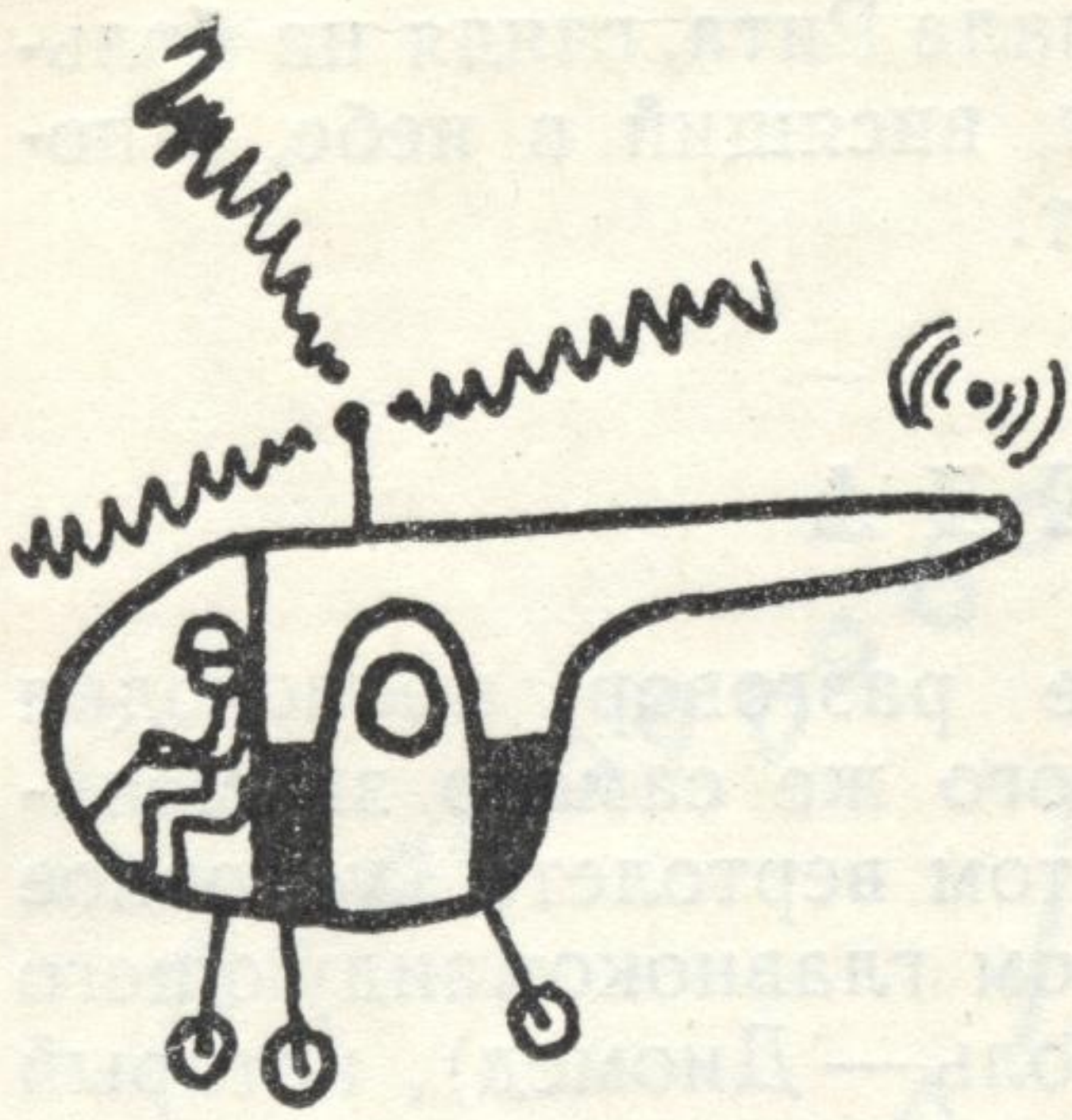
— Как это ничего?! Столько шума и ничего? Опять что-нибудь рекламируют? А вдруг тебе снова что-нибудь подарят, как в прошлый раз, когда раздавали воздушные шарики и ты не позвал меня...

Рита вышла на балкон, усердно натирая полотенцем совершенно сухие глаза, дабы показать брату: она вымылась как следует.

Паоло обернулся к сестре, хотел сказать что-то, как вдруг быстрая тень пронеслась по небу. Что это, птица? Нет, тень была слишком большая.

— Ложись! — заорал Паоло и бросился на

пол, прикрыв собою Риту, которая тоже шлепнулась на пол.

— Что случилось?

Какой-то предмет упал в правый угол балкона, в метре от Паоло и в тридцати сантиметрах от Дзорро, который с урчанием попятился назад. Взрыва не последовало, раздалось только мягкое «плюх». Предмет ле-

жал между двумя вазами с геранью и, как установил Паоло, взглянув на него из-под ладони, был такого же цвета, как и тот, что висел в небе. Это не бомба. Может, какое-нибудь послание?

— Я боюсь! — прошептала Рита. — Давай тоже спустимся в подвал.

— Тогда мы совсем ничего не узнаем и не увидим.

— Но мне страшно. И потом, ты же слышал, что сказали...

Голос из репродуктора монотонно повторял распоряжение властей. Машина медленно двигалась по улицам, останавливаясь возле каждого дома.

Паоло понимал, что подойти к этому страшному снаряду, упавшему на балкон, его долг. Он обязан научно обследовать его.

«Если бы Христофор Колумб боялся так же, как я, — подумал Паоло, стараясь побороть в себе страх, — Америка до сих пор еще не была бы открыта».

— Что же делать? — хныкала Рита. — Если я буду так лежать, то испачкаю пижаму и мне попадет от мамы.

— Помолчи. Мне надо подумать.

Но кое-кто другой уже подумал за него. Дзорро осторожно протянул лапу к неизвестному предмету и, постукивая хвостом от волнения, цапнул его.

— Прочь, Дзорро!

— Не трогать!

Пес обернулся к ребятам, как бы успокаивая их. Его влажные глаза словно говорили: «Спокойно, спокойно, предоставьте все мне. У меня хороший нюх!»

Он высунул язык и на животе пополз вперед. Пять... Четыре... Три... Два... Один... Хоп! — язык Дзорро коснулся снаряда и стал быстро лизать его! Хвост вертелся так, словно винт вертолета.

Тогда Паоло решился: он поднялся, пинком отогнал собаку и занял ее место рядом со странным предметом.

— Что это? — спросила Рита, приподняв свою взлохмаченную головку.

— Сейчас посмотрим. Тут внутри, наверное, какое-нибудь послание.

— А ты разве не чувствуешь запах?

— Запах? Ты что, еще не проснулась?

Рита тоже встала и подошла ближе, оттолкнув собаку, которая пыталась занять свою утерянную позицию.

— Хочешь, я потрогаю? — спросила она брата.

— Глупая, думаешь, я боюсь? Я только хочу сначала как следует рассмотреть его.

— А запаха ты так и не чувствуешь?

— Ты же знаешь — у меня насморк.

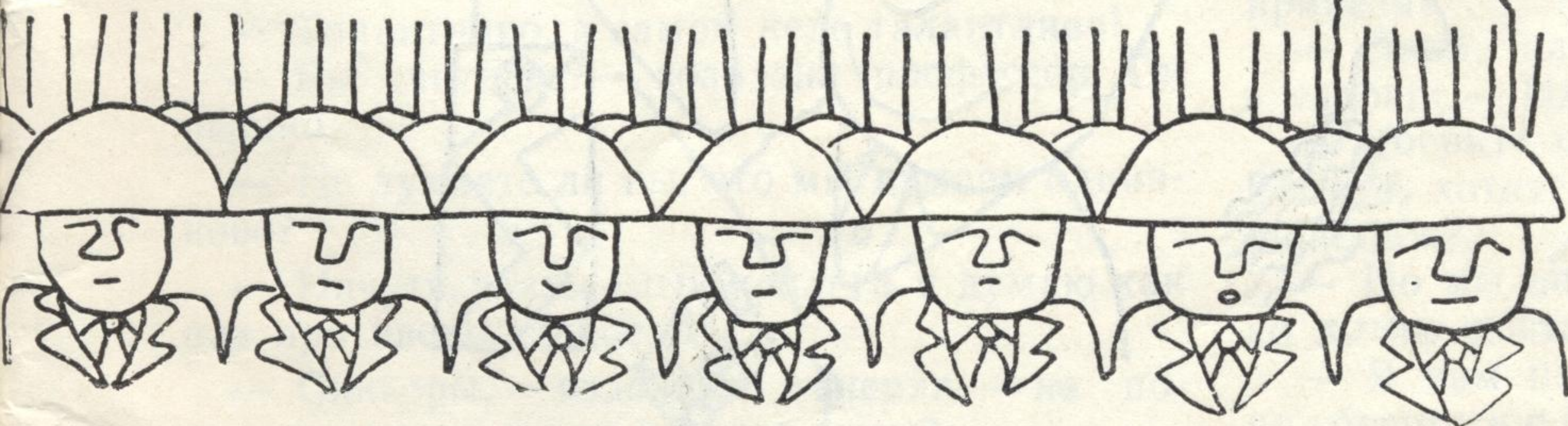
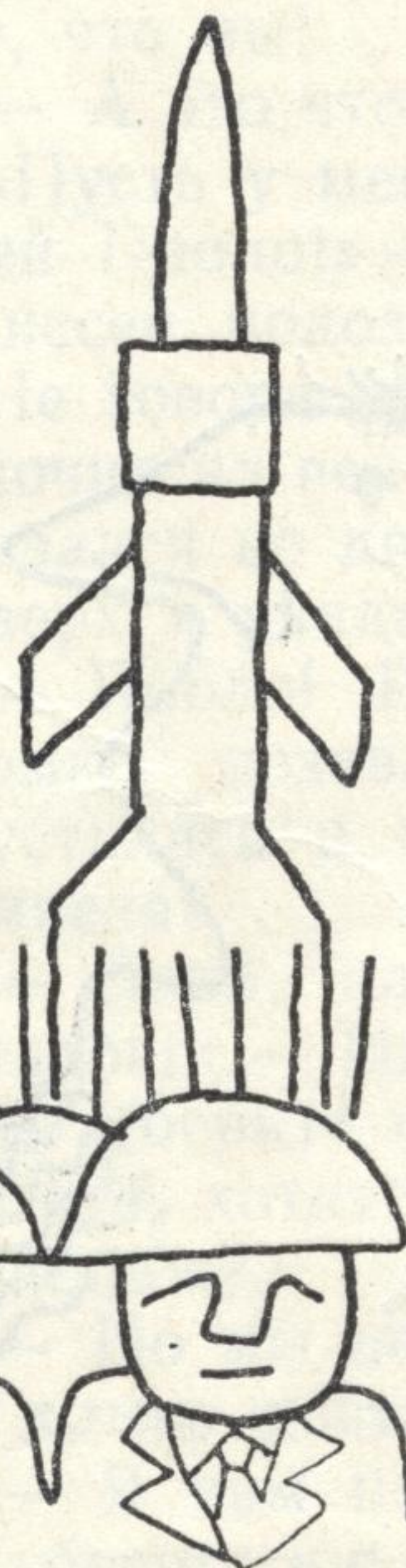
Тогда Рита перешла к делу. Она протянула руку и прикоснулась к странному предмету. На ее пальце осталось темное пятно. Девочка посмотрела внимательно на это пятно и решительно отправила палец в рот, пососала его и снова посмотрела: палец стал влажным и розовым. И тут она торжествующе закричала:

— Шоколад! Я была права! Попробуй! Попробуй и скажи, что не так.

Паоло тоже попробовал. И Рита снова попробовала. И Паоло снова попробовал. Нет, никакого сомнения не было: таинственный предмет, упавший с неба, был не чем иным, как огромным куском шоколада! Причем, первосортного, судя по вкусу и аромату.

— Ой, как вкусно! — воскликнула Рита.

— Удивительно вкусно! — согласился Паоло, набивая рот. — А знаешь, может быть, они увидели нас и бросили шоколад в знак дружбы.

— Кто это «они»?

— Марсиане! Ну, те, кто там наверху, я не знаю, кто именно.

— По-моему, — сказала Рита, глядя на большой круглый предмет, висящий в небе, — по-моему, это просто торт!

ДЕДАЛ ВЫЗЫВАЕТ ДИОМЕДА

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Слушаю вас. Перехожу на прием.

— Закончил облет таинственного предмета. По моим расчетам его окружность составляет три тысячи сто сорок метров. Чтобы найти диаметр, нужно разделить на три и четырнадцать сотых...

— Знаем, знаем... Дальше!

— Прошу прощения. Боковая поверхность предмета полосатая, разных цветов. Снизу вверх: коричневый, розовый, зеленый, снова коричневый, желтый, фиолетовый, белый. Я хочу подняться выше. Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Подождите! Не заметили ли вы на боковых поверхностях предмета каких-нибудь отверстий, каких-нибудь окон, щелей, проемов, бойниц? Перехожу на прием.

— Я — Дедал! Ничего подобного не заметил. Боковая поверхность совершенно гладкая повсюду. Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Измерьте высоту и проведите наблюдения сверху. Держитесь на безопасном расстоянии. Перехожу на прием.

— Задание принято. Прием заканчиваю.

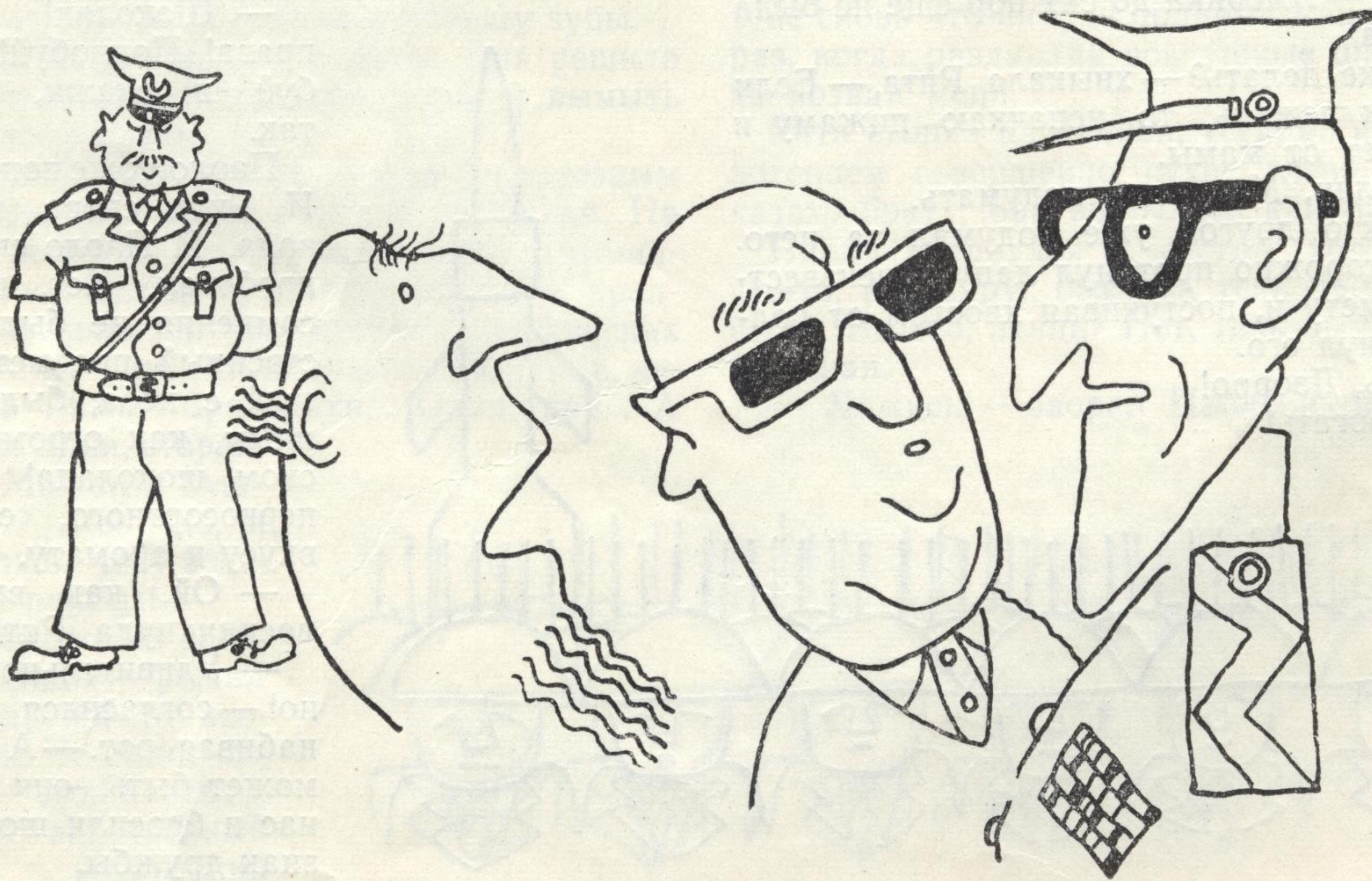
Приведенный выше разговор происходил около восьми часов того же самого знаменитого утра между пилотом вертолета (условное имя — Дедал) и штабом главнокомандующего операцией «ПК» (пароль — Диомед), который разместился в кабинете директора школы в Трулло. «ПК» в данном случае вовсе не означает «правый крайний» в футбольной команде. «ПК» означает попросту «Пришелец из космоса». Придумав эти три красивых названия — Дедал, Диомед и «ПК», власти имели основание полагать, что сделали уже многое.

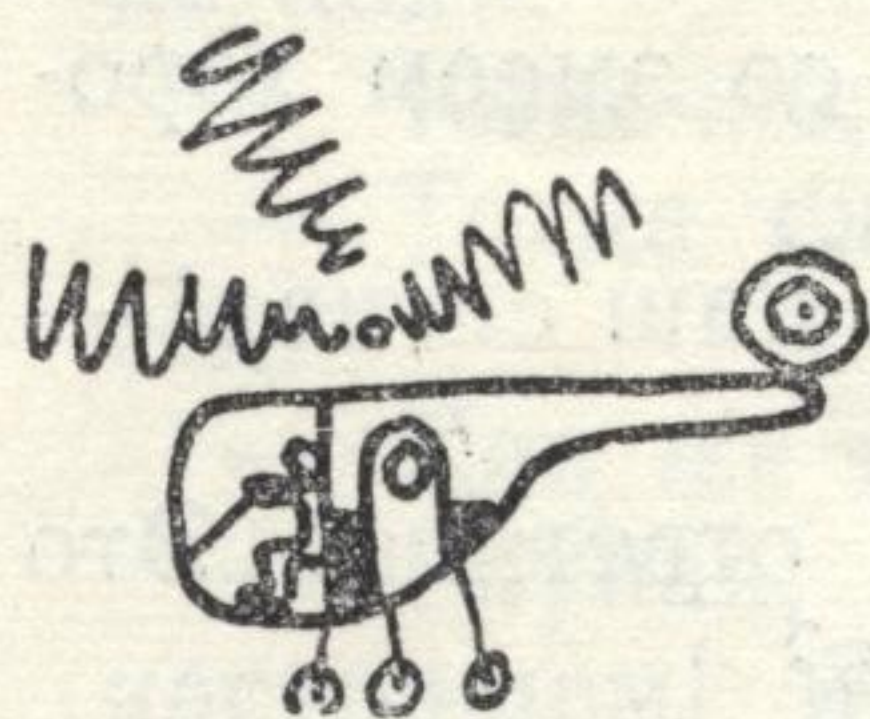
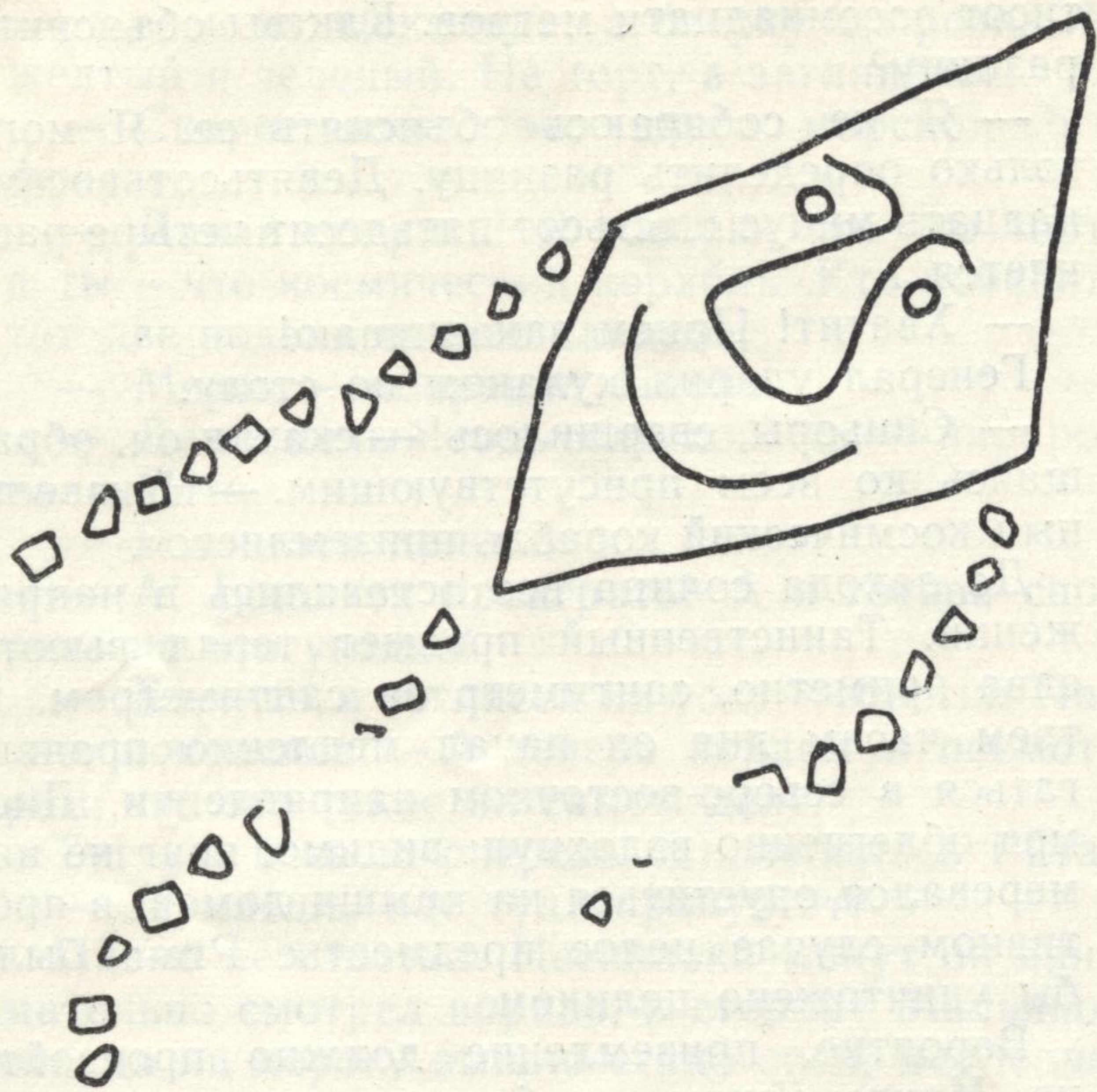
В кабинете Диомеда во время разговора с пилотом находилось много людей, среди них — генерал, два знаменитых ученых, профессор Росси и профессор Теренцио, и полицейский Мелетти, по прозвищу Хитрый Одиссей. Последний был здесь для особо срочных поручений. Раза два он уже сбегал в бар, чтобы заказать крепкий кофе для всех.

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! — снова раздался голос пилота.

Генерал сам наклонился к микрофону и ответил:

— Я — Диомед! Докладывайте.

— Высота таинственного предмета составляет двадцать пять метров. Чтобы вычислить его объем, нужно...

— Мы знаем геометрию. От вас требуется только донесение.

— Слушаюсь, синьор. Поверхность летающего предмета представляет собой великолепную панораму цвета сливочного крема. Прекрасная картина!

— Оставьте в покое восклицательные знаки! — загремел Диомед. — Вы же не зазывала на рынке. Докладывайте только о том, что видите, и все. Перехожу на прием.

— Слушаюсь, синьор. Я вижу большие круглые красные шары, расставленные на одинаковом расстоянии друг от друга по всей поверхности. Их несколько сотен. Они похожи на огромные засахаренные вишни, если мне позволено будет сравнение.

— Не позволено! — вскипел генерал. — Оставьте сравнения при себе! Сосчитайте лучше эти красные шары.

Профессор Росси, пока Дедал молча считал шары, мечтательно опустил голову и пробормотал:

— Талантливо, в самом деле талантливо!

— Вы считаете? — возразил профессор Теренцио.

— Не думаете ли вы, что мы думаем одинаково?

— Ничуть, уважаемый коллега, я думаю как раз противоположное.

— Синьоры, — вздохнул генерал, — не повятите ли вы и нас в ваши думы?

— Я — Дедал! — прервал их голос из репродуктора. — Слышите меня? Перехожу на прием.

— Вас слышим, к сожалению! — ответил Диомед. — Слышим все глупости, которыми вы нас пичкаете!

— Фиксирую присутствие бумажного змея!

— Что? Вы совсем превратились в идиота?!

— Огромный змей, синьор! Я подтверждаю это! Он поднимается с одной из крыш предместья. Перехватить его? Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Ничего не предпринимайте. Оставайтесь на месте, мы проведем срочное расследование. Прием заканчиваю.

Расследование началось немедленно: все подбежали к окну и увидели бумажного змея, который поднимался к таинственному предмету, щеголяя тремя разноцветными хвостами.

— Сигнализация с Земли! — прокомментировал кто-то. — Козни «пятой колонны»! Очевидно, космические пришельцы имеют агентов среди населения!

— Это исключено! — воскликнул растерявшийся полицейский Мелетти. — Я прекрасно знаю всех жителей Трулло! Это хороший народ! Я дом за домом знаю всех, знаю каждую лавку! Никакого контакта с марсианами у них нет, что вы!

— А это что же такое?

«Пусть у меня отвалится нос, если это не змей Паоло!» — воскликнул про себя Хитрый Одиссей, подозревая что-то ужасное.

Не говоря ни слова, он бросился на улицу, вскочил на велосипед и через несколько минут оказался во дворе своего дома. Он посмотрел вверх и увидел на балконе своих детей.

— Паоло! Рита! Что вы там делаете? — громко позвал Мелетти. — Почему вы не спустились в подвал? Разве вы не слышали приказа?

— Папа, папа! — закричала Рита, хлопая в ладоши. — Иди помоги нам!

— Уберите сейчас же этот змей! А не то... Вы что, хотите отправить меня на каторгу за шпионаж?

— Но мы ни за кем не шпионим! Мы только хотим достать кусочек торта...

— Я вам покажу торт! Если вы сейчас же не уберетесь с балкона...

— Но папа...

— Вы хотите, чтобы я поднялся наверх! Ну, быстро! Марш с балкона!

Приунывшим ребятам не оставалось ничего другого, как повиноваться хотя бы первому пункту приказа — пришлось затянуть змей обратно. Что же касается подвала, то с этим они не спешили. С балкона они ушли, но своего наблюдения за небом не оставили — это можно было делать и из окна кухни.

— Жаль, — сказала Рита, — со змеем хорошо было придумано.

— Но они же не ответили на наш сигнал! — возразил Паоло.

— И ты хочешь, чтобы они ответили! Это же торт, как тебе еще объяснять?

— Это космический корабль, недотепа!

— Тогда зачем же ты согласился послать змей?

— Конечно, не для того, чтобы получить еще кусок шоколада! Я хотел подать марсианам сигнал.

— Просто это твой пунктик. У вас, мальчишек, у всех только космонавты в голове! Эти военные внизу готовы из пушек палить по тарту, а ты ждешь неизвестно от кого какого-то послания!

— Но это же не торт! — настаивал Паоло.

— Я тебе по-итальянски говорю — торт! — возражала Рита.

— Ну, ладно, оставим. Со змеем не вышло. Давай лучше сядем и поразмыслим, может, еще что-нибудь придумаем.

Несколько часов спустя...

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Докладывайте! Перехожу на прием.

— Сейчас двенадцать часов сорок семь минут. Снова достиг верхней точки наблюдаемого предмета. Высота шестьсот пятьдесят четыре метра.

— Как вы сказали?

— Нахожусь на высоте шестисот пятидесяти четырех метров. А что?

— А то, что вы, должно быть, пьяны! Утром, когда вы обследовали предмет в первый раз, вы сообщили, что находитесь на высоте девя-

тисот восемнадцати метров. Как вы объясните разницу?

— Я не собираюсь объяснять ее. Я могу только определить разницу. Девятьсот восемнадцать минус шестьсот пятьдесят четыре равняется...

— Хватит! Прием заканчиваю!

Генерал ударил кулаком по столу.

— Синьоры, свершилось! — сказал он, обращаясь ко всем присутствующим. — Неизвестный космический корабль приземляется.

До захода солнца все оставались в напряжении. Таинственный предмет терял высоту едва заметно, сантиметр за сантиметром. К трем часам дня он начал медленно продвигаться в северо-восточном направлении. Диомед облегченно вздохнул: видимо, враг не намеревался опуститься на крыши домов, в противном случае целое предместье Рима было бы уничтожено целиком.

Вероятно, приземление должно произойти на Монте Кукко — небольшом голом холме, покрытом камнями: он находился за школой, туда во время перемен бегали играть ребята. На холме было только несколько хижин пастухов, которые останавливались там, когда спускались с гор, чтобы продать овец в римской долине.

Генерал, конечно, предпочел бы сократить долгое ожидание несколькими пушечными выстрелами. Но правительство — оно уже давно находилось в контакте со всеми военными силами мира — категорически приказало: применять оружие только в том случае, если таинственные посетители из космоса начнут первыми. Воздерживаться от любых враждебных выпадов, дабы не спровоцировать ненужную бойню и не испортить трагическими последствиями первую встречу земной цивилизации с существами из другого мира. Наблюдать, быть готовыми ко всему, — таков был приказ.

Когда намерения «летающей тарелки» стали ясны, Диомед, руководствуясь указаниями правительства, расположил свои силы вокруг холма. Пушки, огнеметы, броневики, ракеты типа «Земля—Земля» плотным кольцом уже окружили Монте Кукко, и вот таинственный предмет без малейшего шума, осторожно опустился на холм, открыв людям неосвод, окрасившийся последними лучами заходящего солнца.

ЗАГАДОЧНЫЙ СИНЬОР ДЖЕПЕТТО

— Прощай, торт! — вздохнула Рита, проглотив слюнки, наблюдая за маневрами военных.

— Ты просто помешалась, — проворчал Па-

оло. — Я же тебе говорю — это космический корабль!

— Ну где у тебя глаза?! Смотри, снизу

торт весь из шоколада, а сверху он розовый, желтый и зеленый. Не торт, а загляденье!

— Скорее всего, это цвета марсианского флага.

— Давай спорить! Я говорю, что это торт, а ты — что космический корабль. Кто победит, тот две недели отдает сладкое!

— Месяц, — поправил Паоло.

— Даже целый год, если хочешь, — парировала Рита.

— Год — это долго...

— А! Боишься проиграть? А я готова спорить на что угодно!

— Хорошо, я согласен на год, — ответил Паоло, покраснев. — А теперь пойдем и посмотрим, что это такое на самом деле.

Тут уж в свою очередь заколебалась Рита.

— Думаешь, нас туда пропустят?

Паоло не ответил. Несколько минут он внимательно смотрел вправо, в сторону Мальяно, откуда на дорогу вышло стадо овец, медленно продвигаясь за двумя пастухами. Каждое утро стадо уходило пастись на желтые луга Агро. А к заходу солнца оно возвращалось на Монте Кукко, проходя через предместье Трулло.

«Хотел бы я посмотреть, как овцы попадут в каталажку! — посмеялся про себя Паоло. — А собаку что — тоже туда упрячут?»

Но вооруженным силам было не до овец. Надо было думать совсем о другом. Теперь войска стояли спиной к Трулло и глаз не спускали с холма, на который опустился непонятный предмет, накрыв вершину, словно огромная шляпа. Овцы, блея, шли вперед, тесно скучившись, бок о бок, морда к морде. Если же какая-нибудь отрывалась от группы, чтобы пощипать траву, росшую на краю дороги, собака сразу же загоняла ее обратно в стадо. Дзорро весь день дремал на балконе. Теперь

он полаял немного, приветствуя своего коллегу, но тот, поглощенный работой, даже не ответил.

— Возьми свои песочные сопочки, — вдруг сказал Паоло очень решительно, — помнишь, ты их брала с собой в прошлом году на море. А я возьму фонарик.

— Что ты хочешь делать? — робко спросила Рита.

— Хочу выиграть спор! Но если боишься, не ходи.

— Конечно, пойду! — возразила Рита.

— Тогда слушай. Помнишь хитрого Одиссея?

— Как же я могу не помнить своего отца?!

— Глупая, я говорю, о другом Одиссее, о настоящем! Я же сто раз рассказывал тебе легенду про него. Что он сделал, чтобы выбраться из грота великана Полифема, помнишь?

— Спрятался под брюхом у овцы... Ой! Ты думаешь, и мы могли бы так же?.. Но ведь я не помещусь там!

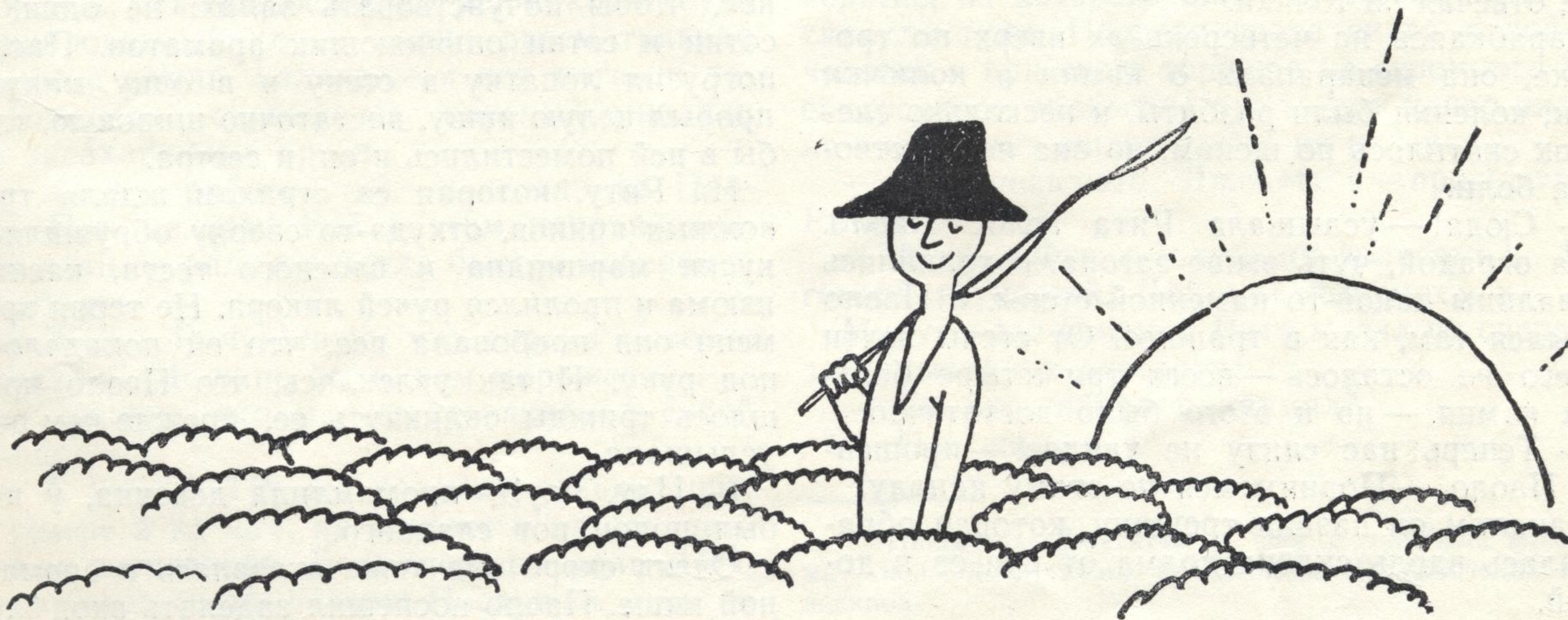
— И не надо. Пойдем.

— А маме оставим записку?

Синьора Чечилия в момент тревоги была у больной, которой делала укол, и прежде чем спуститься в подвал, успела позвонить детям, чтобы они спрятались у какой-нибудь соседки... Оставить ей записку — значило бы признаться, что они ее не послушались.

— Мы вернемся домой раньше нее, — заявил Паоло. Рита хотя и не очень была убеждена в этом, возражать не стала. Она бросила взгляд на Дзорро, который продолжал таявкать на овец, взяла свои лопатки и вышла за Паоло на лестницу.

Никто не остановил их в подъезде, никого не оказалось и на улице. Отправить их обратно домой было некому.

Паоло пропустил стадо и пристроился в хвосте. Рита следовала за братом. Собака было подозрительно заворчала, но тут же ей пришлось побежать за ягненком, который отбил от стада. А пастухи не оборачивались. Они спокойно шли к самому холму и, наверное, даже не замечали, что в этот вечер все было немного необычно, не так, как всегда. Их не удивило, что целая пожарная команда заняла знакомую тропинку, а на вершине Монте Кукко было нечто такое, что заставило весь мир затаить дыхание.

— Куда вы идете? — крикнул часовой, услышав топот стада.

— Добрый вечер, лейтенант. Чего вы от нас хотите? Мы пастухи и идем туда, куда идут наши овцы.

— Возвращайтесь назад! Быстро назад!

Другие часовые тоже обернулись и принялись добродушно смеяться. И это было их ошибкой, как объяснил Рите Паоло, потому что овцы не понимали шуток. Они знали только, что в двадцати метрах от них находится холм и тихий загон, ожидавший их на ночь. Может, они и послушались бы своих пастухов, но один из них был мальчуган, чуть придурковатый, а другой немного глухой: прежде чем часовые успели растолковать пастухам, что к чему, упрямые и напуганные овцы, толкаясь, блея, отчаянным штурмом прорвали цепь солдат и в облаке пыли устремились вперед.

— Быстро! — шепотом приказал Рите Паоло. — Делай, как я.

Воспользовавшись суматохой, он бросился на четвереньки и прополз в середину стада. Обо всем остальном позаботились овцы. Окружив со всех сторон, они подталкивали их вверх по тропинке — и его, и Риту. Немного испугавшись поначалу, девочка быстро освоилась с новым способом путешествия; ей даже нравилось шлепать овец по теплым и мягким бокам, отвечая на толчки.

Карабкаясь на четвереньках вверх по тропинке, она исцарапала о камни и колючки руки, коленки были разбиты, и несколько слезинок скатилось по щекам, но она не чувствовала боли.

— Сюда! — услышала Рита голос Паоло.

За оградой, чуть выше загона, сохранились развалины какой-то каменной стены, и Паоло укрылся там, как в траншее. От стены почти ничего не осталось — всего три-четыре больших камня, — но и этого было достаточно.

— Теперь нас снизу не увидят! — прошептал Паоло. — Поднимемся по этому каналу.

Каналом он назвал трещину, которая образовалась вдоль склона холма от ручьев и дождей.

— Ты в самом деле хочешь пойти туда? — едва слышно спросила Рита, глядя наверх.

Метрах в двадцати над их головами чернел край таинственного предмета. Теперь, когда он был так близко, Рита даже про себя не осмеливалась назвать его тортом: он вдруг снова стал страшным и загадочным предметом.

— Хочешь, подожди меня здесь, — предложил Паоло. Он был тверд и решителен, как Колумб, когда тот впервые ступил на новый континент. Рита подавила страх:

— Нет, я с тобой.

Молча они карабкались вверх по холму и вскоре очутились совсем близко от предмета — всего в нескольких шагах.

На таком расстоянии он был похож на грозную и неприступную стену.

— Я пойду вперед, — заявил Паоло, — когда дам знак, поднимайся тоже. И не пугайся, если услышишь крики.

— А если в меня станут стрелять?

— Ну-ну, никто в тебя не станет стрелять!

— Подожди минутку. Возьми все-таки лопатку: если это торт, сделай в нем дырку, и мы там спрячемся.

Паоло нехотя взял лопатку. Ему казалось, что, поступая так, он отказывается от своих убеждений. Кроме того, он чувствовал, что немножко смешно идти навстречу пришельцам из космоса с совочком в руках.

«У них, — думал он, — наверняка есть и гиперболоид, и дезинтегратор, и черт в ступе!»

Но лопатку взял. И хорошо сделал, потому что на вершине Монте Кукко его не ожидали ни марсиане, не венерианцы, готовые уничтожить его, как муравья. Не было там и самого космического корабля, хотя бы такого, какой мог представить себе Паоло, большой знаток научно-фантастических фильмов.

Не было необходимости даже прочистить нос, чтобы почувствовать запах: не один, а сотни и сотни опьяняющих ароматов. Паоло погрузил лопатку в стену и в одну минуту прорыл целую нишу, достаточно широкую, чтобы в ней поместились и он, и сестра.

На Риту, которая со страхом ждала тревожных криков, откуда-то сверху обрушились куски марципана и слоеного теста, каскад изюма и пролился ручей ликера. Не теряя времени она пробовала все, что ей попадалось под руку. И так увлеклась, что Паоло пришлось трижды окликнуть ее, прежде чем она услышала.

— Иду, иду! — промямлила девочка, у нее был полон рот сладкого.

Очень скоро она тоже оказалась в ароматной нише. Паоло поспешил заделать вход бло-

ком из цуката, оставив только небольшое отверстие для воздуха и света.

— Теперь ты убедился? — спросила Рита, сделав паузу между кусками торта, который она поглощала.

— Ладно, ты выиграла. Это — торт. Я отдам тебе все, что проиграл.

— Конечно, отдашь. Ведь спорят не просто так, ради одних разговорчиков.

— Отстань. Я уже сказал тебе, что отдам. А теперь не мешай мне работать. Иди сюда и сядь в сторонке. Я сейчас начну прорывать галерею. Я хочу обследовать весь торт. Не затем я сюда пришел, чтобы объедаться сладостями!

— Ах, вот ты какой! У нас под ногами по крайней мере полметра шоколада, мы сидим в гроте из слоеного теста... Укрытие здесь надежнее, чем у Пиноккио, когда тот оказался в животе у акулы, а тебе еще надо что-то обследовать!

— Да ешь себе на здоровье сколько хочешь! А я буду прорывать галерею!

— Нет, — сказала Рита, — я тебе помогу. Я могу и есть, и работать.

Под ударами лопатки торт постепенно раскрывался, как джунгли под топором первооткрывателя. Брат и сестра без труда преодолели несколько слоев крема, взбитых сливок и миндального теста. Прорыли ручейки сладкого крема, по колени погрузились в смородиновый сироп, осветили своим ручным фонариком гроты, образованные внутри торта подземными ликерными течениями.

Большие засахаренные вишни, словно километровые столбики, время от времени попадались на пути. Паоло, продвигавшийся вперед с азартом исследователя, попросту обходил их, а Рита набивала рот. Одной рукой она помогала брату расширять галерею, а другой шарила по стенам из мороженого крем-брюле. То и дело она подносила ко рту какой-нибудь фаршированный орех или рассматривала странные камни, валявшиеся под ногами: чаще всего это оказывался жареный миндаль или засахаренные орехи.

— Да ну, работай же, — подгонял ее Паоло. — Нет, не там! Рой в этом направлении; надо идти по радиусу, тогда быстро доберемся к центру.

— Жаль. Я чувствую, что справа повеяло холодком... Должно быть, там мороженое...

— Досадно, что мы не захватили с собой компас.

— А зачем? Тут же повсюду только торт: на севере и на юге, на востоке и на западе — куда ни посмотришь. Ведь спор выиграла я! Ой, тут слишком много ликера! Послушай, а мы не

опьянеем? Ай! Дождь пошел... Дай попробовать... Да это вовсе не вода, это марсала! На помощь, тону! Ах нет, мне только показалось. Мы идем сейчас по бисквиту; по правде говоря, я бы предпочла миндальное тесто, оно более надежное.

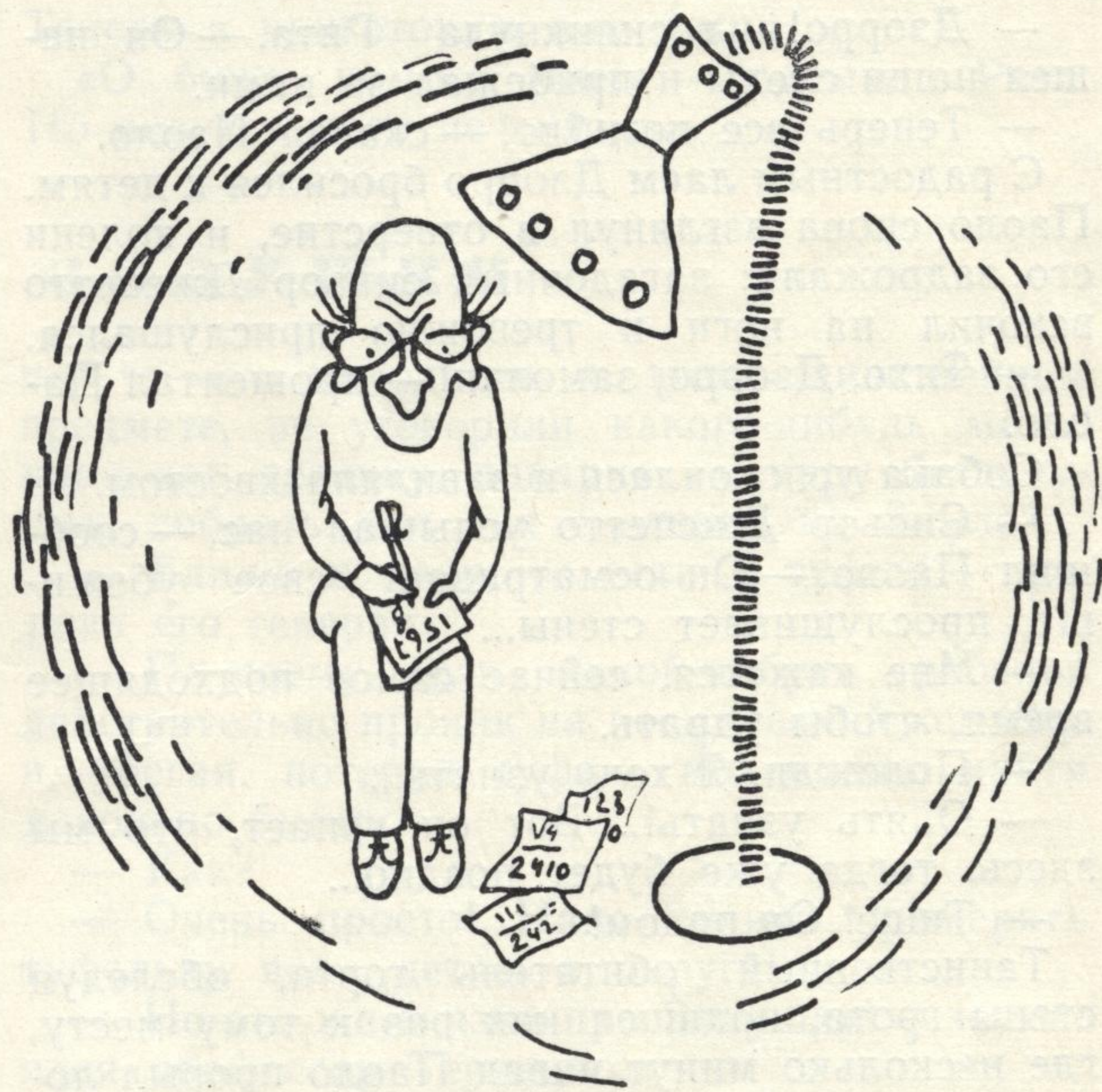
Паоло ни на мгновение не переставал рыть. Не разжимая рта, он мысленно составлял перечень материалов, которые встречались на его пути: малиновое варенье, взбитые сливки, крем, фисташковое мороженое...

Вдруг он замер и тревожно сжал руку Риты.

— Погаси фонарик! — приказал он шепотом.

— И без него светло почему-то...

— Тихо! Смотри.

В стене, от удара лопатки, открылось отверстие, из которого бил луч света. Рита заглянула туда. Посреди грота сидел какой-то человек и при свете торшера из огромного засахаренного апельсина что-то торопливо писал на листах, лежавших у него на коленях.

— Так ведь это Джепетто! — прошептала Рита.

— А ты — Фея с голубыми волосами¹... Не говори глупостей. Дай мне подумать.

Минуты две Паоло и Рита молча по очереди заглядывали в отверстие.

— Ты что-нибудь придумал?

— Нет еще.

¹ Пиноккио, Джепетто и Фея с голубыми волосами — персонажи сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккио».

— Скажи мне хотя бы, что ты хочешь придумать. Я тоже стану думать. Ждать просто так очень скучно.

— Ладно, давай назовем его пока синьором Джепетто, просто чтобы как-то называть, — ответил Паоло. — Но кто же он такой на самом деле? Что он здесь делает, внутри торта? Как сюда попал?

— Не знаю. Может быть, так же, как мы. А потом, видишь, он что-то пишет! Наверное, он писатель. Или журналист.

— Ну вот, теперь тебе есть о чем думать. Но помолчи, а то он заметит нас.

Рита успокоилась и принялась лизать стены из мороженого. Но вдруг тишину разорвал громкий собачий лай. Это было так неожиданно, словно взрыв бомбы.

— Дзорро! — воскликнула Рита. — Он нашел наши следы и прибежал за нами.

— Теперь все погибло! — сказал Паоло.

С радостным лаем Дзорро бросился к детям. Паоло снова взглянул в отверстие, и колени его задрожали: загадочный синьор Джепетто вскочил на ноги и тревожно прислушался.

— Тихо, Дзорро, замолчи! — прошептал Паоло.

Собака успокоилась и завиляла хвостом.

— Синьор Джепетто услышал нас, — сообщил Паоло. — Он осматривает свое убежище, прослушивает стены...

— Мне кажется, сейчас самое подходящее время, чтобы удрать.

— Подожди. Я хочу узнать...

— Опять узнать!.. Вот он узнает, что мы здесь, тогда уже будет поздно...

— Тише! Он рядом!

Таинственный обитатель торта, обследуя стены грота, подошел как раз к тому месту, где несколько минут назад Паоло прорыл лопаткой окно. Паоло смог близко рассмотреть его. Это был человек почти старый, почти лысый, почти кривой — все в нем было «почти», кроме очков. Они были просто огромные, а не

«почти огромные»: каждое стекло примерно с палец толщиной, а за ними блестели очень живые и очень черные глаза. Человек был одет в длинный серый балахон — что-то среднее между халатом грузчика и фартуком лавочника. Из-под расстегнутого воротничка выглядывал косой обрывок галстука.

— Бежим, Паоло!

Но Паоло словно пригвоздило к окошку. Он не отошел даже тогда, когда синьор Джепетто увидел его. Две пары глаз, находясь по разные стороны стены (насколько известно, из фисташкового мороженого), с любопытством и настороженно смотрели друг на друга. Загадочный синьор Джепетто, конечно, не почувствовал ни капельки страха, он только крикнул сердито:

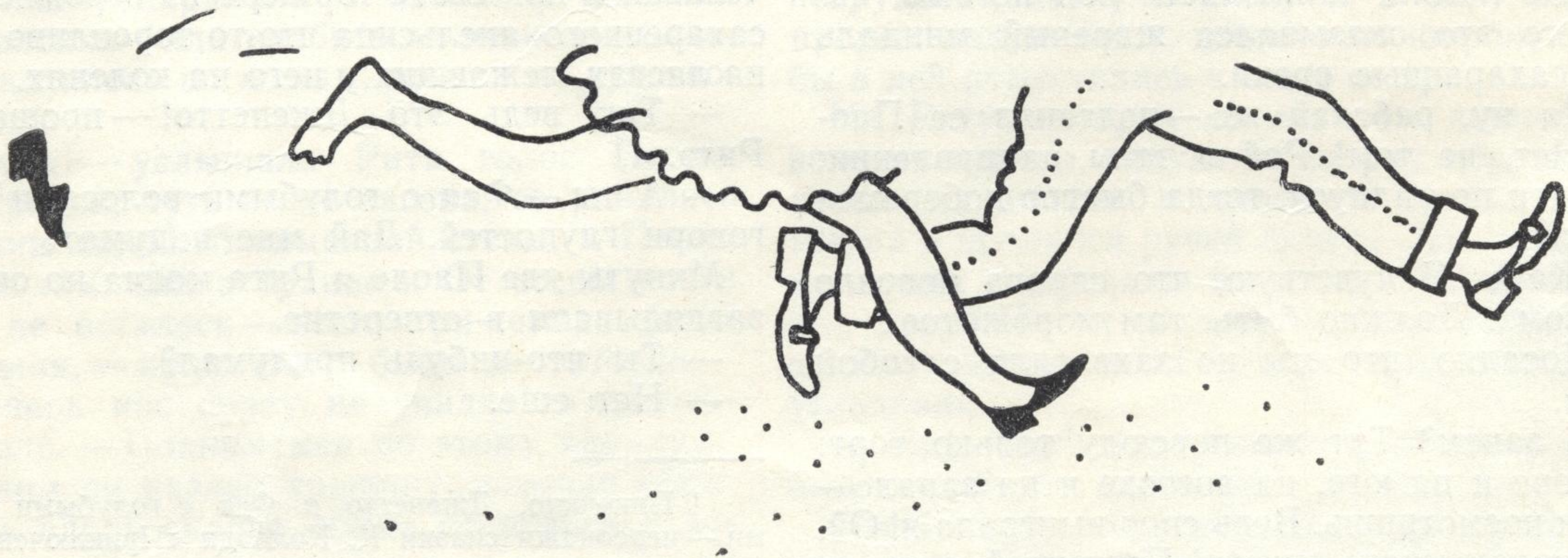
— Скуак, скуок, карапак, пик!

Так примерно звучало то, что он произнес. Возглас старика поразил Паоло и Риту. И Дзорро, конечно, тотчас вскочил и принялся лаять.

— Брик, брок, караброк, пок! — прокричал старик и начал расширять отверстие. В одно мгновение он проделал большое окно и высунулся в него, продолжая кричать на непонятном языке.

— Бежим скорее! — завопил Паоло. Он пятился назад, пристально глядя в лицо старика, появившееся в проеме зеленоватой стены и освещенное фонариком Риты. И мальчику показалось, что он увидел улыбку за толстыми стеклами очков... Но в ту же минуту дети бросились бежать со всех ног по длинной галерее, шлепая по крему, ликеру, утопая в болотах из мармелада, натываясь на стены из бисквита и слоеного теста.

Наконец вдали появился какой-то свет... там, внизу... Была уже ночь, но все прожекторы были зажжены и направлены на торт... Паоло в отчаянии разбирал заложенный цукатом выход из торта... Потом он швырнул фонарик далеко вниз и закричал:

— Дзорро, взять его!

Пес не заставил повторять команду; он с лаем вырвался из торта и помчался вниз по тропинке, чтобы поймать фонарик — так всегда играли с ним Рита и Паоло. Лучи прожекторов тотчас же устремились за ним, скользя по холму. Внизу поднялся невероятный переполох.

И на этот раз Паоло хорошо придумал. Брат и сестра побежали тоже вниз, но в ту сторону, которую не освещали прожекторы. И скатились прямо под ноги часовых, не заметивших, откуда появились дети. Стражники набросились на ребят:

— Назад, куда идете!

— Ура! Мы спасены!

— Ой, мамочка! — вдруг воскликнула Рита. — Я потеряла туфлю!

— Где?

— Не знаю. Наверное, когда спускалась. Я вернусь за ней.

— Ай да умница! Ведь тебя поймают, и тогда все раскроется.

— И торт съедят. Ты прав, лучше пожертвовать туфлей.

Когда они вернулись, матери не было дома. Она пришла полчаса спустя после того, как Диомед, видя, что марсиане не проявляют никаких попыток к нападению, позволил жителям Трулло выйти из подвалов.

— Вы были умниками? Не боялись?

— Да, мама, — сказал Паоло, имея в виду первый вопрос.

— Нет, мама, — ответила Рита на второй вопрос.

— Молодцы! — сказала синьора Чечилия. — Теперь я приготовлю вам ужин.

«О боже, помоги мне!» — подумала Рита. Но вслух ничего не сказала.

ТУФЕЛЬКА ЗОЛУШКИ

Когда прожекторы, предоставив Дзорро своей судьбе, снова направили свет на холм, какой-то пожарник вдруг заметил метрах в пяти-шести от своего носа — в запретной зоне — детскую туфельку.

— Этой туфельки здесь раньше не было! — сказал он. — Я весь вечер глаз не спускал с этого участка и пересчитал все камни один за другим. Уверяю вас, минуту назад этой туфли не было! А теперь, если память мне не изменяет, кажется, я видел и какую-то тень, мелькнувшую на холме. Пока мы зря теряли время из-за этого глупого пса...

— Отнеси туфлю в штаб и выбрось ее из головы! — подсказал ему другой пожарник.

— Конечно, отнесу. И сейчас же.

Диомед, то есть главнокомандующий, взглянул на туфельку с усмешкой. Он спросил у присутствующих, не предполагали ли участники операции «ПК» открыть магазин поношенной детской обуви. Может быть, в этом именно заключалась цель операции? Все насмешливо осмотрели туфельку (особенно мудро посмеивались профессор Росси и профессор Теренцио) и отметили, что на обуви в двух местах имеются дырки. Может быть, марсиане носят такие туфли на голове вместо шлема, просовывая в эти дырочки антенны?

Но полицейский Мелетти, по прозвищу Хитрый Одиссей, оказался самым дальновидным.

— Синьоры, — сказал он, — если позволите высказаться и мне... Дети, известное дело, не знают разницы между добром и злом, не признают опасностей. Кто может утверждать,

что те, кто находится в этом таинственном предмете, не уговорили какого-нибудь мальчика или девочку, подарив им пару безделушек, собрать для них сведения на Земле?

— Ближе к делу, то есть к туфле! — прервал его генерал.

— По-моему, если какой-нибудь ребенок действительно проник на космический корабль и, убегая, потерял туфлю, его можно найти довольно быстро.

— Как?

— Очень просто! Надо только примерить туфельку всем детям в округе!

— Но это же сказка про Золушку! — засмеялся профессор Теренцио.

— В сказках тоже скрывается истина, — заметил профессор Росси. Заметил только для того, чтобы показать, что его коллега не прав.

— Хорошо, — отрезал генерал, — проведите примерку. По крайней мере, вам будет благодарна мать ребенка, потерявшего туфлю. Хоть одно доброе дело сделаете.

Хитрый Одиссей завернул туфлю в газету, перевязал пакет крепкой бечевкой, запечатал сургучом и положил в шкаф школьной библиотеки, приказав часовому всю ночь не спускать с него глаз.

— Тут военная тайна! — сказал он. — Смотри, чтобы не украли!

Вернувшись домой, он застал детей в постели уже спящими. Синьоре Чечилии он кратко рассказал о событиях дня, умолчав, однако, о туфельке, потому что военные тайны нельзя доверять даже женам.

На следующее утро рано-рано он отправился в штаб, взял туфельку и принялся ходить из дома в дом, с одной лестницы на другую, от одной двери к другой.

— Тук-тук... Откройте, синьора Роза. Это я — полицейский Мелетти. Я по поводу вашего сына.

— Что еще натворил этот злодей?!

— Ничего, ничего не натворил, синьора Роза! Приказ командования. Я обязан примерить эту туфлю.

Синьора Роза (либо синьора Чезира, синьора Матильда, все зависело от случая) открывала дверь. Она была еще в домашних туфлях, в халате, с бутылкой молока в руках. Она будила своего «злодея», и начиналась примерка.

— Но, синьор Мелетти, разве вы не видите? Это туфелька тридцать второго размера! А мой сын носит сороковой. Что еще за шутки...

— Приказ есть приказ.

В некоторых квартирах он находил целый выводок сонных ребятишек. Отец, как правило, в это время брился и ворчал:

— А что, теперь городская община будет раздавать детям разрозненные пары обуви? Да еще дырявой? В двух местах.

— Потерпите, синьор, потерпите. Приказ командования.

Понятно, что нашлось немало таких детских ножек, которым туфелька пришлась впору. И всякий раз синьор Мелетти начинал выпрашивать:

— А где другая?

— Какая другая? У моей дочери никогда не было таких туфель, как эта!

— А где ты была вечером в десять часов?

— Синьор Мелетти,—отвечала мать,— моя дочь каталась во Францию, прошвырнуться немного по Парижу! В кровати она была, вот что! У меня сколько угодно свидетелей! Спросите хотя бы синьора Густаво, что живет напротив: вчера он весь вечер сидел у нас, смотрел телевизор.

Синьор Густаво подтверждал. И путешествие Хитрого Одиссея продолжалось.

— И все же, — ворчал в усы добрый Мелетти, — все же эта туфелька кажется мне удивительно знакомой! Я видел ее у кого-то на ногах. Могу поклясться! Эту туфельку я уже видел — это точно. Мне особенно запомнились дырки на ней. Кстати, что мне говорила жена сегодня утром? А, что Рита снова износила туфли. У этой девчонки просто горят подметки!

Переходя из квартиры в квартиру, синьор Мелетти очутился, наконец, у своего дома.

Прежде всего он постучал к привратнице, у которой была девочка лет пяти-шести. Женщина немного дулась на синьора Мелетти, как и на всякого полицейского вообще, а на него особенно, — года два назад он оштрафовал ее мужа за превышение скорости.

— Синьора Матильда, ваша девочка уже проснулась?

— А что, вы торопитесь оштрафовать ее? — зло ответила синьора Матильда.

— Что вы, что вы! Никаких штрафов! Дело обстоит так-то и так-то.

И Хитрый Одиссей объяснил цель своего прихода. В это время жильцы дома, женщины и дети, уже собрались на лестнице. Потому что всегда было над чем посмеяться, когда встречались синьор Мелетти и синьора Матильда.

— Ах, вот так-то и так-то! — передразнила синьора Матильда. — По-вашему, моя девочка может быть марсианской шпионкой?!

— Нет, я этого не говорю!

— Ну да, вы этого не говорите, но я сразу все поняла!

— Короче — не я сочиняю приказы!

— Но штрафуете, однако, вы!

— Я исполняю свой долг! — воскликнул оскорбленный Мелетти.

— Тогда давай, Мария-Грация, примерь туфельку... Она тебе велика? Так ведь, мое сокровище? Иди обратно в постельку, моя крошка. А теперь туфельку примерю я сама!

— Но, синьора Матильда, приказ касается только детей!

— Ах вот что! Набрасываться на невинных вы умеете... Посмотрим, как вы со мной справитесь!

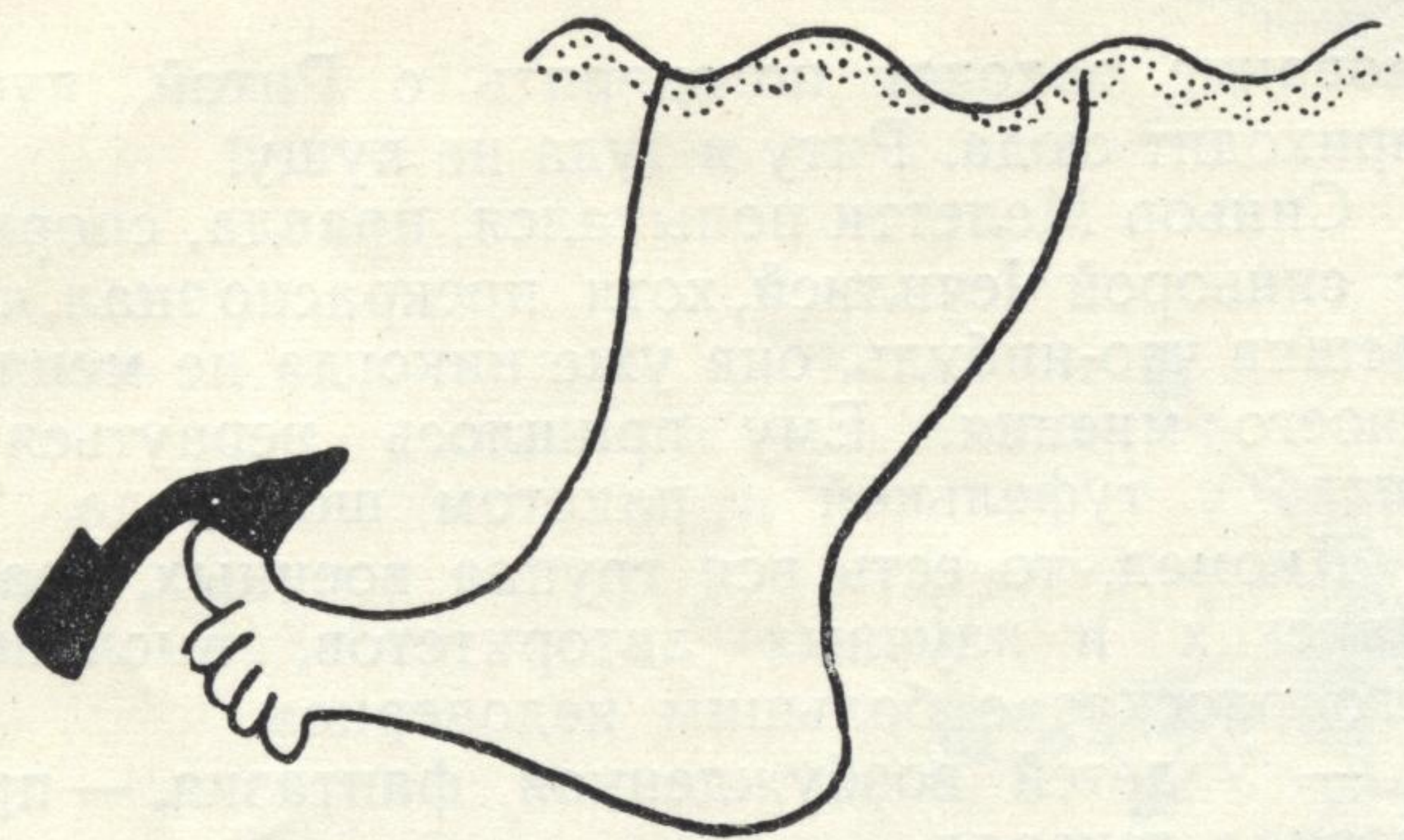
— Ради бога, не надо! Вы испортите туфлю!

— Я легка, как пух! Вешу только сто двенадцать килограммов. Вот как-нибудь возьму и устрою на ярмарке балаган под вывеской «Женщина-пушка». Заработаю куда больше денег, чем убирая тут за всякими!..

По лестнице раскатился смех. На площадку выглянули новые жильцы, которые еще не принимали участия в этом спектакле. Вышли на лестницу и синьора Чечилия с Паоло и Ритой.

Синьора Чечилия, увидев, что муж сражается с привратницей, быстро спустилась вниз. Паоло побежал за нею, а Рита, конечно, следом за Паоло. Девочку уже мучили недобрые предчувствия. Она первая поняла, что предметом спора была ее туфля.

— Нет, теперь-то я примерю ее во что бы то ни стало! — объявила синьора Матильда на весь дом.

Сбросив домашнюю туфлю, она стала втискивать свою слоновую ступню в маленькую детскую туфельку.

— Палец влез! — торжествующе объявила она. — А теперь-то, вот увидите, влезут и остальные.

Тут вдруг вмешалась синьора Чечилия.

— Стой, что ты делаешь? — закричала она.

— Примеряю туфлю! По приказу твоего мужа.

— Да разве ты не видишь, что это туфелька Риты? Что за глупые шутки?!

Синьор Мелетти раскрыл было рот, да так и остался стоять, будто его поразило молнией.

В ЖЕРТВУ НАУКЕ

Синьор Мелетти еще несколько минут разгонял любопытных и наводил порядок на лестнице, а когда поднялся к своей квартире, то оказалось, что дверь закрыта изнутри на цепочку.

— Открой! — закричал он жене. — Во имя закона!

— Какого еще закона! Что ты хочешь с ней сделать, с бедной девочкой?

— Ты лучше у нее спроси, что она натворила! Спроси-ка у нее, где и когда она потеряла свою туфлю! Ипусти меня, а то все соседи услышат.

Это убедило синьору Чечилию. Она сняла цепочку и приоткрыла дверь. Прежде чем впустить мужа, она внимательно посмотрела на него, стараясь понять его намерения. Лицо синьора Мелетти было обычным, только, может быть, немного более озабоченным, чем всегда, но все-таки без видимых следов сумасшествия.

— Ну, ладно, входи! А ты перестань реветь!

Последние слова были обращены к Рите, которая отчаянно плакала.

— Наша дочь — шпионка! — заявил синьор Мелетти. Он тяжело опустился на стул и,

Синьора Матильда, напротив, принялась так хохотать, что чуть не задохнулась от смеха, и какой-то соседке пришлось сбегать за стаканом воды.

— Так ты мне объяснишь, что тут происходит? — закричала синьора Чечилия, крепко ухватив мужа за плечи.

— Военная тайна... — пробормотал Хитрый Одиссей.

— Где ты нашел эту туфлю? И что значит весь этот цирк?

— Молчи! Не вынуждай меня говорить!

Полицейский пришел наконец в себя и, осмотревшись вокруг с профессиональной строгостью, воскликнул:

— Освободить помещение! Разойтись! Спектакль окончен!

Первым, кто беспрекословно повиновался ему, был Паоло. Он незаметно проскользнул в дверь и пустился наутек.

— А ну-ка, пойдем домой, разберемся как следует!

Рита пыталась увильнуть от отца и пряталась за маму. Та, ничего не понимая, продолжала сердиться:

— Посмотрите-ка, посмотрите, как эта толстуха испортила туфельку нашей Риты! Ничего, смеется тот, кто смеется последним!

размахивая туфелькой, добавил: — У меня есть доказательства!

— Какие еще доказательства? Дырки? Они доказывают только, что бедной Ритучче давно уже пора купить новые туфли!

— Да нет, ты не понимаешь...

— Чего же это я не понимаю?

Синьор Мелетти рассказал жене все, что касалось туфельки: как ее нашли в запрещенной зоне, как заподозрили, будто марсиане через детей собирают сведения, как он ходил по домам, примеряя туфельку.

— Нет никакого сомнения, — закончил он, — что наша дочь работает на марсиан!

— Но это же не марсиане! — не выдержала Рита, вытирая слезы о мамину юбку.

— Вот видишь, — загремел Хитрый Одиссей, — она знает, кто они! Значит, ты была там и видела их! И потеряла туфельку, выходя из космического корабля!

— Но это не космический корабль! — возразила Рита. — Это торт!

Мать сразу же изменила позицию и немедленно отпустила дочери подзатыльник:

— Я покажу тебе торт!

Синьора Чечилия имела привычку действовать раньше, чем подумать. Рита снова расплакалась. На этот раз, однако, она плакала от обиды, потому что ей не хотели верить.

— Это торт, торт! — продолжала она кричать сквозь слезы. — И сейчас я докажу вам это!

Она побежала на балкон, родители за нею. Там она отодвинула вазу с цветами и сказала:

— Вот он!

Это Паоло придумал так спрятать остаток шоколада. Он завернул его в газету, перевязал бечевкой и подвесил на балконе. Теперь синьора Чечилия очень осторожно потянула веревку, будто это шнур от бомбы. Пакет был поднят, его молниеносно развернули и увидели, что там.

— Шоколад! — согласилась синьора Чечилия, доверяя своему носу. — Откуда он у тебя?

— Кто его тебе дал? — наступал синьор Мелетти.

— Мне никто его не давал. Он упал с неба! Оторвался от торта, прежде чем тот упал на Монте Кукко.

Второй подзатыльник доказывал, что мать не верила ни единому слову.

— Видишь! — воскликнул синьор Мелетти. — Она на их стороне и защищает марсиан. Придумывает разные небылицы, чтобы выгородить наших врагов. Теперь ты веришь, что она шпионка?

— Шпионка или нет — я не знаю, — сказала синьора Чечилия, — но лгунья — это точно! Все-таки она одна не могла бы придумать такую историю. А где Паоло? В самом деле, где он?

— Он удрал, воспользовавшись суматохой! — догадался синьор Мелетти. — Но я его поймаю! А сейчас идем в штаб!

— В штаб? Ты с ума сошел! Моя дочь не пойдет в штаб.

— Пойми, Чечилия, отечество в опасности! О господи, что я говорю! Все человечество в опасности! Мы не можем скрывать сведения, какими располагаем!

— Ну как может быть отечество в опасности из-за какого-то торта?! — воскликнула Рита, топая ногой.

Мать угостила ее третьим подзатыльником и резко добавила:

— Молчи, а то еще получишь! Сделаем так, — сказала она, обращаясь к мужу. — Ты пойдешь в штаб и расскажешь, как обстоит дело. По-моему, ты прекрасно понимаешь, что дети просто разыгрывают нас. Но если коман-

дование захочет поговорить с Ритой, пусть приходит сюда. Риту я туда не пущу!

Синьор Мелетти попытался, правда, спорить с синьорой Чечилией, хотя прекрасно знал, что, решив что-нибудь, она уже никогда не меняла своего мнения. Ему пришлось вернуться в штаб с туфелькой и пакетом шоколада.

Диомед, то есть вся группа военных, гражданских и научных авторитетов, выслушал его рассказ с большим недоверием.

— У детей возбужденная фантазия, — проворчал генерал.

— Они известные выдумщики! — добавил полковник.

— Но это действительно кусок шоколада! — заметил Хитрый Одиссей. Он, разумеется, был доволен, что Диомед не принял его дочь за шпионку. С другой стороны, ему было неприятно, что Риту считают лгуньей.

— Что об этом скажет наука? — спросил генерал.

Профессор Росси и профессор Теренцио наклонились к шоколаду и понюхали эту вещественную улику.

— Ничто не мешает нам предположить, что дети нашего braveго полицейского не приобрели этот шоколад в ближайшей кондитерской, — заключил профессор Теренцио.

— Это исключено! — возразил синьор Мелетти. — По дороге сюда я обошел все кондитерские. Во-первых, никто в Трулло не продает шоколад такими огромными кусками. Во-вторых, мои дети были последний раз в кондитерской на прошлой неделе. Они купили две жевательные резинки. Этот шоколад не из Трулло.

— Конечно, конечно! Он свалился с неба, словно манна небесная! — съехидничал профессор Теренцио.

— А если так, не хотите ли вы попробовать его, уважаемый коллега? — предложил профессор Росси.

— Нет, — возразил профессор Теренцио, — давайте лучше сделаем химический анализ. Если шоколад неземного происхождения, в нем непременно окажутся какие-нибудь не известные нам элементы.

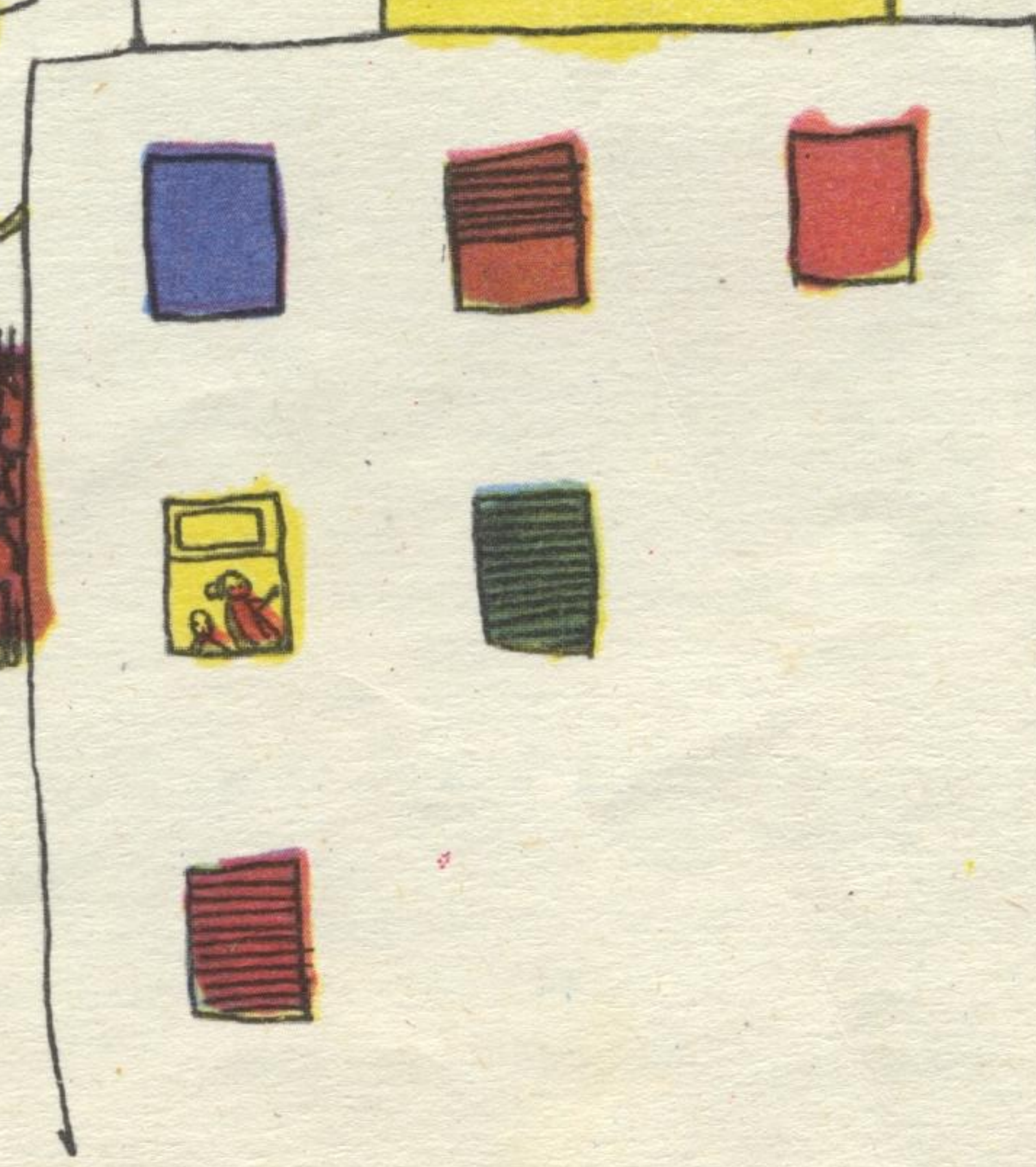
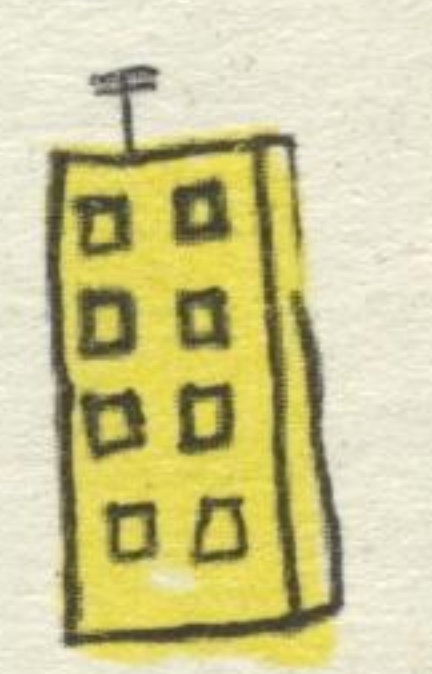
— А по-моему, вы просто боитесь попробовать его! — заявил профессор Росси.

Профессор Теренцио стукнул кулаком по столу и побледнел:

— Я ничего не боюсь! Я только забочусь об интересах науки!

— Но в истории науки были врачи, которые прививали себе страшные заразные болезни! — ответил профессор Росси.

Продолжение следует

Моя привычка

Мелькающим вагонам
люблю махать рукой.
Колес внезапный гомон —
и сизнова покой,
и снова тишь лесная,
береза и сосна.
Но Кто-нибудь, я знаю,
заметит из окна
реки моей излучку,
и домик,
и мою
приветливую руку
в промчавшемся краю!

Обрадуется Кто-то,
прильнув к стеклу щекой,
что на разъезде Кто-то
махнул ему рукой.
И вот — прошла минута,
а мы уже друзья,
хоть не узнать Кому-то,
что Кто-то — это я...

...Я людям незнакомым
машу рукою вслед.
Ведь по таким законам
устроен белый свет:
чтобы гудок срывался
и поезд дребезжал,
чтоб кто-то оставался,
а кто-то уезжал.
Когда ж я сам поеду
в свой первый взрослый путь —
свою привычку эту
отдам кому-нибудь.

Мне лес чужой сосною
кивнет наверняка,
блеснет чужой волною
безвестная река!
Запомню лес, излучку
и неизвестно чью
приветливую руку
в промчавшемся краю...

Что такое перемены

Перемены — это в школе:
в коридорную страну
выбегают Оли, Коли
и взрывают тишину.

Пять минут возни и визга
и полетов кувырком
после Игрека да Икса,
перед Русским Языком!

Перемены — это... это...
Это — поезд, это — путь!
Это город после лета,
изменившийся чуть-чуть!

Это — выигрыш в футболе,
Новый Год и Новый Дом!
Переменам тесно в школе!
Тесно им во мне самом!

На простор меняю стены!
На учебники — листву!
Перемены, перемены,
я без вас не проживу!

Что сегодня потеряю?
Завтра что найду взамен?
Сам себя я отворяю
для прекрасных перемен!

Еж

Ежа в руках держу.
Как объяснить ежу,
что я ему не сделаю плохого?
Что будет молоко,
что будет жить легко,
и сытно, и уютно, и толково?

Но сердцем он стучит,
и носом он фырчит,
выпячивая серые иголки,
и так и рвется прочь,
в свою сырую ночь,
где только дождь и вымокшие елки.

Мы словно рубежом
разделены с ежом,
устроен он ужасно по-другому!
Я открываю дверь,
и непонятный зверь,
оглядываясь, катится из дому...

КАК Я ПРЫГАЛ С ПАРАШЮТОМ

Б. Никольский

Не так давно я побывал в воздушно-десантном подразделении, около двух месяцев провел среди десантников. И вот когда я вернулся в Ленинград, все мои друзья и знакомые при встрече обязательно задавали один и тот же вопрос. Словно сговорились.

— А ты сам-то прыгал?

И я с гордостью отвечал:

— А как же! Конечно, прыгал!

— И страшно было?

И тут приходилось признаваться, что действительно было страшновато. Ведь даже с пятиметровой вышки первый раз прыгнуть в воду не так-то просто, а каково же первый раз шагнуть за борт самолета?

Ясное дело, прыгать без всякой подготовки никто не разрешит. И без солидного медосмотра — тоже.

Поэтому первым делом меня повели в учебно-тренировочный городок. Есть такой в каждом воздушно-десантном подразделении. Этот городок немножко похож на городок аттракционов в парке. Только аттракционы здесь, прямо скажем, «чуть-чуть» посложнее. Здесь солда-

ты проходят предпрыжковую подготовку: крутятся на специальных качелях-лопингах, прыгают с парашютной вышки, учатся правильно отделяться от самолета и управлять парашютом.

А мне для начала предложили сделать самое несложное упражнение — прыгнуть с двухметровой горки. Только не просто прыгнуть, а предварительно зажать между коленями и между косточками щиколоток две щепочки. Если во время прыжка щепочки не выпадут — значит, все в порядке, приземлился правильно, если выпадут — начинай все сначала. Мне, честно говоря, даже неловко стало — таким пустяковым показалось это упражнение. Вроде бы скакать через веревочку заставляют взрослого человека.

— А вы попробуйте, — засмеялся лейтенант, мой провожатый.

Я попробовал. Попробовал один раз — не получилось. Второй раз — опять ничего не вышло. Уж, кажется, так плотно сжимаю ноги — плотнее невозможно, а щепочки все равно падают.

Только на четвертый или на пятый раз получилось это упражнение.

И тут я узнал, что упражнение это, хоть и простое, а очень важное. Потому что для десантника правильно приземлиться — это самое главное.

...За день до прыжков солдаты укладывали парашюты. Нет для десантника дела серьезнее, чем укладка парашютов. Недаром в день укладки с утра не должно проводиться никаких занятий.

На плац вынесли и расстелили длинные брезентовые полотнища — «столы». На этих столах солдаты во всю длину растянули парашюты.

Проверяли оранжевые чехлы, проверяли белые купола, проверяли крепкие стропы. Потом начали укладывать. При укладке важна каждая мелочь. Малейшая оплошность, малейшая ошибка может обойтись очень дорого. Поэтому начальник парашютно-десантной службы, командиры по несколько раз после каждой операции тщательно проверяют — все ли верно.

Но вот наконец и укладка парашютов, и предпрыжковая подготовка, и медкомиссия, и все волнения и переживания — а вдруг врачи забракут, вдруг окажусь негоден? — остались позади.

Наступил день прыжков.

Первый раз в жизни я прибыл на аэродром не как пассажир. Уже на аэродроме надел комбинезон, надел парашют. А когда мне еще вручили тяжелый десантный нож в пластмассовых ножнах, тут уж я почувствовал себя настоящим десантником. Вообще нож обязательно входит в снаряжение парашютиста — на случай, если запутаются стропы и их придется перерезать.

Начальник парашютно-десантной службы в последний раз осмотрел наши парашюты, проверил, все ли в порядке, правильно ли подогнана подвесная система.

Мы стояли слегка нагнувшись, уперевшись ладонями в колени — такова обычная стойка десантника: ведь парашют весит немало. А если к этому еще прибавить автомат, противогаз, фляжку с водой, патроны, магазины, саперную лопатку, ранец, плащ-палатку, сухой паек — вес наберется порядочный...

И вот уже самолет в воздухе. Мы сидим на железных откидных скамейках и молчим. Шум мотора не дает разговаривать. Майор-связист — он сидит рядом со мной — хлопает меня по плечу: мол, не волнуйтесь, все будет хорошо. У него сегодня тоже необычный прыжок — трехсотый, юбилейный. Еще на земле мы договорились, что в случае необходимости он поможет мне в воздухе советом, подскажет, что и как.

Раздалась команда:

— Приготовиться!

По этой команде солдаты встают, откидывают сиденья.

Встаю и я.

Выпускающий, офицер, занимает свое место у выхода. Бортмеханик слегка приотворяет дверь.

Струя воздуха врывается в самолет.

Я чуть сгибаюсь, как меня учили, правая рука прижата к груди, левая — на кольце запасного парашюта. Стараюсь думать о чем-нибудь постороннем и не смотреть на дверь. Кажется, даже улыбаюсь. И вдруг:

— Отставить!

Даже для опытного десантника, когда он уже приготовился прыгать, нет ничего хуже этой команды. А уж обо мне и говорить не приходится.

Снова садимся. Бортмеханик закрывает дверь. Самолет делает новый круг.

Опять — «Приготовиться!» И опять — «Отставить!»

«Ну, — думаю, — еще пару раз так повторится, и от моей решимости не останется и следа...»

Но вот, кажется, все в порядке.

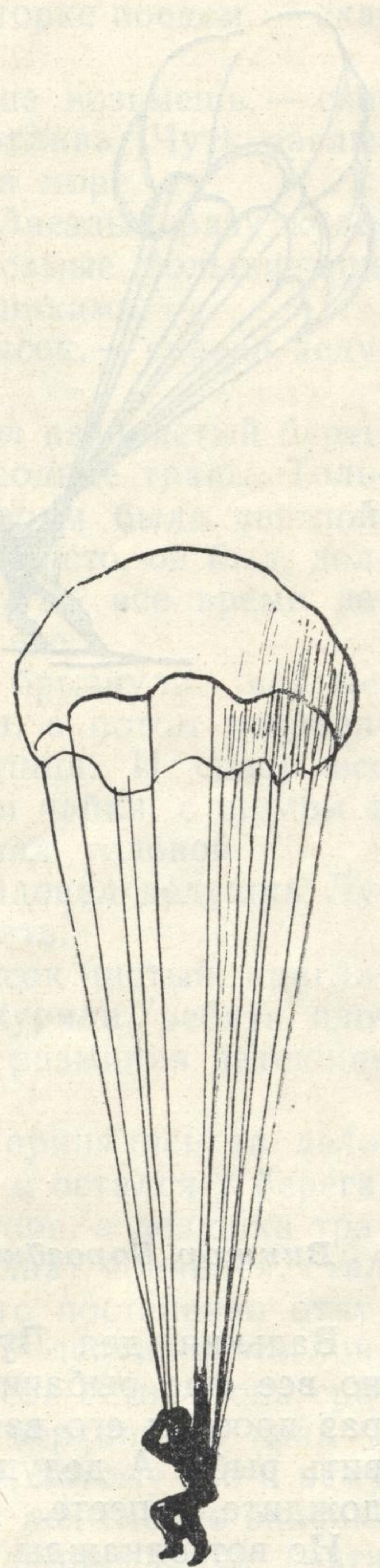
Бортмеханик распахнул дверь настежь.

Выпускающий крикнул:

— Пошел!

Первым прыгнул солдат-радист. Я увидел, как швырнуло его от самолета воздушным потоком, и только успел подумать: «Неужели и меня сейчас так?» — наступила моя очередь.

Честно говоря, заставить себя сделать вот эти последние два шага к распахнутой двери самолета было самым трудным.

Только бы не замешкаться! Только бы не остановиться!

Я шагнул за борт самолета, и в ту же минуту меня что-то толкнуло в плечо, куда-то потащило, развернуло, словно я нырнул в реку с очень сильным течением.

И вдруг наступила тишина. Парашют раскрылся. Я увидел над собой огромный белый купол. Но радоваться, оказывается, было еще рано. Неожиданно стропы начали закручиваться — и меня стало очень быстро вращать справа налево. Потом стропы начали раскручиваться и меня так же быстро начало вертеть слева направо. Потом стропы опять начали закручиваться... Это было не очень приятное ощущение. Но тут я вспомнил советы моих наставников и, уловив момент, когда стропы раскрутились, сильно обеими руками развел их в стороны. Вращение прекратилось. И я сразу почувствовал себя увереннее — как-никак, а парашют подчиняется мне.

Я посмотрел вниз, и мне показалось, что я вишу неподвижно, — земля была далекой и вроде бы совсем не приближалась.

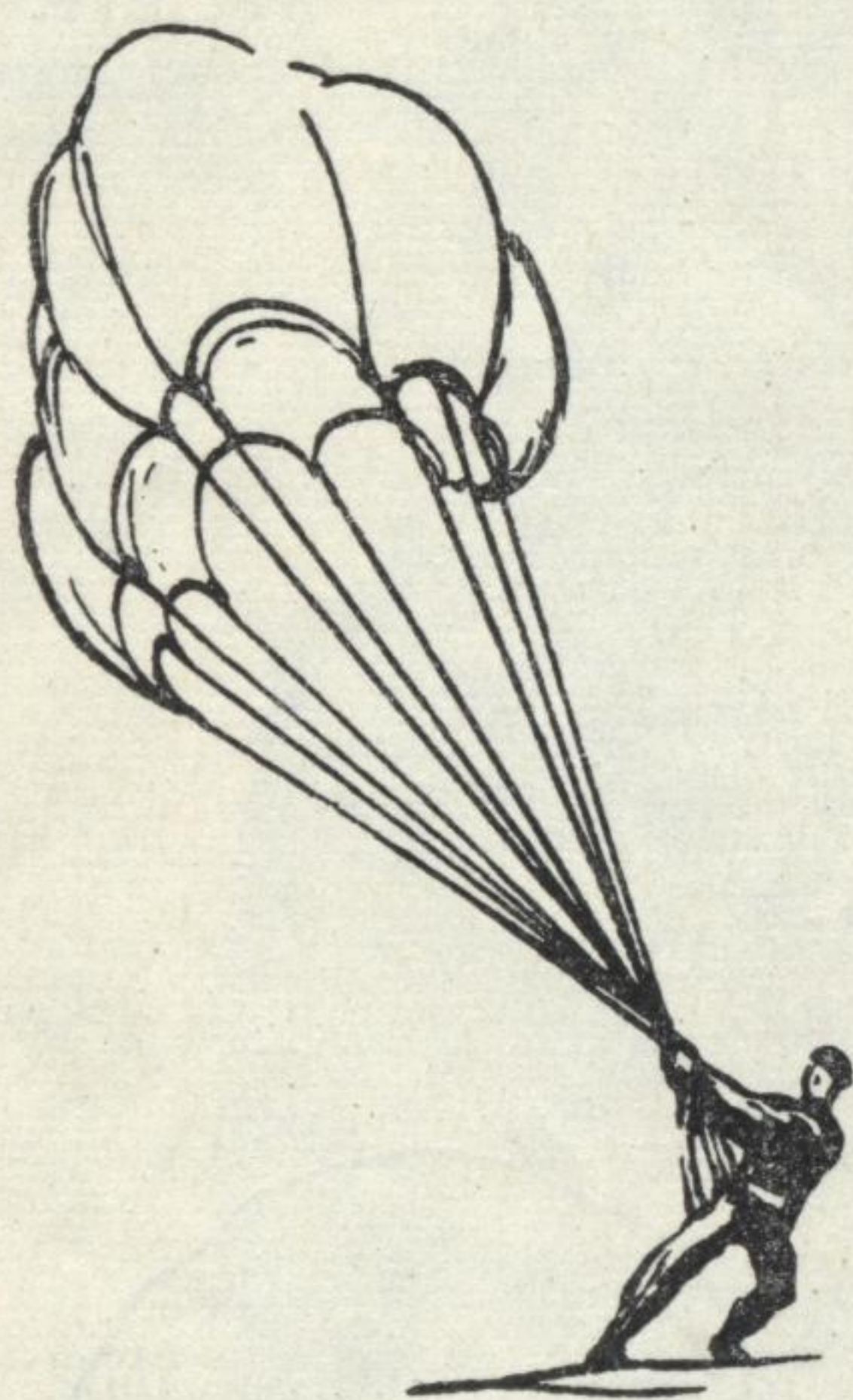
И тут какое-то особое ощущение охватило меня — ощущение простора, тишины и безмятежности, то самое, о котором я не раз читал и слышал от парашютистов. И вот теперь я испытал его сам.

Я поискал глазами майора и увидел его парашют далеко-далеко в стороне. Вообще при прыжках десантники располагаются в самолете по весу — чем тяжелее человек, тем раньше он прыгает. Майор прыгал вслед за мной. Он был маленького роста, очень легкий, и, наверное, поэтому нас разнесло в разные стороны. Так что рассчитывать на его советы не приходилось. Тогда я решил попробовать сам — сумею ли развернуть парашют по ветру. Потянул за стропы, но стропы поддавались с трудом.

Потом я снова взглянул вниз и изумился — теперь земля была совсем рядом. Тут уж мне оставалось только поскорее сгруппироваться, как говорят парашютисты. Я плотно сжал ноги — упражнение с щепочками пошло на пользу! — ухватился за стропы и в следующий момент почувствовал удар о землю. Упал, как меня учили, на бок.

Купол парашюта медленно погас. Я поднялся на ноги и отстегнул подвесную систему.

Потом я увидел майора. Он бежал ко мне узнать, все ли благополучно. Мы крепко пожали друг другу руки — он поздравил меня с первым прыжком, а я его — с трехсотым.

ЗА КЕФАЛЬЮ

Виктор Бороздин

РАССКАЗ

Рисунки Н. Кустова

Вадькин дед Лука Иванович старенький, но все еще рыбачит в колхозе. Мальчики не раз просили его взять их с собой в море ловить рыбу. А дедушка все отговаривался: подождите, успеете.

Но вот однажды вечером дедушка сам сказал им:

— Завтра пойдем кефаль ловить.

Славка даже подпрыгнул от радости. Они с Андреем тут же побежали домой и стали собираться. Положили в сумочку еду, налили воды целую флягу. Потом завели будильник,

чтобы зазвенел, когда надо, и легли спать.

Славка все ворочался и ворочался, а потом стал слушать, не остановился ли будильник.

— Ты спи, — сказал Андрей, — а то в море носом клевать будешь.

Славка свернулся в комочек и вроде как и не спал, а будильник уже зазвенел. Было еще темно, и вставать ужасно не хотелось.

— Может, я один пойду? — сказал Андрей.

— Нет-нет! — Славка вскочил, оделся.

В некоторых домах уже светились окошки. Горел огонек и в Вадькином доме. Там их уже

ждали: Вадька, дедушка Лука и еще рыбак, его звали дядя Гриша.

Дедушка перекинул через плечо сети, дядя Гриша взял весла, и они стали спускаться к морю.

У берега было очень мелко, поэтому рыбацьи лодки — колобушки — стояли на якоре где-то далеко, в темноте их и видно не было.

На рыбаках были высокие резиновые сапоги, и они сразу зашлепали по воде, а ребята стали засучивать штаны, чтобы не замочить.

Потревоженная ногами вода ласково журчала. Скоро она дошла Славке до колен, стала подниматься выше, а они все шли, шли... Наконец показались колобушки — слева и справа, целое стадо. Они, казалось, спали, уткнувшись брюхом в мягкое дно.

— Идите сюда, — позвал дядя Гриша. Он шел впереди и теперь уже возился возле одной из колобушек.

Все быстро забрались в лодку и, отталкиваясь веслами, стали пробираться между другими колобушками. Вода была черная и казалась бездонной. На самом же деле все еще было мелко, потому что днище лодки нет-нет да и чиркало по песку.

На берегу слышались негромкие голоса. Это и другие рыбаки собирались выйти в море.

Пока плыли по бухточке, было спокойно, но как только вышли на простор, потянул ветерок, и колобушку стало покачивать. Славка держался руками за скамью и раскачивался вместе с колобушкой — раз-два!.. А Андрей стоял рядом. Ветер дул ему в лицо и развеивал волосы. Хорошо!

Колобушка — она, как ореховая скорлупа, такая же пузатая.

— Быстро на ней не пойдешь, — говорил Вадька, — но зато даже большой волны она не боится. Переваливается с боку на бок, словно уточка, и хоть бы что.

Вадька сидел на руле, как настоящий рыбак. Куда захочет, туда колобушку и поведет.

— А я думал, мы на моторке поедem, — сказал Андрей.

— На моторке кефаль не возьмешь, — сказал дедушка, — больно пуглива. Чуть слышит шум, тут же уходит в море.

Стало быстро светать. Звезды сразу куда-то попрятались, и только самые большие еще виднелись бледными пятнышками.

— Держи вон на тот мысок, — сказал дедушка Вадьке.

Мимо них медленно плыл извилистый берег, бурый от выгоревшей на солнце травы. Только узкая кромка у самой воды была светлой.

Дядя Гриша греб размашисто, он был, должно быть, очень сильный. За все время дедушка только раз сменил его.

На горизонте из моря брызнули желтые, оранжевые, багряные лучи, а потом показался огненный краешек солнца. И сразу все ожило. Откуда-то налетели чайки, с шумом и криком стали носиться над головой.

— Причаливай, — скомандовал дедушка Лука. — Будем здесь пробовать.

Берег был песчаный. Песок чистый, приглаженный. Пока взрослые курили, ребята вдоволь набегались по нему, разминая затекшие в лодке ноги.

Передохнув немного, принялись за дело. Вадька взял конец каната и остался у берега. Лодка стала отходить в море, а дедушка травил с нее канат, а когда канат кончился, стал травить сеть. Травить — это постепенно отпустить, сбрасывать в воду. У дедушки это ловко получалось. Сбросил кусок сети, и она сразу идет под воду. Только верхний ее край — подбора — остается на воде, потому что к нему приделаны поплавки. И тут же, словно ваньки-встаньки, на поплавках поднимаются почти метровые стояны — палки, между которыми натянута легкая сетка — «фартук».

Славка хотел было спросить, для чего нужен этот «фартук», ведь рыба по воздуху не плавает, но все были заняты делом, и он промолчал. Впрочем, скоро он и сам все увидел.

Описав полукруг, колобушка причалила к берегу. Теперь на ней оставался только конец другого каната. Все сошли в воду и, стоя в ней по грудь, стали за оба каната подтягивать сеть к берегу. Вадька помогал тянуть дедушке, а Андрей дяде Грише.

Славке тоже хотелось тянуть, но он был маленький и ему вода дошла бы до самой макушки. Пришлось подождать, когда подтянут поближе к берегу.

В воде металась темная спинка рыб. Неожиданно одна рыбина выпрыгнула из воды, но, ударившись о «фартук», шлепнулась обратно. А другая перемахнула через ограду и ушла в море.

— Перепрыгнула, перепрыгнула!—закричал Славка.

— Ничего, все не перепрыгнут, — сказал дедушка Лука, — что-нибудь и нам останется. Ты вон смотри-ка, чтобы они низом не ушли. Прижми нижнюю подбору ногой, наступи на нее.

Сеть уже была недалеко от берега, и Славка сам видел, как одна рыбина поднырнула под нее и тоже ушла. А другая легла в ямку и ждет, когда сеть пройдет над ней.

— Ах ты, хитрющая!

Славка бросился к рыбе и поддел ее ногой. Вздымая брызги, он бегал возле сети и там, где нижняя подбора отходила от дна, наступал на нее. Потом и Андрей, оставив канат, стал помогать ему.

Вскоре сеть вытянули на берег. В ней билось десятка три рыбин, длиной с полметра каждая. Славка схватил одну.

— Андрей, Вадь, смотрите какая! Ой, ой, держите!

Рыбина вдруг рванулась из Славкиных рук и чуть было не ускакала обратно в море. Хорошо, Вадька успел подхватить ее.

— Видели, как прыгает? — не унимался Славка.

Всю кефаль выбрали из сети и покидали в мешок. Сеть сложили в колобушку и стали делать новый заход. И опять тянули сеть, и опять прыгала кефаль. Рыба ловилась неплохо, и всем было весело. А дядя Гриша все торопил:

— побыстрее, ребята, побыстрее. Нам бы только косяк не прозевать.

И вот, когда снова закинули сеть, даже Славка увидел, что на этот раз попадет очень много. Вода впереди сети прямо закипела от рыбы. Кефаль — теперь уже по две, по три штуки — выпрыгивала из воды, надеясь перескочить через «фартук».

— Тяни-и, тяни-и! — кричали все, даже де-

душка Лука. И все тянули. Азарт удачи прибавлял сил.

И вдруг, когда сеть уже вытянули на мелководье и до берега оставалось всего несколько метров, вся кефаль, словно сговорившись, ринулась к берегу.

— Тяни-и, уйдет!—закричал дедушка Лука. И вовремя.

Натолкнувшись на берег, кефаль резко изменила направление: одни рыбы метнулись вправо, другие — влево, стараясь обойти сеть по сторонам.

— Тяни-и-и!..

Опустевшую было сеть рывком подтянули к берегу, и лишь немногим рыбинам удалось уйти.

— Вот это рыба! Вот это рыба! — кричал Славка. — Она то туда, то сюда, меня чуть с ног не сбила. Несется как ошалелая.

— Если тебя поймут в сети, — смеясь сказал дедушка Лука, — ты тоже будешь носиться как ошалелый.

— А одна через меня перепрыгнула, — сказал Вадька.

— А мне во, прямо в живот ткнулась, — сказал Андрей. — И чуть в карман не залезла.

— А ты держи карман шире, — засмеялся дядя Гриша.

В этот раз кефали попало больше сотни. Ее уже не считали, а просто складывали в мешок, на дно колобушки. Да чего считать, только время терять. Надо было спешить, пока рыбий косяк не ушел.

Но когда снова вытянули сеть, в ней оказалось всего лишь несколько рыбин.

— Ушел, ушел косяк, — ворчал дядя Гриша.

— Не уйдет, от нас не уйдет, — возражал дедушка Лука. — Рыбачье дело такое — раз густо, раз пусто.

Сделали новый заход. Сеть еще не вытянули до конца, но все уже знали, что опять ничего не попадет, потому что ни одна кефалина не выпрыгнула из воды. Азарт прошел, да и усталость брала свое. Поэтому тянули еле-еле.

Неожиданно в сети показалось что-то темное, какой-то непонятный ком. Ком этот вдруг разделся на два маленьких комочка и один большой, все это метнулось в сторону, два маленьких успели проскочить под сеть, а большой запутался в ней.

— Тяни-и, тяни-и! — кричал дядя Гриша.

Подхлестнутые этим криком, все налегли и в одно мгновение вытащили сеть на берег.

Улов был совсем необычный. Распластавшись на песке, перед ними лежал дельфин. Большущий, больше Славки. Черная спина блестела на солнце, как атлас. Славка обошел вокруг.

— Ух ты, какой!

Славке очень хотелось дотронуться до дельфина, погладить, но он не решался. Кто его знает, вдруг как махнет хвостом! Ведь Славка в первый раз видел дельфина.

— Дедушка, а там были еще два маленьких, те, что удрали?

— Это детеныши, — ответил дедушка Лука.

— И как угораздило к нам попасть? — удивился дядя Гриша.

— Детенышей кормила.

— А как же они теперь без мамки будут жить? — спросил Славка.

Дедушка молчал.

— Вон, вон они! — вдруг закричал Андрей.

Все разом обернулись. Действительно, две темные фигурки подплыли почти к самому берегу. Из воды показалась мордочка одного детеныша, но тут же дельфинята круто развернулись и ударились обратно в море. Через минуту они снова показались, и снова ушли на глубину.

— Мамку, мамку ищут!

— Дедушка, дядя Гриша, давайте ее отпустим!

— Они же пропадут без нее!

Просили все: Славка, Вадька, Андрей. А лежавшая на песке «мамка», должно быть, тоже понимала, что ее детеныши погибнут без нее. Она вдруг застонала — сначала тихо, потом громче — застонала, как человек. И из глаз ее потекли слезы, настоящие слезы.

— Она плачет, дядя Гриша, дедушка Лука, она плачет!

— Давайте отпустим!

— Ну, хватит вкаты, — сказал дядя Гриша. — Не затем мы сюда пришли, чтобы отпустить все, что поймали. А из нее можно два пуда жира натопить. — И он толкнул дельфина сапогом.

— Нехорошо это, — сказал дедушка Лука, — у нее детеныши.

— Ну и что — детеныши?

В голосе и во взгляде дяди Гриши было что-то жестокое, злое. Он вдруг сорвался с места.

— А, что я с вами тут разговариваю!

Быстро подошел к колобушке, выдернул из уключин весло, намереваясь одним ударом прикончить животное.

— Дяденька, не убивай ее, не надо, не надо! — закричал Славка.

— Дедушка, не вели ему! — Андрей и Вадька бросились к дельфину и загородили его.

— А ну, разойдись, а то ненароком по за-тылку зацеплю. — И дядя Гриша замахнулся веслом.

— Григорий, не тронь, — сказал дедушка Лука и шагнул вперед.

— Да ты что, старый, с ума спятил? Ты что, как и эти молокососы, нюни распустил! Я же говорю, из нее два пуда жира нато-пить можно.

— Не тронь, — повторил дедушка Лука.

Они стояли друг против друга — два рыба-ка: один старый, с морщинистым лицом и се-деющей головой, другой молодой, высокий, жилистый, — стояли, пристально глядя друг на друга. Ребята притихли, ожидая, кто победит. И победил дедушка Лука. Весло медленно опустилось.

— Не хочешь, не надо, — глухо сказал дядя Гриша. — Я как чуял, что с тобой каши не сварить. И не хотел идти рыбачить. Ну, а те-перь можете без меня.

Он снова подошел к колобушке, вышвырнул из нее сумки с едой и, оттолкнув колобушку, вскочил в нее.

— Счастливо оставаться.

И, резко взмахивая веслами, погнал коло-бушку прочь.

Все молча проводили его взглядом.

— Дурной человек, — наконец тихо сказал дедушка Лука.

— А как же мы теперь домой доберемся? — спросил Славка.

— Как-нибудь доберемся. Тут километрах в трех дорога проходит. По песку трудновато будет идти, ну да что поделаешь! А там по-путная машина подвезет.

Дедушка полез в карман за папироской, но потом, спохватившись, взялся за сеть.

— А ну, ребятки, помогите.

Вчетвером оттащить дельфина обратно в море было нетрудно. «Мамка» все еще стона-ла и лежала не шевелясь. Но, когда вода на-крыла ее, она вдруг встрепенулась, плеснула сильным хвостом и как-то сразу ушла на глу-бину.

— Она своих маленьких найдет? — спросил Славка.

— Найдет, должна найти, — ответил дедуш-ка.

Они постояли еще немножко, ожидая, не покажутся ли дельфины — все втроем. Но ни-кто не показывался. Море было спокойно, оно нежно искрилось на солнце, словно радуясь за все дельфинье семейство.

Ребятам тоже было радостно. И немножко грустно.

ПРОЩАНИЕ С ЛАГЕРЕМ

Горизонта крутой излом,
Строгий профиль луны и скалы...
Я спала у ваших костров,
Я во сне вас, горы, видала.

Сколько раз под вопли шакалов
Я по вашим тропкам шагала...
А еще пошагать придется?
А еще у костров споется?..

Стук колес то сильней, то глуше.
Сердце сжалось в тугой кулак.
Говорю себе: «Ну, послушай,
Если жить, то, наверно, так:
Только так, как костры велели,
Только так, как учили звезды,
Только так, как мы в песнях пели,
Отмеряя в походах версты...»

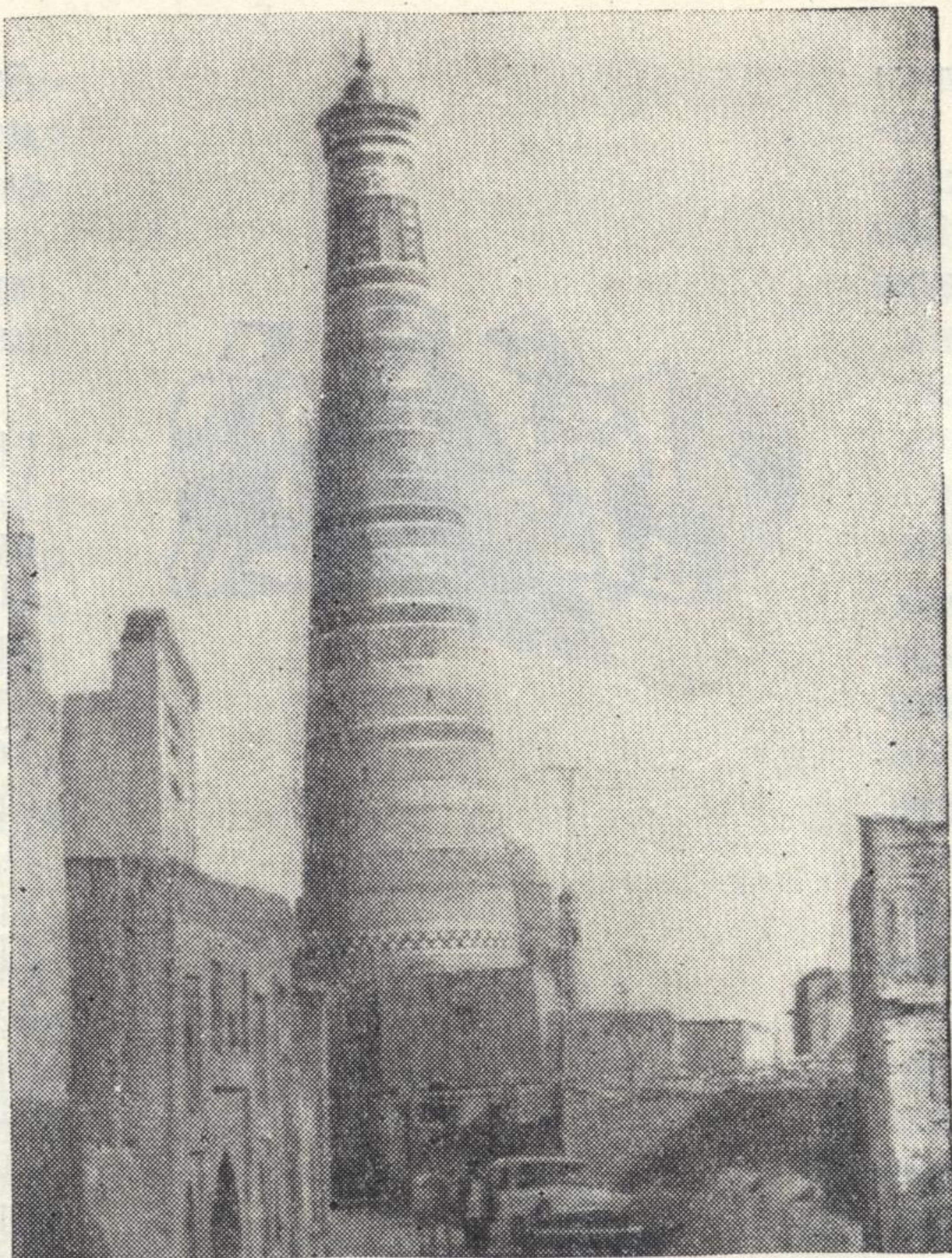
*Ганна Колядинская, 9-й класс
Ленинград*

Удивительный город — Хива

Далеко за Аралом, где зеленый язык Хорезмского оазиса упирается в бесконечные пески Кара-Кумов, которые тянутся до самого Ирана, есть маленький городок Хива. Он возник много веков тому назад у старинного колодца на большом караванном пути между Мервом и Гурганджем. Хива — означает «крепость на песке». И действительно, Хива стоит на краю пустыни. Поднимешься ли на развалины старой крепости или на один из многочисленных минаретов — вокруг оранжево светятся пески.

Удивительный это город — Хива. Памятник, живой музей древней культуры Хорезма. Роскошные дворцы, бесчисленные медресе и мечети, украшенные тончайшей резьбой по дереву, фантастическими орнаментами майоликовых плиток. Рядом с глинобитными стенами ярко сверкают на солнце цветные изразцы мавзолеев, а на площади белым-бело. Неужели снег? Нет, это сушится хлопок.

Всюду чувствуется близость пустыни. Ее вероломное сердце бьется рядом, за прохладными воротами Ичан-кала, за зелеными хлопковыми полями, за синей черточкой канала. Ее невидимый пульс выводит замысловатую вязь на окрестных песках. Солнце припадает красной раскаленной щекой к далекой, как вода, черте горизонта, а за спиной — серо-желтая глыба старого города и надменные минареты, уходящие в знойное небо Хорезма.

Приехал в Хиву человек

Приехал в Хиву человек. Большой любитель древностей. Ходит по городу, смотрит, что бы на память прихватить. Ага, вот красивые изразцы! Дай-ка выковырну один...

Что такое? Кто-то дышит за спиной... Обернулся — мальчишки. Стоят и молчат. А смотрят строго, даже сердито.

Откуда знать любителю древностей, что это не просто уличные мальчишки, а члены отряда с коротким и выразительным названием «Барс» — боевой авангард разведчиков-следопытов.

Что такое «Барс»?

«Барс» — это сто двадцать человек. Двести сорок глаз. От такого циклопического ока ничего не укроется. Все улицы и памятники старины под наблюдением ребят. Если кто-то ломает старинные двери или портит цветные изразцы, ему вряд ли удастся остаться незамеченным. Все видят эти мальчишки, мирно играющие в пыли возле дувалов...

В июле прошлого года на слете юных туристов Узбекистана ребята из города Хивы заняли второе место в республике. Более шестисот походов совершили они по окрестностям Хивы. Повсюду у следопытов свои наблюдательные посты. Отряд состоит не только из хивинских школьников. В него входят дети хлопкоробов и рыбаков из окрестных деревень. Где бы ребята ни побывали — повсюду оставляют

БАРСЫ

*Татьяна Гирилина,
Игорь Филановский
Фото авторов
Рисунки П. Лаврова*

свой знак: БАРС. О каждом походе, о каждой находке записывают в специальный журнал. А находок много: 25 000 экспонатов в краеведческом музее следопытов!

В городе дворцов и у пионеров свой дворец

Десять тысяч рабов, зодчие и мастера строили его когда-то... Это Таш-Хаули — жилище хана. Десятки комнат получили здесь ребята. Сюда стекаются все находки.

Вдоль полутемных комнат пробираемся во внутренний дворик. Жарко, хотя давно уже осень. От бирюзовых изразцов не отвести глаз. По дну высохшего фонтана бродят черепахи.

Вот и музей.

В одной комнате — гербарий растений пустыни, в другой — чучела животных и птиц, в третьей — все фрукты Хорезма, вылепленные из глины, сушеные дыни и тыквы. А дальше притаились в стеклянных банках безобидные теперь скорпионы и ядовитые змеи.

Особенно интересен отдел, посвященный истории Хорезма. Здесь посуда, одежда, украшения, коллекция светильников, замков и гирь, старинные деньги, оружие, рукописные книги, песни, пословицы, поговорки,

...рассказы бывалых людей...

На коврике у дома сидит старик. Рядом — фарфоровый чайник и пиала. Сидит старик неподвижно, глядит на закат, на пыльную улицу и к чему-то прислушивается. Никто на него внимания не обращает. А он прожил жизнь длинную, как дорога, по которой движутся мимо него тяжелые машины, доверху набитые хлопком, и, может быть, такую же яркую, как закат, что играет на листьях тополей, на майоликовых плитках старинных ворот. Ре-

бята придут к нему, запишут историю его жизни. В походе у костра они будут слушать рассказы чабанов и тихонечко, чтобы не смущать рассказчика, записывать.

...Так узнали пионеры историю Фатьмы Бекмухамедовой. В 1921 году две лодки отправились по Аму-Дарье к Аралу. Путь лежал дальний: собрались комсомольцы в Москву, учиться. Были среди них три девушки. Однажды путешественников остановил выстрел. В зелено-коричневых камышовых дебрях прятались басмачи. Парней они расстреляли, а девушек взяли с собой. Фатьма пробовала бежать. Поймали. Продали богатому старику за сорок фунтов чая. От старика она убежала в Хиву, а потом уехала в Ташкент на рабфак...

...осиное гнездо...

...Давным-давно в пустыне был убит человек. Дули ветры, кочевали пески, и потерялся след того человека. Кости его покрыл песок, а в черепе осы свили гнездо. Страшная была находка. А когда ребята взяли ее в руки, череп рассыпался, как пепел, и осталось осиное гнездо, с пустыми глазницами.

Мы долго стояли около этого осинового гнезда в сумрачной комнате бывшего ханского дворца. Мы вспоминали комсомольцев, предательски убитых басмачами на берегу Аму-Дарьи.

...колдовские талисманы...

Вот бусины из бирюзы, будто бы принимающие на себя дурной глаз, вот мешочек из алого шелка, который якобы вызовет пожар, если его прикрепят к вашему дому. Для защиты верблюда от злого духа — маленький серый треугольный мешочек. Что в нем? Обыкновенная поваренная соль...

Один талисман ребята нашли в центре Хивы. Он был прилеплен глиной к стене магазина и служил для того, чтобы навредить директору, вызвав недостачу денег... Ох, уж эти тайные враги!

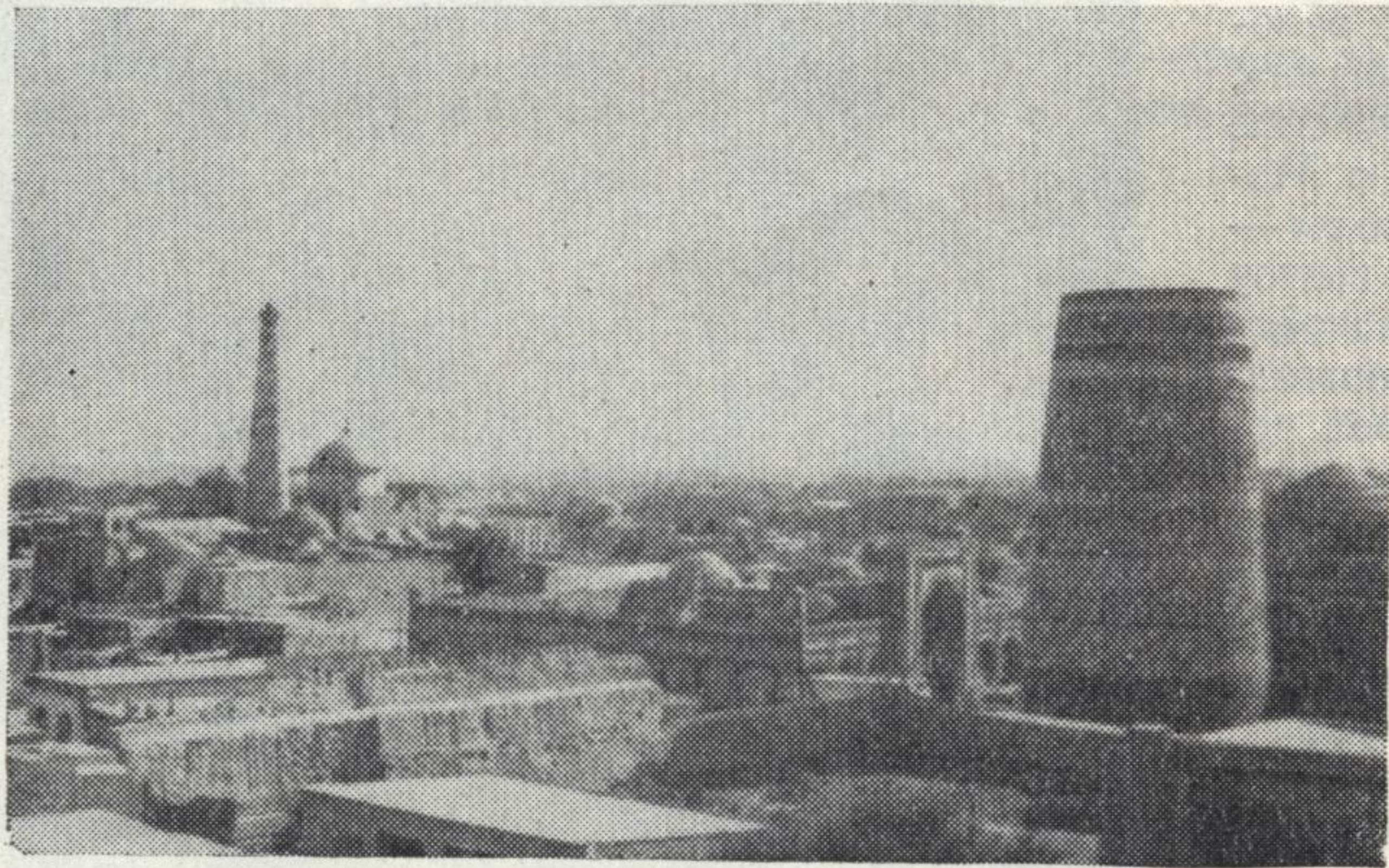
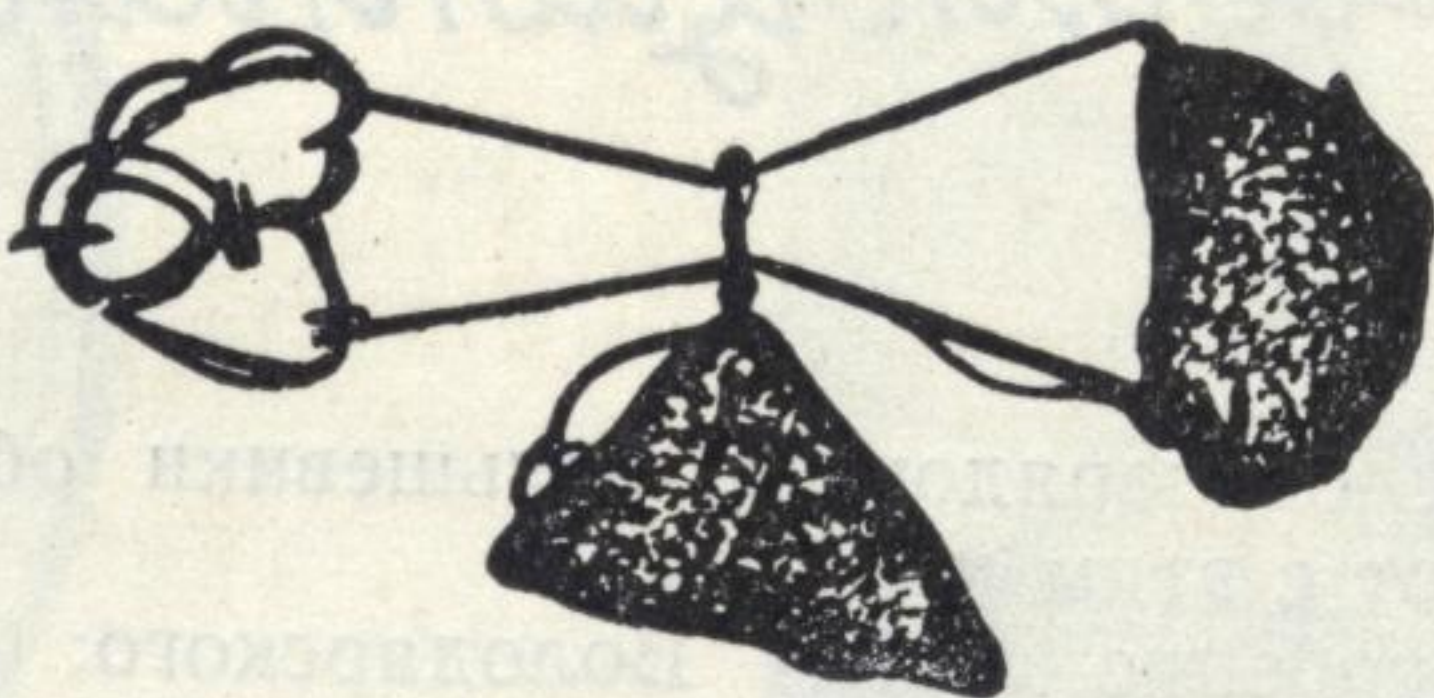
Чтобы добыть талисманы для музея, нужно много смекалки и терпенья. Но бывает, что удача приходит без всякого труда. Что называется, на ловца и зверь бежит. Однажды ребята пришли поработать к себе в музей. Один мальчишка снял пальто и случайно нащупал под подкладкой что-то твердое. Другой бы и внимания не обратил. Но это ведь следопыт! Подкладку вспорол, оттуда выпал мешочек, а в нем — 72 черных зернышка. Счастливый обладатель талисмана и сам не знал, что защищен от злых духов и всех жизненных бурь. Посылая своего единственного сына в хивинский интернат, любящие родители зашили ему в пальто этот мешочек.

В Хиве еще сильны религиозные предрассудки, и местным «колдунам» порой удается выгодно сбыть «волшебный талисман».

Это еще что...

Талисманы — это еще что. Улыбнешься и головой покачаешь. Есть вещи посерьезнее.

Недаром Хива три столетия была центром мусульманского богословия. Паранджу здесь, правда, уже не носят. Даже для музея не найти. А вот дочерей и внушек воспитывают в старых обычаях. Например, в походы не пускают... И «барсы» пока ничего не могут с этим поделать.

Музей есть и музея нет

Итак, настоящий «взрослый» музей! По количеству экспонатов он может соперничать с иным городским краеведческим музеем. Только вот беда: вся музейная экспозиция покоится в коробках и мешках или просто лежит на полу под слоем пыли. Для музея нужны дерево и стекло, краски и реактивы, а единственный источник денежных средств — сбор макулатуры и железного лома...

Барсы мечтают

По рассказам стариков где-то в песках есть тайник гваря басмачей Джунаид-хана. Тайник до сих пор не обнаружен. И во время походов в пустыню следопыты зорко следят, не осыпается ли вниз песок. Может быть, где-нибудь там, в темной глубине, под горячими боками барханов, лежит награбленный клад...

Вождь «барсов» — учитель Абдулла Алиакберов. Летом он идет с ними в поход, в пески, к старинным колодцам, снимает карты каналов, ищет вместе с ними монеты в развалинах старых стен. Год назад в песках в восемнадцати километрах от города «барсы» нашли бронзовую статуэтку бога Шивы...

Пески не хранят человеческих следов, и ребятам иногда бывает трудно точно определить место, где они были пять дней назад. Но зато пески хранят шаги тысячелетий. Абдулла Алиакберов учит «барсов» любить эту знойную землю с ее синими солеными озерами, с неуловимым шорохом высохших трав, тишиной, нарушаемой лишь скольжением ящериц по камням.

Приключения Васи Булкина в революционной Петрограде

3 августа.

Последнюю неделю я был связным красногвардейских патрулей.

Мы охраняли один дом на Выборгской стороне, а потом нас всех перевели к Нарвским воротам. По постам разводил красногвардейцев дядя Коля, объяснял им, как встречать огнем разъезды юнкеров или казаков, если появятся. Рядом с ним обходил посты какой-то молчаливый человек с бородкой и в очках. Его называли «товарищем Андреем».

В дом люди проходили поодиночке, незаметно, пароль красногвардейцам говорили еле слышно. Их было много. Человек, может, триста.

Я знаю адрес этого дома, но здесь не напишу. Нельзя...¹

10 августа.

Газеты ругают большевиков пострашному: шпионами, бандитами, взломщиками, громилами.

Дядя Коля ходит довольный:

— Пересолили, господа контрики! Теперь нами заинтересовался каждый темный рабочий, каждый темный солдат. Еще бы — такие чудовища гуляют на свободе! Ты только посмотри, как читают наши газеты, как слушают нынче наших ораторов. За такую рекламу только спасибо надо сказать болтливому дураку Керенскому.

Все правильно. За большевиков теперь голосуют на выборах в Совет и городскую Думу путиловцы, заводы «Нобель», «Анчар», «Вулкан», «Гейслер» и даже меньшевистские «крепости», вроде типографий и Монетного двора... Военные заводы — тоже за ленинцев. Большевики имеют большинство в солдатских и матросских комитетах Питера и Кронштадта... Всем надоела война, надоел го-

¹ Из этой записи можно понять, что Вася Булкин принимал участие в охране VI съезда РКП(б), заседавшего в доме на Сампсониевском проспекте, 37-в, а потом у Нарвских ворот. «Товарищ Андрей» — это, возможно, Я. М. Свердлов, руководивший этим съездом.

лод, беспорядок, а большевики обещают с этим покончить!

Особенно любят Володарского: он сейчас первый большевистский оратор. Дядя Коля говорит, что за ним путиловцы куда угодно пойдут.

А все-таки обидно, что газеты так страшно ругают большевиков...

29 августа.

Ну и горячие были деньки!

Выступили генералы. Не выдержали. Двинули армию на революционный Питер.

Они, наверно, готовились давно. Дядя Коля даже уверяет, что заранее тайно договорились с Керенским. Это, мол, была одна шайка-лейка. Я спорю: ведь Керенский приказал генералов арестовать...

В общем, напишу по порядку.

Испугавшись большевиков, буржуи стали искать «сильного человека», который сумел бы раздавить партию Ленина. Керенский для этого совсем не годился. Он только болтает и не страшен никому.

Бывший министр Милуков, вождь кадетов, додумался: сильным человеком станет генерал Корнилов. Действительно, он страшноватый: скуластый, быстрый, решительный, задавит — и не пикнешь!

Чтобы сбросить Керенского и назначить Корнилова, буржуи собрали совещание. Не в Питере — побоялись, — а в Москве. Но рабочие им там показали: забастовали — сидели буржуи на своем совещании без света, не вышло у них ничего.

27 августа вдруг стало известно, что Корнилов двинул на Питер три казачьи дивизии — уссурийскую, донскую и горскую, «дикую». Позади них шел английский бронедивизион, наверно, чтоб стрелять в казаков, если те отступят.

Буржуи обрадовались. Я сам слышал, как на Невском один господин в котелке говорил другому про «дикую дивизию»:

— Они, знаете, как говорят? Старый рэжим, новый рэжим — моя твоя не понимай. Моя просто рэжим. Хи-хи...

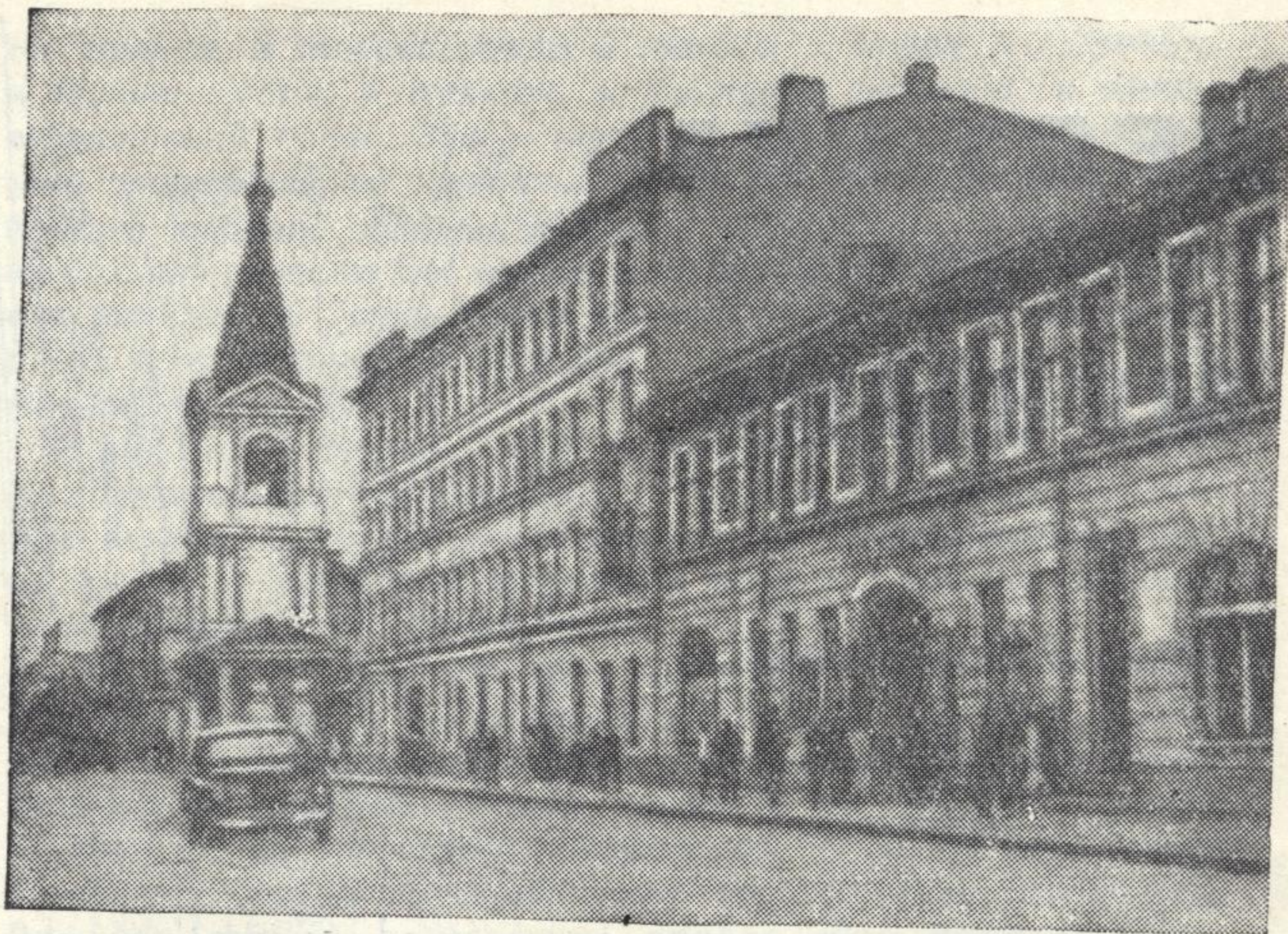
— Кто стоит во главе казачьего корпуса? — спросил его приятель.

— Генерал Крымов, разумеется.

Крымов! Тот самый генерал, который обдумывал заговор еще в январе, в автомобиле «Рено», вместе с полковником Дутовым... И вот теперь он идет с войсками на революцию.

Но он не знал большевиков.

Как было здорово в эти дни! На всех углах в рабочих районах люди записывались в Красную гвардию, получали в очередях винтовки и патроны, разучивали ружейные приемы, строили баррикады, маршировали.

Вчера у меня была странная встреча.

Я видел возле Дома офицеров, что на углу Кирочной и Литейного, рабочего, как две капли воды похожего на полковника Дутова. Что это значит — не понимаю¹.

Дядю Колю я застал в центральном штабе Красной гвардии.

— Пятьдесят тысяч рабочих под ружьем, — докладывал он какому-то офицеру с красным бантом на груди. — Кроме того, за нас гарнизон города и Балтийский Флот. Мы сметем казаков.

— ЦК принял другое решение, — покачал головой офицер. — Только что сообщили: железнодорожники, чтобы не пропустить корниловцев к городу, взорвали паровозы и разобрали пути. Крымов вынужден идти походным порядком, казаки в поисках фуража разбрелись по деревням. Сейчас с ними можно откровенно поговорить. Надо послать агитаторов. Люди должны быть смелые: там расстреливают...

— Я поеду, — сказал дядя Коля.

Агитаторов отправили несколько сот, а может, тысяч: никто не считал. Мы остались ждать их, готовые к бою с врагом...

Но боя не было.

¹ Эта тайна открылась через год. Оказывается, Дутов и другие офицеры заготовили знамена «Да здравствует Германия!» и думали, появившись переодетыми на заводы, якобы от имени большевиков поднять восстание, чтобы дать Корнилову возможность тут же потопить его в крови.

Из журнала «Жизнь и суд» Вася вырезал фотоснимок: застава революционных солдат, преградивших дорогу корниловцам (на соседней странице).

Дать отпор казакам были готовы десятки тысяч рабочих-красногвардейцев. Лоскут бумаги с печатью Красной гвардии Булкин тоже вклеил в дневник на память (вверху слева).

А рядом — что это за дом, мимо которого едет автомобиль? Неужели тот самый, который охраняли красногвардейцы, дом, где собирался VI съезд партии!

Внизу — еще одна вырезка: очередь за хлебом. Наступала хозяйственная разруха: не хватало еды, дров, одежды... Близилась революция.

Сегодня стало известно: Корниловские дивизии послушали агитаторов и арестовали своих генералов. Мятеж кончился.

— А что с Крымовым?

— Застрелился.

Корнилов арестован у себя в Ставке Верховного Главнокомандующего!

Но дядя Коля уверяет, что вместе с Корниловым мятеж готовил Ке-

ренский. Только в последний момент он понял, что Корнилов не для него, а для себя самого хочет раздавить большевиков и захватить власть. Тогда Керенский предал друга. «Но в душе Керенский — корниловец, — говорит дядя Коля. — Кончили с Корниловым, пора приниматься за Керенского. Так и Ленин советует».

А где он, Ленин? Этого никто не знает.

ДЕДУШКА И МУЗЫКА

ПОВЕСТЬ

Юз. Алешковский

Рисунки
Б. Семенова

20

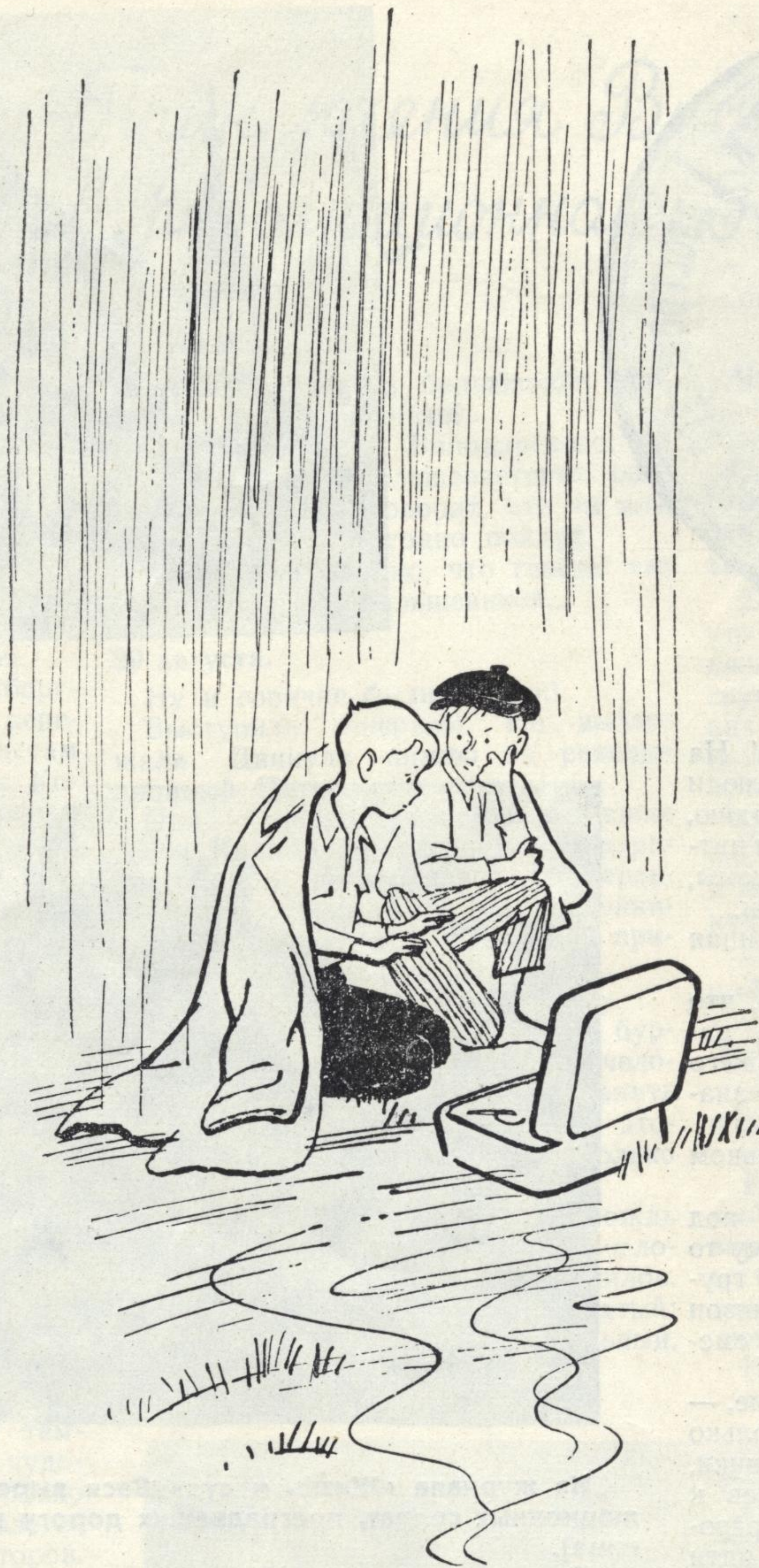
В огороде я предложил завести «Героическую» и уселся поудобней, решив внимательно ее прослушать.

«Неужели я ее не пойму, если, конечно, Жуков не притворяется и там есть что понимать. А вдруг я — дубина?»

Жуков нажал кнопку и до отказа повернул ручку громкости.

Я старался ни о чем не думать, а только слушать, но при первых звуках симфонии вспомнил, как чуть-чуть не утонул, и вздрогнул: «Ой, что бы было?... И эти слова неожиданно легли прямо на звучавшую музыку — «Что бы было тогда со мной?..» — и меня передернуло от ужаса и воспоминания о зелено-мглистой жуткой воде и от самого страшного чувства, которое бывает во сне, когда снится, что не можешь дышать, а вокруг полно воздуха и удушье сжимает горло все сильнее и сильнее, и ты, счастливый, просыпаешься, когда кажется: все... конец... задохнулся...

Эта мелодия на слова «Что бы было тогда со мной? Что бы было тогда со мной?» повторялась несколько раз то тихо, то громко, и после нее слышалось спокойное и безнадежное: «Все... конец...» Но оркестр вдруг непонятно почему кричал: «Нет! Нет!» Как будто это во мне под водой, в последний момент, побеждая удушье,

все кричало: «Нет! Нет! Нет!» — и я отталкивался от дна. «Что бы было тогда со мной?! А был бы для тебя тогда конец всему на свете и для всего света конец тебя, но этого не будет, пока есть во мне хоть капелька силы и жажды подняться из зелено-мглистой жути к воздуху и к свету! Да! Да! Да!»

И когда музыка вдруг оборвалась, Жуков быстро прошептал:

— Теперь траурный марш. Так в книжке написано.

— Как? Как траурный марш? — растерянно спросил я.

Жуков не ответил, и музыка снова зазвучала, но тихо и так скорбно, что сжалось сердце и захотелось крикнуть: «Не может быть! Жуков! Он же победил! Не умер! Так не бывает!»

А скорбная музыка приближалась, и у меня комок подкатил к горлу. Все ближе и ближе, такая же скорбная, как та, что однажды доносилась до наших окон.

Умершего несли по нашей улице под моими окнами, за ним шли люди, думавшие о нем одном, и из труб, сверкающих на солнце, до меня поднималась эта музыка, и тоненько звенели стекла, и что-то обрывалось в сердце, и я не мог больше смотреть вниз на лицо умершего человека. Я успокоился, когда музыка совсем затихла и под окнами заскрежетали железные лапы снегопогрузчика, убиравшего с мостовой последние сугробы, но все равно не мог поверить, что кто-то умер...

Жуков неподвижным взглядом смотрел на черную с красным кружком посередине пластинку, а меня зло взяло на композитора Бетховена за то, что он обманул меня и оркестр, который сначала заставил бороться из последних сил до победы, а потом...

«Лучше бы не было такой музыки...»

— Жуков! — я не мог молчать. — Это же неправильно! Он победил! Мы же слышим! Он боролся до конца, как я в пруду!

21

Вдруг стало темно, ласточки попрятались куда-то, и от траурной музыки было еще страшнее в настороженной тишине.

Жуков взглянул с досадой на почерневшее клубя-

щееся небо, быстро поставил над проигрывателем навес, а я принес из сарая дедушкин брезентовый плащ с капюшоном.

Мы накрылись им, и тут же змейкой мелькнула молния и громыхнул гром, как в первой части симфонии, и редкая россыпь первых крупных капель дождя дробно ударила по нашему плащу.

Окончание. См. «Костер» №№ 6—7, 1967 г.

30

Мы с Жуковым прижались друг к другу, а дождь как будто раздумывал, идти ему или не идти, и только грохот грома стряхивал с туч самые тяжелые дождевики. Но когда музыка стала совсем тихой и невыразимо грустной, в небе вдруг рассыпалась молния, бело-голубая, с притоками, как Волга на карте, надорвался гром, и темнота стала серебряно-дымящейся от ливня, и был слышен только его свежий шум.

Потом в шум ворвался пронзительный и светлый звук труб.

Я толкнул Жукова и сказал:

— Ага! Победил! Нет, Бетховена надо поставить в один ряд с Архимедом, Можайским, Ньютоном и даже с Главным конструктором! Если глухой человек сочинил такую музыку, значит, он может быть приравнен к астроному, вслепую рассчитавшему орбиту Урана!

И вдруг мне стало стыдно от мысли, что это ведь я был глухим и считал музыку пустым траляляканьем, отвлекающим людей от разгадок тайн природы.

Меня переполняла радость и веселая сила, как будто ливень был музыкой, которую я услышал первый раз в жизни.

«И хорошо, что услышал, и еще услышу, и не устану слушать... Но почему я раньше, увидев молнию, думал только об электрическом разряде, а вот эта, сию секунду блеснувшая над головой, кажется голубой рекой с притоками, и я мог бы долго сидеть и ждать, когда она снова озарит черное небо?..»

Я заметил, что глупо улыбаюсь, уставившись на вымокшие грозди белых цветов кустарника, и на согнутые пополам струями ливня стрелки лука, и на проходы между грядками, полные до краев воды, и на рыжего жучка, замершего под переливающимся куполом пузыря... Пузыри танцуют на воде, весело мечутся, стараясь увернуться от дождинок, лопаются и назло дождевикам возникают снова... И ливень четко барабанит по крыше и глухо шуршит в ботве картофеля, и под яблонями от опавших лепестков побелела перекопанная земля, а выбеленные стволы потемнели от струек воды... И мне кажется, что вокруг нет воздуха, только кипенье, сплошной стон ливня, и хочется, чтобы он шел, шел и чтобы не кончалась радостная и свежая музыка, немного приглушенная им.

«Как хорошо, что я вслушался в нее. Ведь было бы совсем страшно, если бы я прожил до ста лет и перед смертью случайно, так же, как сегодня, увидел... нет,

не увидел, а почувствовал и ливень, и траву, и деревья, и белые кусты, и пузыри, и быструю молнию, и неповоротливый гром. Это — музыка! Музыка разбудила во мне информацию красоты, и я... да, да, археолог правильно сказал: «Остановился в удивлении перед прекрасным». А если бы вообще не остановился, прожив до ста лет? Бр-р! Тогда бы я ничего не увидел и не услышал? А информация красоты так бы и осталась во мне неразбуженной?»

И не знаю почему, мне вспомнились дожди в городе, казавшиеся тоскливыми, и то, как я вообще не любил вылезать на улицу ни весной, ни зимой, ни осенью, ни летом и мечтал о временах года с ровным комнатным искусственным климатом.

«Но ведь в памяти живет природа, которую я видел и не замечал... Я же вспоминаю сейчас, как мы с отцом шли по осеннему бульвару и на голых сучьях лип после последних дождей висели капли и не падали, словно ждали, когда их тронет морозцем, и на газонах тихо тлели костры, и грустно пахло горьковатым дымком... Вот что значат дедушкины слова: «Все возвращается на круги своя». Хорошо, что я сразу возвращаюсь на эти круги и уже не прозеваю ни весны, ни зимы, ни осени, ни лета. А дедушка, и отец, и археолог тоже хороши... только говорят, а помочь возвратиться не могут. Спасибо музыке...»

Вдруг музыка кончилась, и тут же стена ливня просветлела так, что стали заметны дождевики, и я не прозевал мгновенья, когда последние из них прошуршали в листве яблонь, потом в кустах, потом капнули на ботву и всплеснулись в луже, а с крыши на землю, как эхо дождя, стекали, журча, светлые струйки...

Нам сразу стало холодно под тяжелым намокшим плащом.

— Коллега! Как хорошо! Правда? — сказал я, радуясь непрошедшему удивлению.

— Как они сочиняют такую музыку? Откуда они ее берут? — спросил Жуков.

— Додумаемся! — уверенно пообещал я. — У нас с вами работы и загадок хватит. Только давай на «ты» и не зови меня шефом. Заводи джаз, а я порублю дрова. Горох-то растет!

На стебельках гороха, прибитых дождем к земле, уже было по две пары похожих на зеленые крылышки листьев.

22

Мы шли босиком по теплым лужам, и я любовался на просыхающие крыши изб, на заборы в темных подтеках, на зыбкий пар над прогретой солнцем дорогой, на прибитую траву — на весь мир вокруг, зеленый, голубой, прохладный, радостно замерший после дождя. Очки я больше не надевал, чтобы все было так, как оно есть.

— Я люблю ходить по мастерским, но и отсюда прогоняют, — сказал Жуков, когда мы забрели во двор колхозной мастерской. Здесь ремонтировали тракторы, грузовики и комбайны, и еще всякие машины, названия которых я не знал.

— Начнется уборка, попрошусь на сенокопнитель или грузчиком на «ЗИЛ», — размечтался Жуков, — а если не пустят, сбегу в город.

— Напрасно, — сказал я, — тут, знаешь, сколько дел? Все автоматизировать нужно. Читал про лазеры и мазеры?

— При чем тут деревня? — Жуков сплюнул с досадой. — Тут к трактору близко не допускают, не то что к лазерам и мазерам!

— Все равно надо бороться и предлагать! Конечно, от школы никуда не денешься, но потом — институт и,

смотришь, ты изобретаешь комбайн-лазер. Его луч срезает пшеницу. Р-раз — и все поле повалилось. Только собирай.

— А пшеница же загорится от луча? А?

— Этого я не учел, — сказал я, — но додуматься можно.

Мы подошли к кузнице. Возле нее подковывали лошадей.

— Все, родимая, пошла! — сказал кузнец, взьерошив рыжую челку лошади. И лошадь пошла, осторожно припадая на подкованную ногу. Наверно, она чувствовала себя, как я в новых ботинках. Потом ей надоело хромать, она подумала, что, конечно, жалко пачкать обновку, но ничего не поделаешь: все-таки веселее пробежаться рысью, чем думать без конца о новой подкове, — и затанцевала на мокрой траве, заржав от радости.

А из кузницы доносились удары, тяжелые и приглушенные, потом звонкие и частые, с отстуком. Мы с Жуковым заглянули в дверь, и нас обдало жаром и ослепило раскаленным добела искристым углем.

Два кузнеца ковали какую-то деталь, похожую на лапу. Они не замечали нас, и лица у них были

разгоряченные и немного торжественные. Я загляделся на них. И сказал Жукову, с завистью смотревшему на кузнецов:

— Да... археолог прав... тут есть опасность... Что будет с кузнецами, когда их место займут роботы? Они же затоскуют. Что тогда? Я об этом не перестаю думать. Я сам люблю рубить дрова. Надо сделать так, чтобы человеку при сплошной автоматизации было приятно быть человеком. Ничего. Что-нибудь придумаем... Давай попросим у них поковать...

— Что ты? — шикнул на меня Жуков. — К ним сейчас не подходи! В другой раз. Пошли.

Мы немного побродили по двору мастерской, забирались на место комбайнера, вертели штурвал, а у меня в глазах все еще прыгали золотистые искорки, оттого что я долго смотрел на раскаленный металл, и в памяти возникала музыка тяжелых и звонких с перестуком ударов по наковальне.

Потом Жуков предложил сходить на ферму взглянуть на Мордая — племенного быка, которого должны были увезти на выставку.

Бык стоял на огороженной березовыми жердями площадке и, казалось, дремал — огромный, черный, лоснящийся на солнце, с кольцом в носу и с курчавой челкой между широко расставленными рогами.

— Это, наверно, таких быков брали за рога наши прадеды? — сказал я.

— Его грузовиком не стронешь с места. Мордай! Нука, поворачивайся! — Жуков перелез через изгородь, схватил быка за рога, но тот даже не вздрогнул и смотрел на нас добрыми глазами и моргал смешными выгоревшими ресницами. А с губы у него капала пена.

— Жуков! Вон красный платок какой-то! Это — мулета, а ты похож на матадора. Давай его расшевелим. — Я снял платок с жерди и тоже перелез через изгородь. — Помнишь, в кино? Вот так делал матадор. Тор-ро! Тор-ро!

Мордай уставился на красный платок, который я растянул во всю ширину рук, как мулету, но не тронулся с места и совсем не злился.

Я семенил перед ним на цыпочках, словно матадор, припадал на одно колено, чувствуя и ужас, и восторг и готовясь ловко увернуться, и кричал до хрипоты: «Торо! Торо! Мордай!» Но огромный бык добродушно пережевывал жвачку, а Жуков хохотал.

Тогда я тоже засмеялся и погладил быка по мощному загривку, а он краем рта захватил платок, и я не мог его вырвать.

Тут в дверях фермы показалась девушка в белом халате, увидела, как Мордай жует красный платок, и ахнула. Жуков крикнул:

— Бежим!

А я не знал, удирать или удерживать ускользящую из рук мулету.

Девушка подбежала, стукнула меня по плечу и, чуть не плача, стала уговаривать Мордая:

— Отдавай! Открой рот! Платок новенький! А тебя, Жуков, выселим из колхоза.

— Это я виноват, — сказал я. — Поверьте, не ожидал...

Девушка наконец вырвала у Мордая изжеванный наполовину платок, хлестнула им меня по рукам и бросилась за Жуковым.

Я ее перегнал, мы с Жуковым забежали за угол, перелезли через какой-то забор, причем я порвал рубаху и оцарапал грудь, и притаились.

— Она думает, это я тебя подначил дразнить Мордая, — сказал Жуков, отдышавшись.

— Я ей докажу, не бойся... — Я сам с трудом дышал после такой пробежки. — Красивый какой бык... Почему он не злился? Может, дальтонизм у него?

— Ты тоже хорош. Но красиво получилось... Торо! Торо! Мы лучше нашего бычка потренируем на красное! — сказал Жуков, выводя меня огородами к дедушкиному дому.

23

Вечером мы оделись во все чистое, обулись и без двадцати девять подошли к клубу. Я нес проигрыватель с длинным проводом, а Жуков две пластинки: «Героическую» и «Пятую» симфонии Бетховена.

На дверях клуба висело объявление о собрании.

У крыльца стояла веселая толпа колхозников. Некоторые, увидев нас, зашептались.

— Все они хороши...

— Это он дедов внук?

— Гляди, несытый какой...

— Травиночка...

— А тоже туда же, к Мордаю. Настя рассказывала. Я, не глядя ни на кого и не останавливаясь, прошмыгнул следом за Жуковым в клуб.

Сенашкин помогал очень строгой на вид женщине накрывать на стол красную скатерть.

Жуков встал в сторонке, а я залез на сцену и спросил у Сенашкина:

— Где у вас тут розетка? Здравствуйтесь.

— Здесь, — сказал он. — Учтите: двести двадцать вольт. Эх, помирать, так с музыкой. Налаживайте. Отступать некуда. И сами не бойтесь.

Он ушел, проводив нас за занавес. Я и сам волновался, когда присоединял к сети проигрыватель, а Жуков, кусая губы, то и дело сообщал мне:

— Входить начали, усаживаются. Все правление собралось.

В клубе было шумно от разговоров, смеха и стука передвигаемых стульев.

У меня все было готово. На диске лежала «Героиче-

ская симфония». На щитке горел красный глазок. Я решил сначала завести траурный марш, чтобы Сенашкину было легче каяться и хоронить свое преступление. «А потом можно завести самую радостную часть «Пятой» симфонии... она поможет ему снова стать человеком».

Зал уже был полон. Строгая женщина никак не могла утихомирить собравшихся и стучала ключом по графину. Сенашкин сидел в первом ряду, все время вытирая платком затылок. Он оглянулся в зал, громко кашлянул, но шум не затихал.

— Вот дед твой, — сказал Жуков.

И правда, дедушка, здороваясь со всеми, проходил между рядами на свободное место, а за ним археолог с какой-то девушкой.

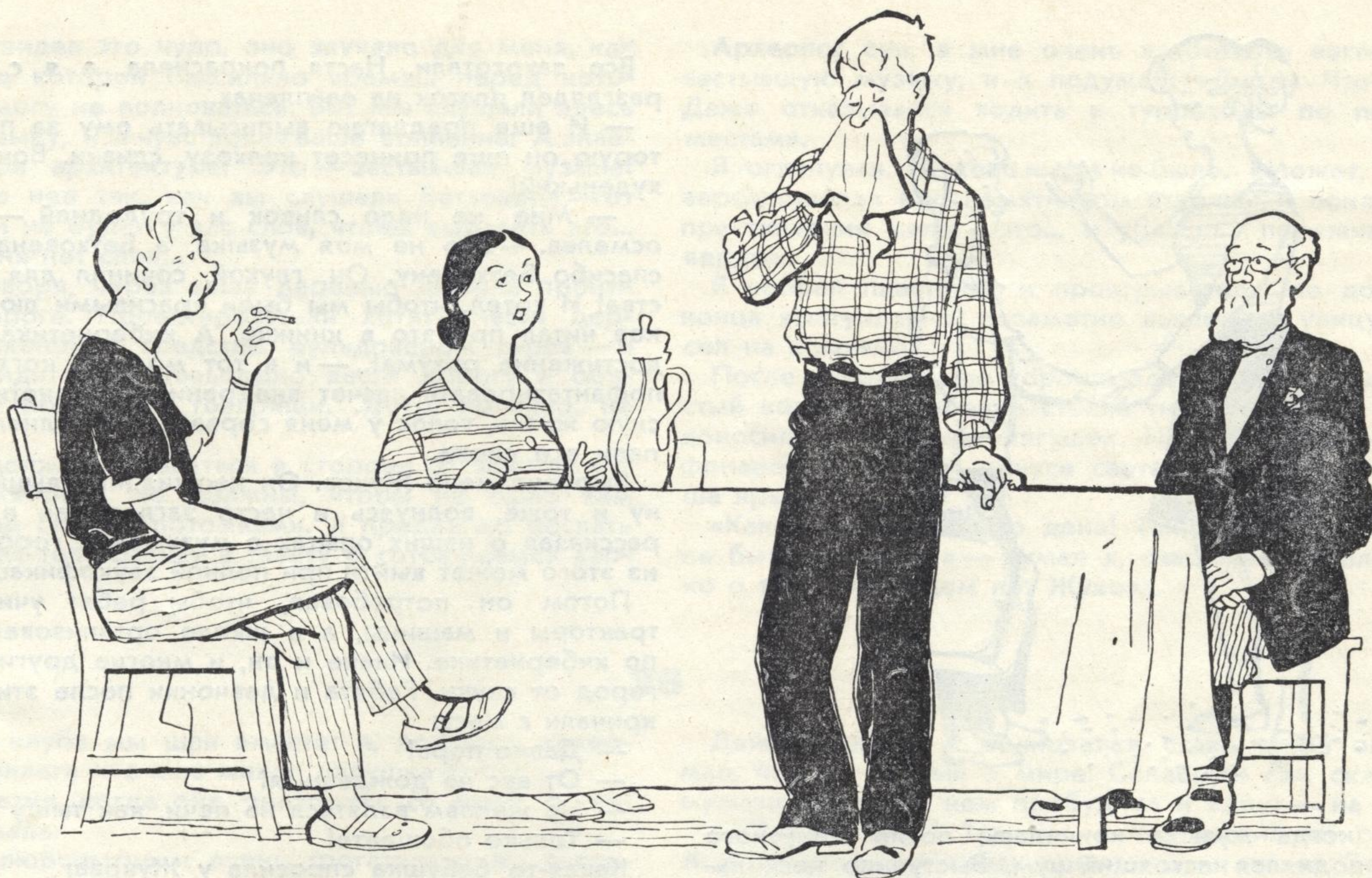
Я обрадовался. Ведь зла у меня на него не было. Наоборот, я на себе проверил правильность его слов, но доказать ему, что кибернетика вместе с музыкой великая сила, было необходимо.

— Начинай. А то они целый час кудахтать будут, — сказал Жуков.

— Учти, такого опыта еще не было в нашей эре, — шепнул я и нажал кнопку.

Наверно, когда зазвучала музыка, все подумали, что это им послышалось, но гул стал затихать, я сделал звук погромче, и скоро только тихая и скорбная мелодия была слышна в зале клуба.

Сидевшие в президиуме, недоумевая, посмотрели в нашу сторону. Многие в зале привстали с мест, еще немного — и посыпались бы вопросы с шуточками, хотя

и мне, и Жукову, и всем, конечно, жутковато стало от музыки, и тогда Сенашкин тяжело поднялся на сцену и сказал:

— Товарищи!.. Кого, думаете, хороним? Хороним бес-
сменного снабженца вашего колхоза — Сенашкина! —
говорил он медленно, и даже не говорил, а как-то над-
садно выдыхал слова. — Шесть лет служил он вам ве-
рой и правдой... пока не потерял совесть... и... нет
его! — тут музыка зазвучала так высоко, пронзительно
и жалостно, что две женщины в первом ряду поднесли
к глазам платки, да и я сам чуть не заплакал, как будто
снабженца взаправду не стало.

— Нет его! Ходит среди вас живой, как говорится,
труп... а того Сенашкина, который все силы отдавал
колхозу... еще раз подчеркиваю... нету... Крышка!

— Да что с тобой, Кириллыч? — испуганно выкрик-
нули из зала, и все заволновались.

Сенашкин высморкался и замолчал, прислушиваясь к
музыке, как будто ему хотелось подольше хоронить
себя на глазах обманутых колхозников.

«А вдруг ему так тяжело, что он не выдержит... Пи-
сали же, как некоторые люди внушают себе болезнь
и умирают...» — подумал я и сделал звук потише.

«Пятую» еще нельзя было ставить: ведь Сенашкин
сознался не до конца.

Начал он сознаваться издали, спросив у всех:

— Почему погиб Сенашкин? — и, собравшись с сила-
ми, выпалил одним духом: — Согласно кибернетике
произошло так: сняли мы первые огурцы в парни-
ках... — Я схватился за голову: «Ну при чем тут киберне-
тика?» — И тогда же часть пропили! — В зале ахнули и
зашумели. — Тихо! Не хочу вину на другого сваливать.
Но разве не мог Сенашкин душу вытрясти из того, кто
его подбил на подлость? Мог. Но не вытряс. И погиб.
Так почему? Расскажу, чтобы другим неповадно было
и чтобы знали, как погибает в подлости человек. Мозги

наши, значит, состоят из нейронов. В них хранится ин-
формация, как нам себя вести в жизни. Называется эта
информация совестью... Правильно?

— Валяй дальше! Без тебя знаем, что такое совесть! —
крикнули из зала.

— Так вот. Подлец один, пусть сам сознается, запро-
граммировал Сенашкина. А сам Сенашкин, еще боль-
ший подлец, заглушил обратную связь, которая его
ошибки всю жизнь вовремя исправляла, и стал глушить
совесть водкой... Но не было житья. В глаза вам не
смотрел... И спасибо ей! — он посмотрел в нашу сторо-
ну и рассказал, как в критическую минуту своей жизни,
когда боялся признаться людям, вдруг услышал «Лун-
ную сонату». — Спасибо музыке! Проняла до мозга
костей и сказала: «Признайся! Умри в глазах людей,
Сенашкин, но возродись!»

Я хлопнул два раза в ладоши, подумав, что после
этих героических слов все должны заплодировать, но
в зале было тихо-тихо. И Сенашкин молчал.

Тогда я быстро переменял пластинку и поставил са-
мую радостную часть «Пятой симфонии», и мне пока-
залось: весь зал легко вздохнул, как будто гром гро-
мыхнул и теплый дождь пролился после предгрозового
мрака.

— И еще спасибо деду Степану и его внуку за то,
что правильно меня запрограммировали, — сказал Се-
нашкин, — а мальчонка с точки зрения кибернетики
объяснил, как и до чего я дошел. И я говорю: судите
меня. Все приму...

— Занятно? — спросил я Жукова. — Он про себя го-
ворит не «Сенашкин», а «я». Значит, он возродился.

— На любую работу согласен, — продолжал Сенаш-
кин. — А жить с вами и врать я не мог. И гадости этой
в рот не беру и не возьму.

Сенашкин сошел со сцены и встал, потупив голову,
около окна.

Я думал, что все сразу заспорят и примутся ругать
Сенашкина, но в зале было тихо, и я не стал выклю-
чать проигрыватель.

Наверное, колхозников так же, как раньше меня, му-
зыка, не спрашивая, нравится она или нет, просто за-
хватила и заставила себя слушать.

Но вот когда музыка кончилась, после минутного молчания поднялся настоящий шум. Выступило несколько человек, и все беспощадно ругали Сенашкина. Другие что-то кричали из зала. Разобрать их слова было невозможно. А Сенашкин все стоял, ссутулившись, около окна и слушал. Жуков что-то торопливо записывал на бумажке.

Тут женщина из президиума, когда в зале стало немного тише, сказала:

— Ну, что ж! Все правильно говорили. И я скажу: нелегко ему было признаться. Трудней, чем пропить общее добро. А что стоило задуматься? Мы вот честные люди и живем честно, и про эту обратную связь ничего не слышали, и все равно, конечно, полезно узнать, что иногда с совестью происходит по научному объяснению. Если согласны, постановим так: «Под суд не отдавать, как осознавшего и первый раз предавшего себя и других. А ущерб возместить. И в снабженцах оставить. Кто «за»?»

Сенашкин как-то съезжился в ожидании, но «за» проголосовали все. Даже археолог и его девушка.

— Порешили, — сказала женщина и грозно позвала: — Ляпунов! Иди, иди на глаза. Не прячься. Догадываемся, кто второй!..

Но Ляпунов не выходил. Наверно, он струсил и смылся из клуба.

— Ладно, товарищи, и ему отвечать придется. Видать, совести у этого человека нет больше ни на грош. — Она поманила меня к себе, отдернув занавес, и я подошел к столу, стараясь смотреть в одну точку. — Думаю, надо нам сказать спасибо товарищу...

— Жукову и Егору, — подсказал я.

— Ну, Жукова еще рано хвалить. Озорной больно, а вот тебе спасибо. За хорошую музыку.

— А я предлагаю, — вдруг сказала с места Настя, и я с ужасом ждал, что она сейчас предложит наказать нас за платок и раздраживание быка. — Я предлагаю начислить ему трудодни за помощь в ликвидации ошибок снабженца колхоза!

Все захохотали. Настя покраснела, а я с радостью разглядел платок на ее плечах.

— И еще предлагаю выписывать ему за пользу, которую он еще принесет колхозу, сливки. Вон он какой худенький!

— Мне не надо сливок и трудодней, — сказал я, осмелев. — Это не моя музыка, а Бетховена. Скажите спасибо Бетховену. Он, глухой, сочинял для человечества! И хотел, чтобы мы были красивыми людьми. Жуков читал про это в книжке. А кибернетика — высшее достижение разума!.. — и в тот момент, когда я хотел пофантазировать насчет внедрения кибернетики в сельскую жизнь, голос у меня сорвался от волнения и пропали все слова.

Выручил меня Жуков. Он неожиданно вышел на сцену и тоже, волнуясь и часто заглядывая в бумажку, рассказал о наших опытах с музыкой и горохом и что из этого может выйти при полной звукофикации.

Потом он потребовал, чтобы ребят учили водить тракторы и машины, а в школе организовали кружок по кибернетике. Иначе и он, и многие другие убегут в город от скуки. Ребята и девчонки после этих слов закричали с мест:

— Давно пора!

— От вас не дожدهшься!

— Не желаем валяться на печи, как тыщу лет назад!

— Только обещаете!

Какая-то бабушка спросила у Жукова:

— А редиска будет расти под музыку?

Жуков хотел ответить, но ему помешала Настя, поднявшаяся на сцену. Она пообещала, что комсомольцы сотрут рано или поздно грань между городом и деревней, а я подумал: «С водопроводом плохо у них дело. Хуже, чем в древнем Риме!» — и вспомнил, как, опускаясь на дно, сначала звонко, потом все глуше гремит ведро, отскакивая от сруба колодца, и медленно вытягивается сухая цепь и становится влажной, и вот уже дышит на тебя студеным холодом подернутый рябью кружок воды...

«Водопровод необходим, конечно, а колодец можно оставить для удовольствия», — решил я.

Настя уже говорила про Бетховена:

— Я читала, как трудно было этому человеку. Он не слышал того, что писал, и того, о чем писал. Это страшно. И тогда ему не могли помочь. А теперь мы разве не можем помочь деду Аленкину? Тут звучала музыка, а он, бедняга, спрашивает: «Ась? Ась?» — До каких же пор он будет плохо слышать?

Я посмотрел на дедушку, сидевшего в первом ряду, который, приложив ладонь к уху, пытался разобрать, о чем это говорится со сцены.

— Почему мы ему ничего не подарили, когда он уходил на пенсию? Жалко было? Я предлагаю купить деду Аленкину слуховой аппарат. Он тоже хочет слышать то, что слышим мы: и музыку, и смех, и кукареку! Кроме того, дед работает сторожем в сельпо!

Тут снова все рассмеялись и без долгих слов подняли руки. И мы с Жуковым подняли, и дед Аленкин тоже поднял, даже не догадываясь, за что он проголосовал.

Настя отвела меня и Жукова за занавес и сказала:

— Мордай повеселел. У него аппетит появился. Наверно, оттого, что вы его красным дразнили. А если бы не повеселел, я бы вам за платок знаете что сделала? Тореадоры нашлись!

25

Встал археолог и, перекричав всех, попросил слова. — Товарищи! Я на вашем интересном собрании человек посторонний. Однако пришел сюда специально для того, чтобы сказать вам: стыдно! Да! Не удивляй-

тесь! Стыдно. Здесь увлекательно фантазировали, но я буду говорить о прошлом. В пяти километрах отсюда на земле вашего колхоза находится уникальный памятник русской старины. Деревянная церковь XVI века.

Когда я увидел это чудо, оно звучало для меня, как песня, перед которой бессильно время... перед которой... Я не могу не волноваться. Вот мы слушали здесь великую музыку, и я чувствовал ваше волнение. А знаете, что такое архитектура? Это — застывшая музыка! Взгляните на нее так, как вы слушали Бетховена — от всей души, и не будет у вас слов, чтобы выразить это... эту... и у меня нет слов...

Короче говоря, через вашу деревню должна пройти хорошая дорога. Проектировщики хотят снести церковь. Они экономят средства. Бульдозером р-раз — и нету! Им, видите ли, невыгодно вести дорогу в объезд. Тихо! Успокойтесь, товарищи. Этого, конечно, не будет.

И вы не должны оставаться в стороне от защиты чудесного памятника. Не должны, чтобы не было вам стыдно перед своими потомками. Я предлагаю послать от имени всех телеграмму в газету о готовящемся варварстве!

26

Домой из клуба мы шли вместе: я, дедушка, археолог и его коллега — очень милая девушка Рита.

Я это отметил, когда она, знакомясь со мной, с уважением сказала:

— Очень любопытно и очень трогательно вы экспериментируете. Такой малыш, а уже знаток человеческой души!

Эти слова слышал дедушка, и я был благодарен Рите за них, хотя никаким знатоком себя не считал. И за слово «малыш» я почти совсем не обиделся на нее.

Потом нас неожиданно догнал Сенашкин. Археолог извинился и отошел с Ритой в сторону. Сенашкин обнял дедушку и сказал:

— Ну, дед Степан! Весь век не забуду, как ты мне мозги вправил! Жива теперь душа, и все!

— Чур, так не пойдет! — возмутился я. — Это музыка с кибернетикой вправили вам мозги!

27

Мы остановились у калитки, поджидая Риту и археолога. Дедушка сказал, что они должны остаться у нас ночевать.

Когда все мы вошли в дом, Рита почему-то сказала, посмотрев на потолок, пол и стены.

— Сучки как глаза! Ах, вы, милые! Ах, вы, раскосые... добрые!

У археолога при этом был такой вид, как будто он остановился в удивлении перед прекрасным.

Я тоже посмотрел на сучки.

Посмотрел и хмыкнул, — сучки и вправду были похожи на глаза: и на прищуренные, с хитрецей, и на широко открытые, с большими зрачками, и на глупые, круглые, как у меня, трехмесячного, на фотографии, и на Ритины — красивые, с немного подведенными уголками...

— В каждом дереве душа есть, — сказал дедушка, подмигнув мне.

После ужина мы с археологом залезли на сеновал, легли рядом, но разговаривать не могли. Только я спрашивал: «А как, по-вашему?» — он перебивал меня: «Тихо... тихо!» — и наконец сказал:

— Гармошка тоже чудо... Как выводит! Словно тоненькая струна между ней и моим сердцем... и страшно, если она разорвется. Вот ты, Егор, говорил о моделировании чувств в электронных машинах... Да какие там к черту машины, когда один человек не может смоделировать свое чувство в другом человеке! Бред!

Археолог сел, а мне очень захотелось взглянуть на застывшую музыку, и я подумал: «Дурак. Что я знал? Даже отказывался ходить в турпоходы по памятным местам».

Я оглянулся. Жукова нигде не было. «Может, он тоже варварствовал над памятником старины и понял, какое преступление делать это... и убежал... переживает, наверно».

Я собрал пластинки и проигрыватель, не дожидаясь конца выступления, незаметно вышел на улицу и присел на крыльцо.

После духоты было хорошо вдохнуть прохладный чистый воздух. В деревне стояла тишина. Только с пруда доносилось кваканье лягушек. И ночные бабочки под фонарем в желтом конусе света танцевали, тихо шурша крыльями.

«Какой день! Вот это день! Таких дней у меня еще не было в жизни!» — думал я, счастливый, жалея только о том, что рядом нет Жукова.

Действительно! Я волновался, ставя такой опыт, думал, что он первый в мире. Сенашкин сам сказал, что музыка совесть в нем пробудила и вдруг — на тебе.

— Верно, Егор! Так что и ты правильно рассудил. А деду твоему я сразу признался, — сказал Сенашкин.

— Я и без кибернетики управился с ним! — поддразнил меня дедушка.

— Нет! Нет! — возразил Сенашкин, наверно, для того, чтобы я не расстроился, — без кибернетики я бы так не понял насчет совести. Ты все «совесть, совесть!», а он «информация, как себя правильно вести... обратная связь». Он, брат, все как на ладони выложил. Голова — твой Егор!

— В меня пошел башкой! — гордо сказал дедушка.

Сенашкин ушел домой. Слова дедушки меня обрадовали. И вообще я успокоился; ведь музыка и кибернетика все-таки помогли! И еще как!

А почему? Ответь мне — почему?

— Машина-то сможет, а почему вы думаете, что человек не может?

— Ха... действительно, почему я так думаю? — растерялся археолог. — Ах, нет! Это — невозможно. Невозможно!

— А вы пробовали? Почему невозможно?

— Вот вырастешь, Егор, тогда узнаешь... Тогда ты узнаешь, что такое... Но давай спать.

У него, как у гармошки, у самого в голосе были страдания.

— Тогда скажите, в чем секрет музыки? — не отставал я.

— Я лично считаю, что она дарит нам ощущение бесконечности. Ведь так просто ее нельзя представить. Невозможно. И еще... помогает нам открывать в себе настоящие чувства... А каждое настоящее чувство, Егор, бесконечно... Увы! Это так.

— Еще немного, и вы бы покончили с собой? Вас удержало искусство? — спросил я, вспомнив слова из завещания Бетховена, о которых мне рассказал Жуков, когда мы после истории с Мордаем возвращались домой.

— Это не совсем так. Но в моем положении нельзя не сказать музыке спасибо.

— А почему музыка разная? Бетховен, Чайковский, и джаз, и гармошка... Гармошка от слова гармония? — спросил я.

— Сплю... сплю, — прошептал археолог, — не видать мне ответного чувства. Я скорей поверю, что его в машине смоделируют!

— Все же вы попробуйте. Это же интересно, смоделировать свое чувство в... том человеке. А не удастся — в другом, подумаешь! Вы только для опыта попробуйте!

Археолог ничего не ответил и заснул, наверное, для того, чтобы его не мучило бесконечное чувство...

«Хороший он человек. А влюбляться я лично никогда не буду. Зачем мне так мучиться?.. Но мама же любила моего отца. Как там они? Надо им написать, чтобы прислали пластинок. Напишу, что у меня появился

волчий аппетит и лучший друг — Жуков... И что здесь «приют спокойствия, трудов и вдохновенья»... и что вырасту до осени... и вообще: почему бы мне не остаться в деревне... буду на лыжах в школу ходить, умыться снегом... Кружок бионики и кибернетики организуем. Тут полно бабочек, жуков и лягушек для опытов... Про Норда напишу, и про дедушку, и про археолога, и про Риту, и про Сенашкина... все напишу. А может, мне стать писателем или композитором?.. И моделировать в людях всякие бесконечные чувства? Археологу я помогу. И смоделирую в Рите ответное чувство. Все-таки с людьми легче, чем с машинами!» — подумал я и тоже уснул.

28

Проснулись мы все поздно и на пруд решили сходить вечером.

Дедушка и археолог дали мне денег и послали в сельпо за консервами.

По дороге я забежал к Жукову. Он возился с конурой Норда. Норд зарычал и рванулся с цепи, услышав мой голос.

— Цыц! Свой! — сказал Жуков и открыл мне калитку.

— Чем ты тут занялся?

— Вот, — Жуков показал на связку серых дощечек, с одной стороны обрезанных полукругом. — Дранка с церкви. Лемех называется. Отнесу обратно.

Я хотел сказать, что все возвращается на круги своя, но не сказал, — Жуков понимал это не хуже меня.

От конуры остался только каркас, и Норд грустно смотрел на него. Мне захотелось для начала смоделировать чувства в Норде.

— Норд! Мы тебе новую построим, — сказал я.

Норд зарычал.

— И не рычи. Я тебя люблю. Понимаешь, люблю, — говорил я, а сам думал, что вот так же и археологу нужно действовать. — Ты хороший пес. Ты самый красивый и умный пес на всем белом свете. Посмотри мне в глаза... не стесняйся. Я тебя люблю и ты меня люби... Если я уеду, честное слово, буду присылать тебе посылки с костями. Хочешь? Видишь, я тебя глажу, глажу. А ты? Дай лапу и будем друзьями навек! Ну, дай, дай... Норд вилял хвостом, внимательно слушал меня, но лапу не давал.

Жуков засмеялся, а Норд подошел и лизнул ему руку, а на меня взглянул виновато, словно говорил: «Ты уж прости».

«Да-а... Меня он никогда не полюбит больше, чем Жукова. И если у археолога такая же история — плохо его дело», — подумал я и сказал:

— Приходи через полчаса. Вместе пойдем церковь смотреть. Сеанс я сам проведу. И тебе помогу дранку нести.

— Приду, — сказал Жуков.

29

Когда я вернулся, археолог стоял на табуретке и с выражением, как будто читал стихи, говорил Рите и дедушке:

— Мало того, что орнамент наличников вырезан с большим художественным вкусом и безупречной геометричностью. Он еще и музыкален. Да! Музыкален! Смотри на него, вы чувствуете стройный и самобытный ритм рисунка. А какие переходы от одной темы к другой! Это — песня! А резьба карнизов как бы завершает ее легкой, изящной и лирической горизонталью! Я уже говорю о главке с петушком... Не правда ли, Егор? — увидев меня, спросил археолог.

Я кивнул, хотя не успел как следует присмотреться к карнизам и почувствовать музыкальность наличников, и подумал: «Вам надо Рите с выражением говорить то, что я говорил Норду, и пытаться моделировать свое

чувство. А так будете мучиться долго-долго... А изба дедушки красива... и правда, золотые руки у него...»

Позавтракав, дедушка, Рита и археолог пошли в правление узнать, отправлена ли телеграмма о варварстве. Я должен был догнать их на лесной дороге и успел прокрутить две пластинки, пока ждал Жукова. Горох на обеих грядках вытянулся после дождя. Может быть, мне так казалось, но стебли «джазового» были толще и зеленей и капельку повыше стеблей «симфонического». Я полюбовался ими, а потом подошел к стене сарая, на которой дедушка сделал отметку, хотел проверить: подрос ли я от рубки дров, тасканья воды, еды и беготни, но не проверил. «Лучше проверю под конец лета. Так интересней», — решил я, и, не дожидаясь Жукова, сам зашел за ним.

30

Он уже навьючил через плечо две связки дранок.

— Будем нести по очереди, — предложил я.

За деревню мы вышли огородами. Я понял, что Жукову неудобно показываться на глаза с похищенной дранкой.

До леса было недалеко. Над зеленым полем звонкими колокольчиками висели жаворонки, и казалось, что это ветер дергает их изредка за невидимую нитку то вверх, то вниз и раскачивает из стороны в сторону...

В лесу сразу стало темней и прохладней. Пришла моя очередь нести дранку, но тяжести я не замечал и

все время спрашивал Жукова, как называются лесные цветы и травы.

А Норд кругами бегал по лесу, обследовал пни, закидывал голову, принюхивался, повизгивал от удовольствия, распугивал птиц, и вдруг ни с того ни с сего замирал, вытянув хвост стрелой и поджав переднюю лапу. И так же неожиданно срывался с места и принимался задумчиво жевать какую-то полезную для него травку...

А я слушал звуки леса: свист и щебет птиц, и треск сучков, и глухой сверху шум елей, и тихий переплеск

осинника, и дрожащее дыхание березняка, и «тук-тук-тук» дятла, и шелушащуюся на ветру кору сосен. — Я все думал: как птицы дорогу находят? — сказал Жуков. — Ведь они летят за тыщи километров. Ученые догадались? Ты не читал?

— Насчет ученых не знаю. Мне кажется, я сам догадался, верней, подумал. Вот смотри: перелетела однажды первая ласточка отсюда в Африку. Так? Допустим, здесь были тропики, а потом похолодало. Она летела и запоминала леса, моря, овраги, реки, горы и так далее. В Африке она перезимовала и полетела сюда обратно. И по наследству передала информацию о рельефе местности своим птенцам. А они своим. И пошло. И пошло, — сказал я.

— Ха! А почему она не осталась в Африке? Там же тепло! — спросил Жуков.

— Странно. «Почему?» Просто здесь ее родина!

В тот миг я не подумал, что для меня значит это слово, просто привел первое пришедшее на ум объяснение. Но вдруг почувствовал: ведь это все моя Родина! И поле, и тропка, и колокольчики жаворонков, и поляны в цветах, и лес, по которому ходили мои прадеды, и пруд, в котором они купались, и небо, в которое смотрели. И город, по которому я соскучился, и рельсы в розовой росе, и сухая паутинка, щекощущая щеки, и история, которую мы проходили. У меня в четвертом классе по истории были одни пятерки, но разве мое сердце сжалось хоть раз от теплоты и нежности, как сейчас от слова — Родина. Рань-

ше оно говорило мне столько же, сколько слова: Австралия, Африка, только я знал, что наша Родина самая большая.

— Ты что встал как вкопанный? — толкнул меня Жуков.

— По-моему, — сказал я, — в нас тоже, как в птицах, есть информация всего-всего... И еще больше. Я читал, как один человек уехал за границу и умер от тоски по Родине. Забыл, как эта болезнь называется.

— Все равно я в город хочу, — сказал Жуков.

— Это — другое дело. Я, может, на Марс хочу. Но я знаю: теперь я на Марсе буду скучать по нашей деревне и к тому же по всей Земле.

— Ну, на Марсе и я буду скучать... Смотри! — Мы стояли на краю оврага. — Слушай!

— Родник? — спросил я, услышав тихое журчание.

— Ага! Тут речка Чистушка начинается.

Мы спустились вниз. Я скинул с плеча дранку и раздвинул кусты. Прямо передо мной в размытой песчаной воронке серебрился на солнце чистый, говорливый родник.

— И откуда здесь бензиновое пятно? — спросил я. Но это было не пятно, а всего-навсего радужно переливающиеся крылья стрекозки, прикипшей к березовому сучку.

Норд уже жадно лакал воду, прищелкивая языком. И мы с Жуковым легли и склонились над родником, а родник все что-то говорил, журчал, нашептывал. Студеная вода ломала зубы, но отрываться от нее не хотелось.

— А знаешь, что они сделали с ним? — спросил Жуков. — С родником! С речкой Чистушкой! Километрах в пятнадцати недавно построили мыловаренный завод. Он свою грязь спускает в Чистушку. Ее даже стали звать Грязнушкой. Я сам искупался один раз, а потом с трудом отмылся. Их же мылом. Кто они после этого?

— Дедушка говорил, что берега чахнут и рыба гибнет... Значит, это правда?

— Еще какая правда...

— Но надо же хоть телеграмму о варварстве послать! — вскричал я.

— В газету всей школой писали. Может, помогут, — сказал Жуков.

Мы еще немного полежали, склонившись над родником, и у меня комок подступал к горлу, когда я думал о том, во что превращается равнодушными типами с завода бьющая на наших глазах из земли чистая, как слезинка, вода.

Потом мы перешли широкую просеку, по которой шла высоковольтная линия. Норд подбегал к железным опорам и лаял на гудящие провода, а просека прямо была белым-бела от звездочек земляники, как будто Млечный Путь тянулся по темному лесу.

— Скоро выйдем к Большим лугам, — сказал Жуков.

Лес незаметно кончился. Перед нами все в цветах — синих, белых, красных — раскинулись Большие луга.

За ними на невысоком пригорке стояла деревянная церковь. Сначала казалось, что до нее рукой подать. Но мы шли, шли лугами, а видны были только четкие очертания двух маковок на фоне неба.

Наконец мы подошли совсем близко и увидели Риту с археологом. Я присел на лужок, вглядываясь в церковь и стараясь понять, почему она — застывшая музыка.

Церковь слегка покосилась и была серо-серебряной, как елка. Одна большая круглая маковка поднималась над двумя ступенчатыми скатами крыш, а другая, маленькая, венчала четырехгранную башенку с широкими круглыми карнизами. Башенка держалась на восьми столбах, обитых наполовину досками, а в просветах между столбами голубело небо.

— Это — колоколенка, — сказал Жуков.

А мне она казалась головой воина в шлеме и кольчуге до самых голубых глаз, и вместо музыки я почувствовал время — целые века, которых раньше, даже тогда, когда я смотрел на фотографии римских развалин, никак не мог себе представить.

Я бы не мог словами рассказать об этом чувстве ни себе, ни другим. От него просто мурашки побежали по коже, и я, не отрываясь, смотрел на деревянное чудо. И вспомнил, как отец, пытаясь приучить меня слушать музыку, говорил: «Ты слушай, и все. И если побегут мурашки по спине, значит, музыка тебе понравилась».

Но у меня раньше почему-то ни разу по спине не бежали мурашки.

— Пошли! — растолкал меня Жуков. — Ты им скажи, я не знал, что срываю дранку с этой... застывшей музыки... да я и сам скажу...

Подойдя к археологу, я прямо спросил у него:

— Почему архитектура — застывшая музыка?

Археолог развел руками.

— Это, Егор, объяснить невозможно.

— Всегда так говорит, — шепнул я Жукову, — а потом не остановишь.

— Присмотритесь! — сказал археолог. — Чуете, какое совершенство пропорций? Я сказал «чуете» потому, что зодчие не проходили пропорций, как мы, в школе и в институте, а чуяли, чуяли! У них было художественное... высокохудожественное, — он начинал расхотаться, — гениальное чутье! Смотрите, какая тонкая, и скромная, и соразмерная игра плоскостей, и сфер, и окружностей, и углов, и горизонталей, и вертикалей! И все это сливается в одну гармонию. А дранка на кровле, словно рябь на озере! А окна? Кроткие, как глаза! — он смотрел то на Риту, то на церковь, а мне было и жалко его, и смешно. — Приглядитесь! И я, и вы знаем в тысячу раз больше, чем наши предки, но чутья у нас не прибавилось. А если в нас вообще нет чутья, то вот такие прекрасные творения рожают его! Да! И учтите, друзья, ученым при проведении опытов тоже необходимо художественное чутье. Как Лебедев взял и взвесил свет? А? Чуете?

— Чуем, раз по спине бегут мурашки, — сказал я, хотя многое из того, что сказал археолог, не понял.

— Между прочим, я вам пришлю почитать книжку. Чутье важно, но и понимать нужно учиться. Я сам, дубина, не сразу все понял. А это... откуда? — спросил археолог Жукова, заметив наконец связки дранок.

— Угу, — буркнул Жуков. — Я помогу отремонтировать. Не бойтесь.

А дедушка тесал бревно. Тесал так молодо и ловко, словно ему не было семидесяти с лишком лет.

«Вах! Вах!» — щепка отваливалась от бревна большими кусками, а дедушка поплеывал на руки и, играючи топором, обравнивал бревно — только перышками летели мелкие щепки.

— А-а... Жуков? — сказал он, увидев нас. — Ну, я вам, лоботрясам ученым, сейчас найду работу. Ты, Егор, мне тут поможешь, а ты на кровлю полезай. На круги своя. Дел много, сюда, говорят, туристы скоро повалят. Ты, Егор, не сгори. Не жадничай на солнце.

Жуков полез на крышу.

Норд, набегавшись, лежал в тени, высунув язык, и смотрел, как Рита что-то записывала в тетрадку.

— Егор! — позвала она меня. — Подержите, пожалуйста, рулетку. Куда это скрылся мой восторженный шеф?

— Вы на практике? — спросил я.

— Да. Я в архитектурном. Учусь чуять, — сказала Рита.

Тут я и брякнул из любви к опытам и из уважения к археологу, если уж у него не было решительности смоделировать чувство.

— Вот вы сказали, что я большой знаток человеческой души. Так?

— Да. Я это искренно. А что? — удивилась Рита.

— Тогда, что же вы не чуете? — возмутился я. — Из-за вас некоторые не верят, что в будущем можно будет смоделировать чувства в электронной машине. Они говорят: «Какие там к черту машины, если человек не сможет смоделировать свое чувство в другом человеке!» Понимаете, что такое моделировать? Вот скажите, почему у вас нет ответного чувства? Почему?..

Вдруг Рита, не дослушав меня до конца, расхохоталась, присела на завалинку, схватившись за сердце и закрыв глаза. Время от времени она переставала смеяться, но, взглянув на меня, закатывалась снова.

Я бросил рулетку от обиды и хотел сказать: «Только не думайте, что это я вас полюбил», — но тут послышалась музыка и к нам подошел археолог с транзистором на плече. Подумав, что Рита рыдает, а у нее и вправду по щекам уже текли слезы, он испуганно дотронулся до ее плеча и спросил:

— Что с вами, Рита? Сердце? Что с вами? — голос у него дрожал.

Рита встала, взяла его под руку, но не могла сказать ни слова, задохнувшись от смеха, который, наверное, я, сам того не желая, смоделировал в ней.

«Ну, говори! Говори! — думал я про себя. — Она же дала тебе лапу... то есть руку... и будьте друзьями навеки!»

Я с досадой отметил, что мне совершенно непонятно все, происходящее с ними, и был растерян. «Много еще неясного для меня в мире. А я, дурак, думал, что мне все ясно!»

А из транзистора летела музыка. И было как-то странно, что я стою вот здесь, у чудесного памятника старины, пережившего века, как будто на машине времени перенесся в прошлое, и тут же и транзистор, и мучающийся археолог, и Рита, радостно смотрящая на него, и музыка, может быть, старая, а может быть, сочиненная живым композитором.

«Наверно, сочинять музыку, от которой у людей и у меня по спине бегут мурашки, тяжелее, чем конструировать роботов разных марок. Потому что роботы устареют, а музыка не умрет в самых далеких веках!» — подумал я и пошел помогать дедушке.

Мои встречи с Александром Беляевым

Л. Подосиновская

Когда-то давно, в детстве, когда мне было лет десять, я очень любила Майн-Рида, зачитывалась «Всадником без головы». Но однажды попала мне в руки книга Александра Беляева «Голова профессора Доуэля» — и с Майн-Ридом было покончено. После «Головы профессора Доуэля» я прочитала «Человека-амфибию», «Прыжок в ничто»... С тех пор я полюбила фантастику и моим любимейшим писателем стал Александр Беляев. Я тогда не знала, жив он или нет, где он живет, рядом или на другом конце света. Он не мог быть близко, он был, как и всякое божество, где-то там, в неведомом краю, может быть, на другой планете.

Как-то в один несчастный день пришла мне вдруг фантазия взять перо и бумагу и написать фантастический рассказ. И название-то я ему дала самое несчастное — «Несбывшаяся мечта». Часто я потом вспоминала это название!

Но это потом, а тогда... тогда случилось чудо. Из «Ленинских искр» мне написали, что рассказ мой переслали писателю А. Р. Беляеву и надеются, что он мне в ближайшее время ответит.

И он ответил. Оказалось, что он живет на земле, и даже совсем недалеко, в городе Пушкине, до него не нужно лететь в космической ракете, а можно доехать самым обычным поездом. *«Найти меня не трудно... Я живу во дворе кино «Авангард». Кино у нас единственное, все знают. Четырехэтажный дом во дворе. Третий этаж, кв. 34».*

Мы с мамой решили поехать вдвоем — ей тоже хотелось познакомиться с известным писателем, да и мне не так страш-

но было с нею. Воскресенье 13 апреля 1941 года было солнечным ясным днем. Ровно в десять часов утра от перрона Витебского вокзала отошел поезд, и через полчаса мы были в Пушкине. Следуя указаниям письма, мы быстро дошли до кинотеатра, вошли во двор, ступили на лестницу... И струсили. Остановились у квартиры 34, постояли, посмотрели друг на друга, не решаясь позвонить... Где-то наверху хлопнула дверь, и я чуть не пустилась наутек, — но тут мама нажала кнопку звонка.

Дверь открыла немолодая женщина.

— Александр Романович Беляев здесь живет? — спросила мама.

— Да. Вам его самого нужно?

— Самого, — отважно сказала я. — Скажите ему, что мы приехали из Петергофа.

Она пригласила нас войти, предложила раздеться и ушла. Мое волнение достигло предела. Я лихорадочно сорвала с себя пальто, чувствуя всем своим существом, что он уже идет, что вот сейчас откроется дверь и он появится на пороге.

И вот дверь открылась и он вошел. Мне трудно сейчас, спустя двадцать пять лет, вспомнить его черты, у меня остались в памяти лишь густые черные брови и серебряные волосы, остался приветливый мягкий голос и крепкое рукопожатие в первую минуту встречи. Он пригласил нас в кабинет, извинившись, сказал, что ему недавно делали операцию, поэтому он должен лежать, и прилег на койку, а мы сели рядом.

Он уже прочитал к тому времени два или три моих рассказа и теперь заговорил о них.

Указал на их достоинства и недостатки, выбрал один для дальнейшей работы, подробнее остановился на нем. Я немного оправилась от волнения, старалась не пропустить ни слова и некоторые замечания его запомнила на всю жизнь. И сама обстановка этого разговора, кабинет писателя тоже остались в памяти как что-то необычное и чудесное. Везде книги, книги, куча журналов на столике, пишущая машинка... а на стенах семь больших рисунков, прежде всего привлекавших мое внимание. Я сразу узнала два из них — на одном была изображена ракета в космическом пространстве, а на другом — схватка с шестирукими обезьянами, обитателями Венеры. Они были из «Прыжка в ничто». Заметив мой интерес, Александр Романович объяснил, что остальные иллюстрации к его книгам: «Звезда КЭЦ», «Под небом Арктики», «Подводные земледельцы», «Воздушный корабль» и еще одна не помню откуда. Кажется, он назвал автором художника Фитингофа.

Несмотря на всю мою робость и волнение, я все-таки

Рисунок к рассказу
А. Беляева «Над бездной»
художника В. Куприянова

осмелилась спросить Александра Романовича, над чем он работает сейчас, и он охотно на этот вопрос ответил. Сказал, что пишет сценарий «Когда погаснет свет», уже кончает его, а потом «заберется на долгое время на Марс». Готовится к выходу его последний роман «Ариэль». «Вы прочтаете его первая», — сказал Александр Романович. К сожалению, «забраться на Марс» ему уже не удалось.

После этого первого посещения я была у него еще два раза в мае 1941 года. Каждый раз это был солнечный день, каждый раз, как межпланетный корабль, трогался десятичасовой поезд с Витебского вокзала, каждый раз ровно в одиннадцать часов я все с тем же трепетом и волнением нажимала кнопку звонка у заветной двери. Наверное, я была тогда похожа на лунатика: я ничего не видела и не слышала вокруг, кроме Беляева. Не знаю, какая у него была квартира, сколько там было комнат, что было в этих комнатах. Помню, была большая комната, через

которую надо было пройти, чтобы попасть в его кабинет. Но однажды я обнаружила в ней присутствие столика: меня посадили за него выпить чашку кофе. Потом обнаружилось, что из этой комнаты есть дверь еще в одну комнату — туда, где жила Светлана, дочь Беляева. Светлана была больна, лежала в постели, и Александр Романович привел меня к ней.

Разумеется, она тоже писала научно-фантастические рассказы. Не знаю, сколько ей было тогда лет, я решила, что лет двенадцать. Комната ее была полна игрушек, а она, полулежа в постели, охотно и непринужденно читала нам рассказ, который назывался «Притяжение магнита». Если бы она знала, как я ей завидовала!

А сам Александр Романович прочитал мне начало и рассказал конец своего нового рассказа, над которым работал в то время. Назывался он «Ро-за улыбается». Речь в нем шла о девушке из капиталистического мира, которую никуда не принимали на работу из-за ее печального лица. Везде нужны были служащие с веселыми, улыбающимися лицами, а Роза не могла улыбаться, у нее было большое горе. Тогда она решила на пластическую операцию, и на лице появилась вечная улыбка. Но глаза оставались грустными, и ее все-таки не принимали на работу. Наконец ей повезло, она устроилась в похоронное бюро — там нужна была именно такая улыбка.

Собираясь уходить, я попросила у Александра Романовича что-нибудь почитать из его книг. Он задумался: «Что бы вам дать? Мне самому как-то больше всего нравится «Властелин мира», но здесь у меня нет ни одного экземпляра, все в Москве. Я вам дам последнюю, что у меня вышло». И он дал мне «Звезду КЭЦ».

Так с книгой в руках я и ушла от него в этот день. И больше мне уже не пришлось его увидеть — через месяц началась война. Вскоре пришла ко мне последняя весточка от него — почтовая открытка:

«Дорогая Люда! Простите за молчание. Рассказ ваш я получил. Был страшно занят работой и не мог прочитать и ответить. Теперь уж «литературную учебу» придется отложить до мирного времени. Когда можно будет приехать, привезете и книгу. Если понадобится раньше — напишу, тогда можно будет выслать по почте.»

А вы продолжайте литературную работу — поскольку позволяет время и обстоятельства. Привет маме. Светлана шлет Вам привет. Она все лежит.»

А. Беляев»

Война разбросала людей в разные стороны, и я тоже была заброшена далеко от Ленинграда, от заветного Пушкина. Мы попали в оккупацию и много дней брели по дорогам, таща на себе то, что успели захватить из дому. Но где бы я ни была, я всегда, как самое дорогое, берегла письма Беляева и его книгу. Часто, перечитывая желтые почтовые открытки, я вспоминала часы, проведенные у любимого писателя, вспоминала его слова, его советы и верила, что снова увижу его, снова приеду к нему после войны.

К сожалению, надежды не сбылись. Уже в самом конце войны я узнала, что он умер в Пушкине, в начале 1942 года. Долго не могла я в это поверить, но все оказалось правдой: Беляева больше не было в живых. Мне осталось несколько его писем, книга и память о встрече с ним как о самом большом счастье в моей жизни.

МАЛЯР НИКО

Окраины Тбилиси хорошо знали его. Он бродил по узким улочкам, мощенным овальными камнями — высокий, худой, молчаливый. Бледное лицо, обрамленное темной бородкой. По-детски ясный взгляд. Во всем облике — спокойствие и благородство. Знакомые в шутку звали его «графом».

Художник Николай Пиросманашвили, он же Нико Пиросмани, просто Нико, бедняк из бедняков. Оборванный, вечно голодный, он шагал по улицам рабочих окраин с ящиком, где лежали краски и самодельные кисти. На крышке ящика рисунок: джентльмен в цилиндре...

Винные погребки, мелочные лавки, духаны, трактиры — здесь его работа, его хлеб. Он рисовал вывески на жести, расписывал стены, делал картины по заказу хозяев. Плата известная — миска похлебки. Правда, если заказчик останется доволен работой, Нико поднесут стакан вина... Денег ему, как правило, не платят. Да он и не требует. Что дают — тем и доволен. Чудак...

И верно, чудак. Влюбился в приезжую знаменитость, актрису Маргариту, а было это еще в молодые годы, когда кое-что имелось и у него за душой. Влюбился, совсем голову потерял, дом заложил, скупил все цветы в округе, и целый час несли и несли эти цветы в комнату актрисы...

Гастроли кончились. Маргарита уехала, не простившись, в свой далекий Париж.

С тех пор никто не видел Пиросмани смеющимся. Нико жил, кочуя от одного заказчика к другому, работал в подвалах, где свет едва пробивался сквозь тусклые стекла. А ночевал чаще всего под открытым небом. Неохотно пускали бродягу на постой. Никто не звал его художником. «Маляр». Иначе к нему не обращались.

...Это произошло летом 1912 года. Трое студентов — два будущих художника и поэт — приехали на каникулы из Петербурга. На вокзальной площади их внимание привлекла большая вывеска: «Трактир «Варяг». Стремительный крейсер скользил по бурному морю...

Молодые люди вошли в трактир. И остановились, изумленные. На стенах висели картины, подобных которым они никогда не видели. С первого взгляда ясно: художник — самоучка, но таланта необыкновенного. Его картины предельно просты, все персонажи взяты из повседневной жизни — охотник с ружьем, грузин, подымающий рог с вином, пастух в черной бурке, старик-отшельник... Но чудом искусства эти простые люди как бы приподняты над обыденностью жизни. Каждая картина — гимн природе, человеку, всему земному! Во всем видна традиция древнего народного искусства: единство поэтической сказки и жизненной правды.

Вот что увидели студенты в картинах Нико. Увидели и полюбили навсегда.

А один из них — художник Кирилл Зданевич — всю свою жизнь посвятил Пиросмани. Он первым стал собирать картины Нико, пропагандировать его искусство. Он помогал Нико, как только мог.

В поисках картин Пиросмани Кирилл Зданевич объездил всю Грузию. Нередко он тратил на покупку картин последние деньги, и семья его сидела на хлебе и воде.

К. Зданевич написал книгу о Нико Пиросманашвили. Книга вышла в Москве, в издательстве «Искусство» в 1964 году. Есть и еще одна книжка о замечательном грузинском живописце: «Бродил художник по городу». Автор ее — Римма Канделаки. Эта книжка тоже вышла в Москве, в 1964 году, в издательстве «Советский писатель».

Э. Голубева

НЕ ХОЧУ, ЧТОБ ОН МЕНЯ ПРОВОЖАЛ...

Читателям отвечают писательница Наталья Долинина и журналист Александр Крестинский

Как понять дружбу мальчика с девочкой и как её объяснить? Можно ли дружить с мальчиком из другого класса?

Таня М. 5 кл.

Не хочу, чтоб он меня провожал... Мне нравится другой мальчик...

Лариса Ш., 8 кл.

Есть любовь к своему классу — если ты учитель; к большому человеку — если ты врач; к чистому листу бумаги, к чертежной доске, к станку, к прилавку, к куску мрамора — есть такая любовь к своему делу, что сердце замирает от прикосновения к нему, как замирает, когда приближаешься к месту свидания...

Роняет лес багряный свой убор...

Вам, может, кажется, это просто так — строчка из Пушкина? А мне — не просто так. Не знаю, как без этой строчки, и без следующей —

Сребрит мороз увянувшее поле... — и без следующих — не знаю, как без них жить.

Вы думаете, я увожу вас от главного? Боюсь или не хочу говорить с вами о том, ради чего вы свои письма писали? Ничего подобного. Мы к нему

идем, к этому главному. Только не нужно торопиться.

Вам двенадцать-четырнадцать... В четырнадцать — человек уже почти взрослый. Не потому, что он готов к любви. Честно говоря, я думаю, что в этом возрасте настоящей любви еще не бывает. Но стремление к ней, но желание понять, но способность готовиться к тому, что, быть может, придет в твою жизнь — все это доступно человеку уже в четырнадцать.

Я думаю, многие беды происходят от торопливости. Так страшно что-то упустить в жизни: ух ты, у других уже есть, а у меня еще нету... Вон, Маша ходит с Петей и говорит, что любит его. А я? Почему я еще никого не люблю? Почему меня никто не любит? И бросятся девочка к первому попавшемуся мальчишке, а мальчишка — к первой попавшейся

девчонке. И бывает, оборачивается все это горьким разочарованием: да он, оказалось, вовсе не такой, как я думала... Тогда возникает спасительная формула: «Нет никакой любви, все выдумки...»

Есть любовь. И к вам она придет в свой час. Только не думайте, что она приходит к человеку сама, просто так. Готовность к любви — это накопленные человеком душевные силы: доброта, терпение, воля, твердость характера, нежность...

Это уж как закон: чем крупнее человеческая личность, чем выше ее помыслы, цели в жизни — тем значительнее и чувства. И наоборот: чем мельче, эгоистичнее личность — тем мельче и чувства ее.

Учитесь же самому трудному на свете: быть человеком. Любите близких, друзей, работу, стихи и музыку, небо и землю...

Н. Долинина

В нашем классе многие не понимают, что такое дружба. Вадик К. хочет дружить с Надей П. и Надя тоже хочет. Но им мешают классные насмешники. Многие считают, что дружба с девочкой — это преступление, смеются над Надей. Надя и Вадик стали сторониться друг друга. Если Надя назовет его по имени, то и весь класс подымают ее на смех. Надя часто плачет, и вот она решила уходить из нашей школы.

Таня А., 6 кл.

Бывает ли любовь в четырнадцать лет?

Люда К., 8 кл.

Первый раз я влюбился в четвертом классе. Мою соседку по парте звали Катей. Толстощекая Катя больше всего на свете любила ириски «Кис-Кис».

Я запоем читал. Подвиги книжных героев были моими подвигами. И каждый — во славу Кати.

В ту весну вся школа плела колечки из медной проволоки. Я тоже сплел колечко. На уроке географии я подарил его Кате. Сердце мое сильно билось.

Около школы, на углу, продавец мороженого ловко захватывал белый сливочный шарик двумя вафельными кружочками. Теперь такого мороженого нет, а жаль: на каждой вафле было выдавлено имя. Всякий раз я с трепетом ждал — вдруг мне попадется «Катя». И когда это наконец случилось, я был счастливейшим человеком на земле.

И я знал: никому, НИКОМУ! — нельзя рассказывать о том, что со мной происходит. И тем более показывать — жестом, взглядом, поступком! Я чувствовал: над этим могут посмеяться. Я жил в своем се-

кретном мире и гордился тем, что у меня есть тайна...

Именно тогда я понял: есть чувства, которые не могут быть у всех на виду. Обожая Катю, я учился сдержанности.

...Во время войны с белофиннами в Ленинграде было затемнение. Вечерами на улицах — кромешная тьма. Мы учились во вторую смену. Возвращались поздно. Около Пощелуева моста под покровом темноты бесновалась шайка местных хулиганов. Они налепали с гиканьем, свистом, выхватывали портфели, отнимали деньги...

Мы выходили из школы целым классом. В середине — девочки, а вокруг — мальчишки. Мы шли и победно орали: «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой!..»

Два зимних месяца мы ходили так. Два долгих месяца мы были мужчинами, защитниками, опорой.

Однажды на нас все-таки напали. В драке с меня сорвали кожаный летчицкий шлем, которым я так гордился! Но девочек своих мы в обиду не дали.

Что это такое было — любовь, дружба или еще что-то? Какая разница! Никому из нас тогда и в голову не пришло бы сказать: с девочкой стыдно дружить...

Есть в ваших письмах, ребята, нечто общее: все вы столкнулись в своей жизни с испытанием чувств. Жизнь проверяет: чего вы стоите, что можете. Бывает такое испытание: мальчик и девочка дружат, а над ними смеются. Бывает испытание пошлостью, грязью...

Выдержишь? Победишь?

«Не хочу, чтоб он меня провожал...» Думаете, кокетство, девчоночьи глупости? Как бы не так! Настоящая жизнь с настоящими трудностями.

«Коля хочет со мной дружить, а мне нравится Петя. Что делать?» Попробуйте-ка встать на место Коли, которому нравится эта девочка. Попробуйте встать на место девочки, которая мечтает дружить с другим мальчиком...

Мне легче встать на место Коли. И вот, представив себя мысленно на его месте, я вижу, что ему надо быть мужественным. А это не так просто.

А. Крестинский

ОТКРЫТЫЕ ОКНА

Виктор Голявкин

Рисунок автора

Небо отражается в лужах.
Весна отражается на мне.
Иду по лужам как по воздуху.

Болтаю во все стороны портфелем, а из портфеля музыка.

Поэтому-то я и взял с собой транзистор, что на улице хорошо. Только не нужно было его на уроке включать. Может быть, я его потому и включил, что на улице хорошо...

Сразу бы его выключить и больше не включать. А я его выключил и тут же опять включил:

Грачи прилетели,
Грачи прилетели,
На крыльях весну принесли!..

Никто ничего не понял, только мой сосед Никита Кошкин хихикнул и говорит:

— Давай, давай еще!

Марья Марковна спрашивает:

— Откуда это?

Я, естественно, молчу.

Она опять:

— Откуда это, я спрашиваю?

Таня Ведерникова говорит:

— Наверное, с улицы.

Класс наш на первом этаже помещается, вполне можно спутать. Если учесть, что я возле окна сижу, на последней парте.

Марья Марковна говорит:

— Очень уж не хочется окна закрывать, чудная погода.

Ребята кричат:

— Не надо, не надо закрывать!

Она отвернулась к доске, а Никита меня в бок толкает:

— Еще давай! Еще!

Мне самому хочется песню послушать, отличная ведь песня, да нельзя.

А в то же время, когда урок кончится, песня тоже кончится.

Из этих соображений я его и включил.

В классе засмеялись, наверное, поняли, что не на улице, а Марья Марковна говорит:

— Что за безобразие, откуда это? Если будете отвлекаться, я окна закрою.

Ребята кричат, чтобы окна не закрывали, а Кошкин продолжает меня в бок толкать.

Я его отстраняю, а он рвется к моему транзистору, как с ума сошел.

— Отстань, — говорю.

А он твердит:

— Давай, давай, еще давай!

Передача неплохая, жалко ее пропускать, но нельзя...

И не включать нет никакой возможности!

Осторожненько поворачиваю колесико...

Как грянет:

Раз, два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать!

Милая, смешная девчонка Енька,

Нас приглашает танцевать!..

Кошкин от смеха корчится.

— Мне кажется, это не с улицы...

А ребята кричат:

— С улицы! С улицы!

Марья Марковна говорит:

— Придется тогда окна закрыть.

— Пожалуйста, не закрывайте! — кричат со всех сторон.

В это время Кошкин взял да и включил приемник на всю мощность, он у меня в парте лежал.

Марья Марковна подошла ко мне, протянула руку и говорит:

— Давай-ка сюда.

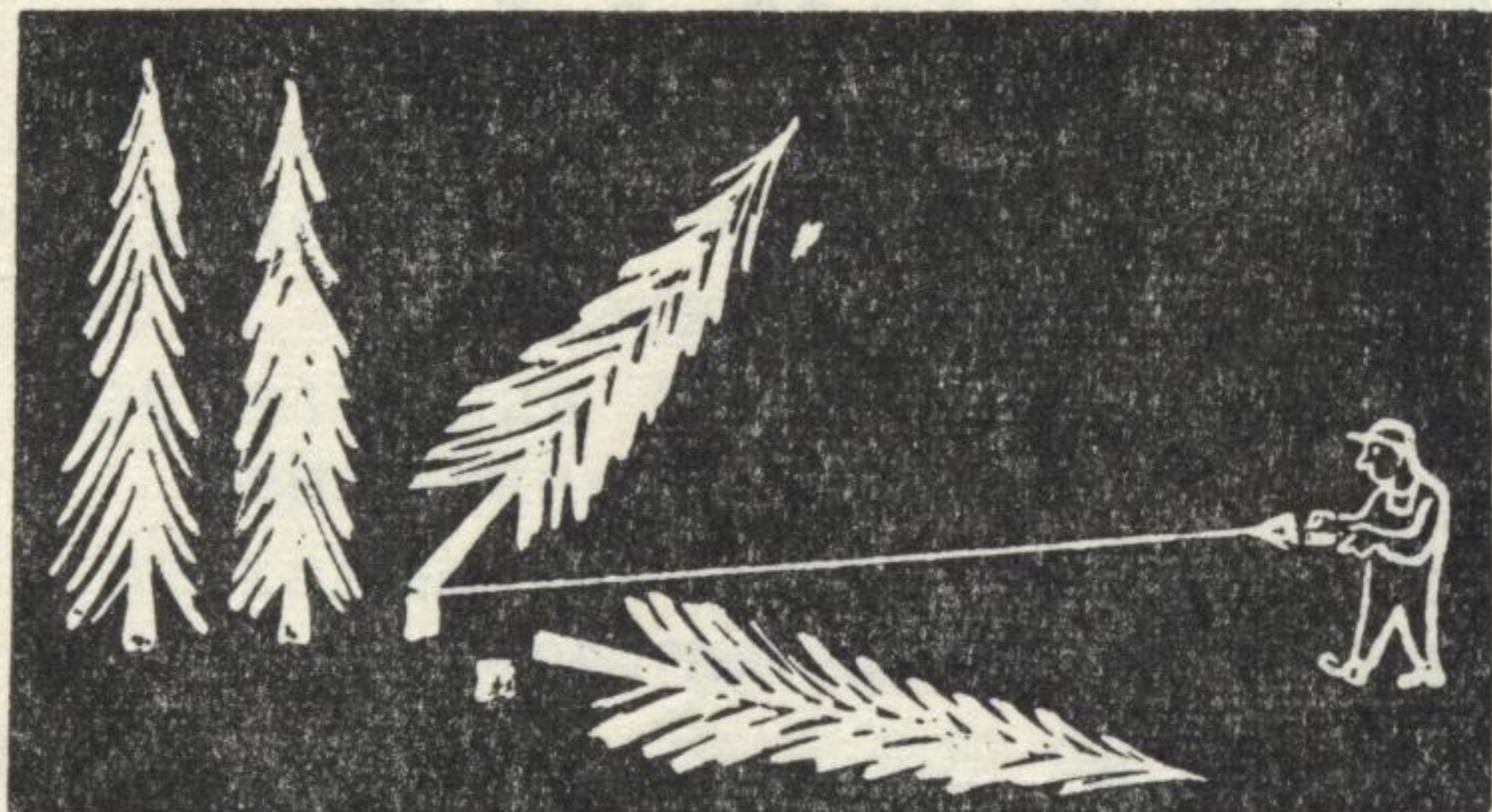
Я отдал, она его на стол положила.

Я встал и говорю.

— У меня случайно получилось. Мой приемник испорчен, он не может тихо играть. Я все время старался тихо-тихо, а он орет на всю мощность. Прошу прощения, но я не виноват. Такие песни передавали...

Марья Марковна поглядела в окно, и все в окно посмотрели, а я на свой транзистор.

— Эх ты, я чуть было из-за тебя окна не закрыла, — сказала она.

Луч режет дерево

Конечно, это не солнечный луч, а луч, посылаемый лазером. Он может быть направлен на бревно или брусок, и тогда в древесине образуется углубление с гладкими, чуть обугленными краями, глубиной до полутора миллиметров. Это происходит только в том случае, когда пучок света направлен, а не рассеян. Со временем такой луч заменит пилы и топоры.

Пустыня — лаборатория

На севере Чили в некоторых зонах пустыни Атакама уже более сорока лет не выпадало дождей, и влажность воздуха там почти равна нулю. Американские астрономы изучают в этой местности марсианские условия.

Почва Атакамы состоит из песка и глиняной пыли и покрыта соленой коркой. Атмосфера на Марсе, конечно, иная, чем в Атакаме, но ветры и там чрезвычайно редкое явление.

Ученые пытаются выяснить, как различные земные организмы могут приспособиться к подобной среде.

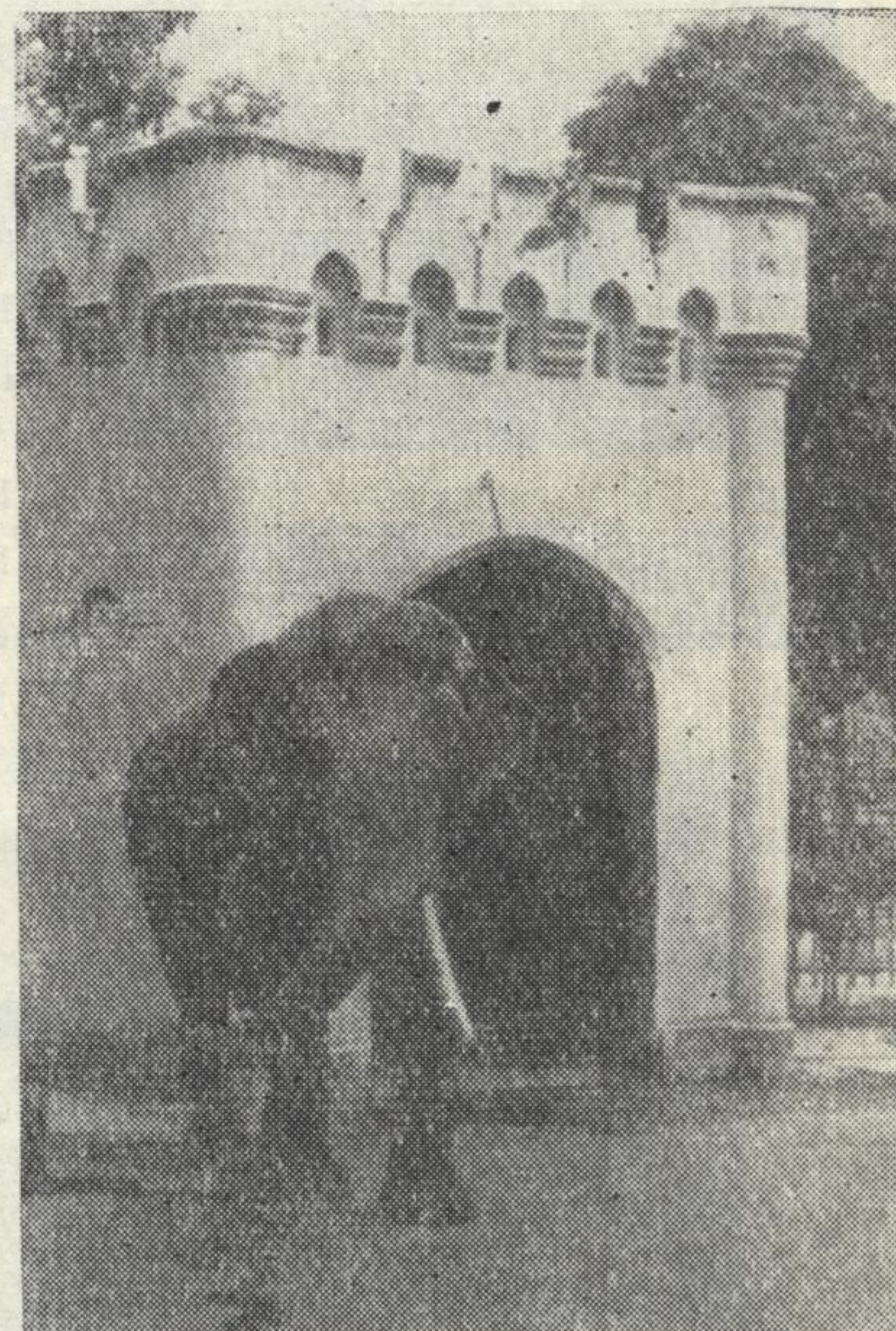
Луна на земле

В Зименках, под Горьким, в радиофизической обсерватории есть несколько моделей Луны. Земные двойники Луны позволяют изучить верхний покров этой планеты. Удалось выяснить, что судить о химическом и минералогическом составе вещества Луны можно по глубине проникания радиоволн в лунные породы.

Хитрость мозга

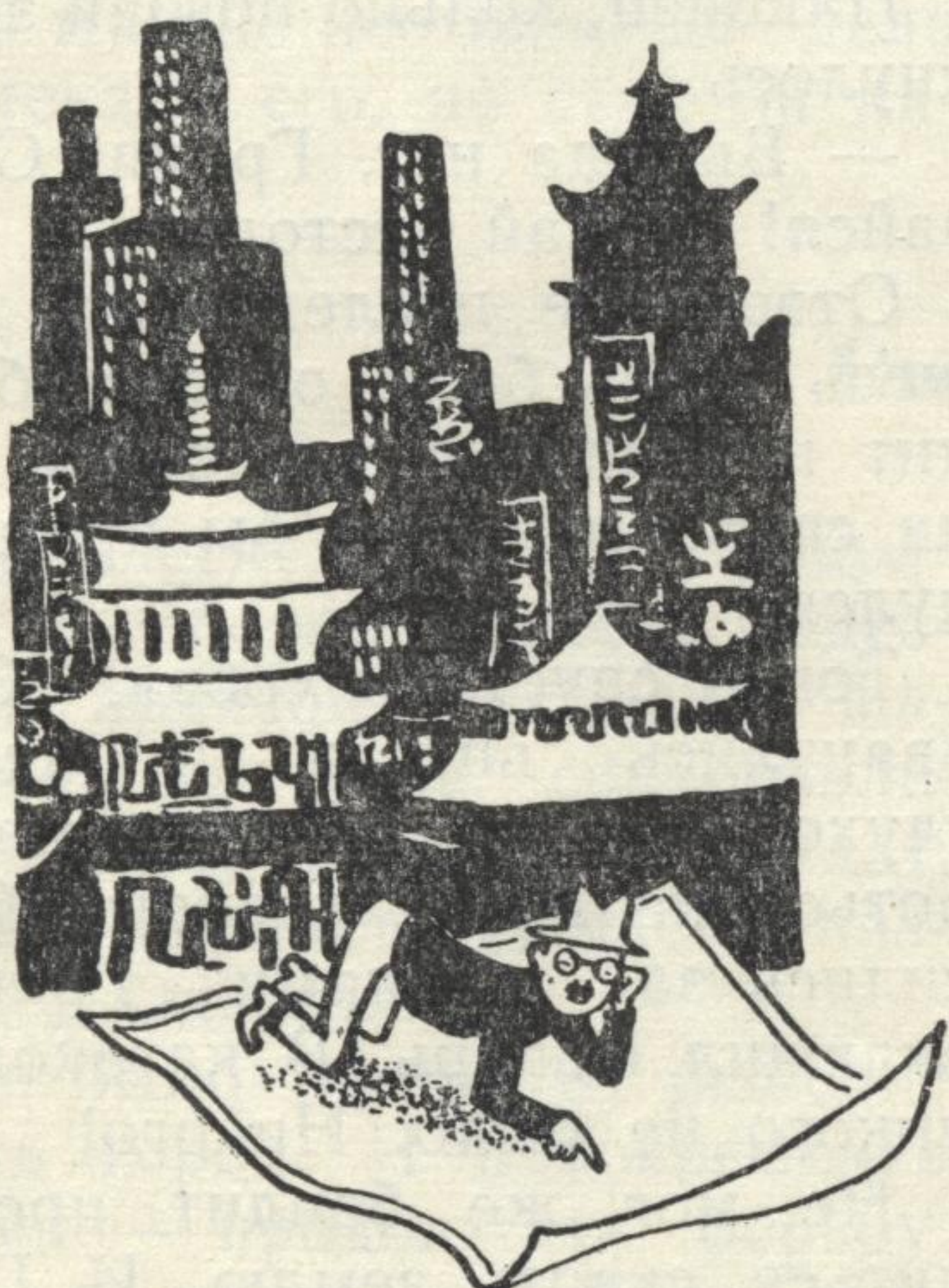
Как известно, человеческий мозг состоит примерно из 15 миллиардов нервных клеток. Считалось еще недавно, что во время работы мозга нервные клетки «выстраиваются» в определенном порядке, как бы по схеме. Значит, нарушение в одной-единственной клеточке может привести к нарушению всей деятельности мозга? Но ведь мозг работает безотказно многие годы?..

Ученые Ростовского университета выдвинули гипотезу, опровергающую принятую точку зрения: клеточки мозга вступают в случайное взаимодействие. Если одна нервная клетка не может участвовать в работе, мозг обходится без нее.

Слон-герой

Этот слон — национальный герой Вьетнама. Во время боев с французскими колонизаторами слон таскал за собой пушку. Раненый слон был награжден медалью как солдат. Слон живет в зоопарке Ханоя. В день Независимости слона выводят на парад и на ленте через плечо у него медаль.

**Идете в гости?
Купите карту**

Это удивительно, но в самом большом городе мира — Токио, с его одиннадцатимиллионным населением почти все улицы, кроме самых главных, не имеют названия. Более того — дома на них не пронумерованы. Чтобы была хоть какая-нибудь возможность отыскать нужный адрес, выпускаются специальные небольшие карты районов Токио. Когда токиец приглашает в гости, он при этом нередко вручает карту: «Приходите ко мне завтра на чашку чая, я живу там, где помечено крестом».

ПОДЗЕМНАЯ БАРРИКАДА

Евгений Рейн

— Как пройти к Тимофею Григорьевичу Грицаю?

— Через зал и направо.

Иду через зал. Он тесно уставлен скелетами. Да, скелетами! И еще какими! Огромные, не то лошади, не то жирафы, а рядом помесь крокодила с медведем, и даже ящеры на курьих ножках. Ужас!

Это кости животных, населявших землю тысячи, десятки тысяч лет назад.

А в кабинете за столом сидел плотный, очень широкий в плечах, седой человек. Был он вроде уже не молод, но слово «пожилой» никак к нему не подходило.

— Мне чужен товарищ Грицай.

— Это я, — ответил хозяин кабинета. — Вы по какому делу: палеонтология или что-нибудь еще?

Я сказал, что приехал из Ленинграда побывать в одесских катакомбах.

А потом заговорил Тимофей Григорьевич.

И я понял, что этот рассказ надо начать с самого Тимофея Григорьевича Грицай.

Как открывают заповедники

Никто не знает катакомбы лучше Грицай. Он исследовал их, как Пржевальский Азию, как Тур Хейрдал остров Пасхи.

Грицай — коренной одессит. Еще мальчиком вошел он в катакомбы. Первые рискованные экспедиции совершал с клубком бечевки, чтобы не заблудиться, дорогу освещал огарком свечи.

После революции большевик Грицай ушел в органы ЧК. Вот

тогда-то и пригодилось его знакомство с подземным царством. В те дни оно было густо населено — недобитые белогвардейцы, дезертиры, обильная одесская уголовщина...

Эти жители знали свою «квартиру» совсем не худо. И иногда они задавали чекистам хитрые загадки.

Вот один случай: с огромным трудом чекисты арестовали знаменитого бандита Грину. Закоренелый налетчик и

убийца, Гриня отличался безрассудной смелостью, был человеком ловким и предприимчивым.

Начиная с Грини, думали распутать дела большой опасной банды. И вдруг под носом у конвоиров Гриня бежал. Сделано это было так неожиданно и ловко, что конвоиры просто оторопели. Первые минуты были упущены. Вместе с соучастниками, помогавшими Грине, он скрылся в катакомбах.

Грицай с бойцами оперативного отряда спустился вслед за бандитами. Собаки направили погоню.

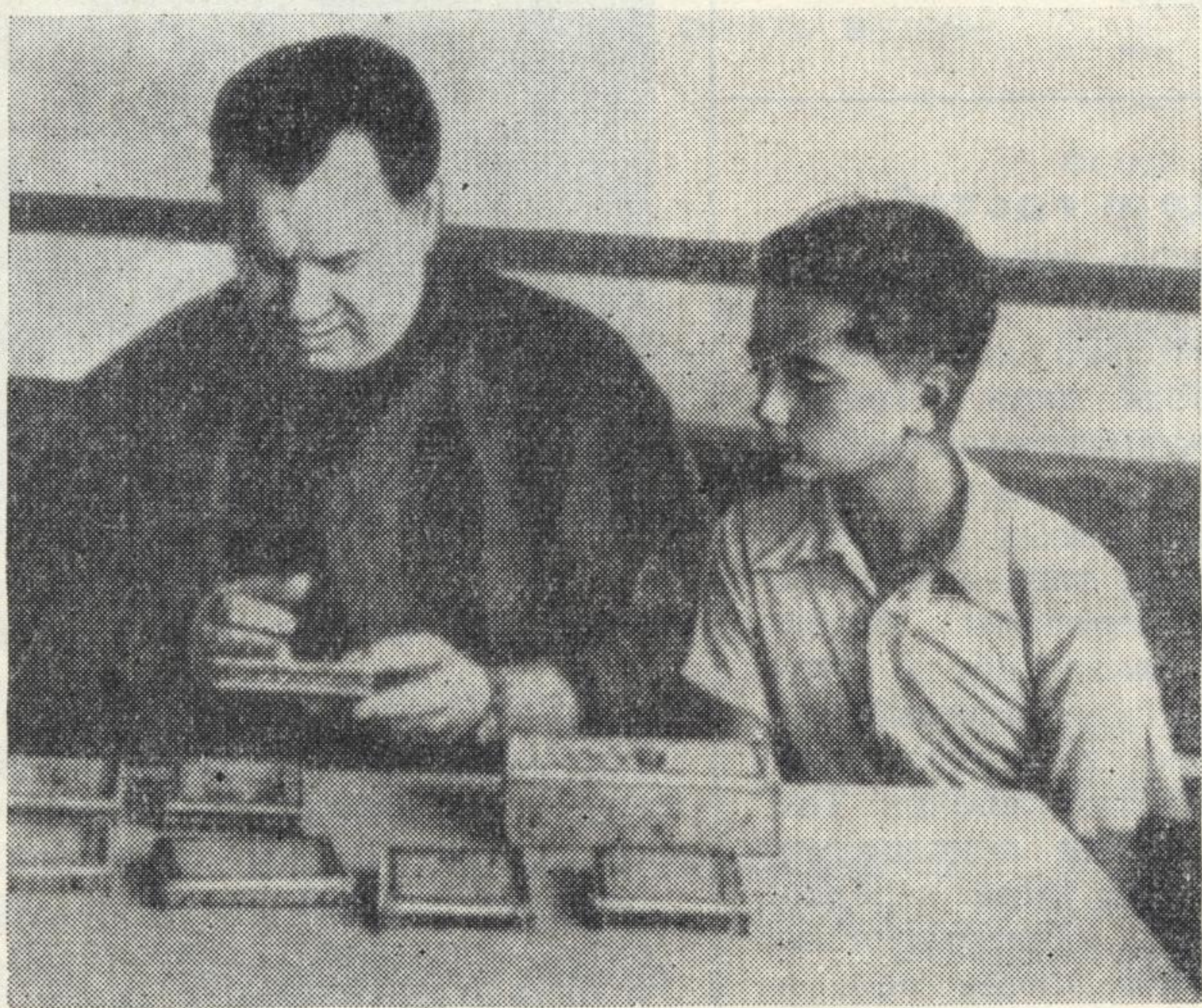
Наконец, кольцо погони замкнулось.

— Выхода нет, Гриня! Сдавайся! Бросай пистолет.

Ответа не последовало. Зажечь огонь было опасно: бандит немедленно выстрелил бы на свет и вряд ли бы промахнулся.

Тогда спустили собак. Они рванулись вперед и вдруг глухо завывали. Рискуя нарваться на пулю, чекисты бросились за собаками. Грицай включил фонарь. В катакомбе никого не было. Никого!

Не мог же бандит провалиться сквозь землю. И Гри-

Тимофей Григорьевич Грицай передает юным краоведам экспонаты для школьного музея.

цай стал обшаривать каждый метр. Ага! Вот в стене свежий завал. Чекисты сапогами разбросали землю. Так и есть — лаз! Гриня уполз сюда.

Грицай ввинтился в щель. Мягкая влажная глина поддалась. Расталкивая какие-то гладкие камни, чекист пополз. Метров через пять он вышел в широкий коридор. Этот ход он знал, он выводил на берег, к маленькой заброшенной бухте.

На этот раз Гриня выиграл, ушел.

Грицай вернулся к своему отряду и пошла день за днем обычная чекистская работа. Но он не забыл про странные гладкие камни, что мешали ему ползти за Гриней. Стоило тогда шевельнуть рукой среди глины, и он наткнулся на какой-нибудь из этих камней.

Грицай захватил несколько штук с собой. На поверхности посмотрел внимательно.

Обратился в университет, к ученым. Те ахнули. Редчайшая палеонтологическая находка — кости доисторических животных под Одессой! Так было сделано первое открытие в одесском палеонтологическом заповеднике.

Много лет прошло с тех пор. Давно поймали бандита Гриню и иных бандитов.

А Грицай все глубже вникал в науку — палеонтологию. И хотя многие неотложные дела отвлекали его, но стал он на-

Эта катакомба выходит к морю. Отсюда моряки Черноморского Флота корректировали огонь наших батарей по фашистам в 1941 году. Теперь каждый камень катакомбы осматривается и изучается

стоящим ученым, специалистом своего дела.

И недаром на многих экспонатах музея значится латин-

скими буквами «gricaius», что значит — названо в честь ученого Тимофея Григорьевича Грицай.

Свободная территория Одессы

Семьдесят три дня продолжалась оборона Одессы. Одесский гарнизон оказывал фашистам яростное сопротивление. Более 200 тысяч солдат, лучшие фашистские части увязли под Одессой.

Но было принято решение сдать город. И одновременно решено — продолжать борьбу. Еще во время обороны были

сформированы и вооружены партизанские отряды.

Под Одессой нет ни лесов, ни гор, где партизаны могли бы укрыться. Зато есть катакомбы!

Шестнадцатого октября сорок первого года в город вошли немцы, и в тот же день началась жестокая партизанская война.

Немцы поняли — пока они не выбьют партизан из катакомб, они будут жить, словно бы на действующем вулкане.

В селе Нерубайское возле Одессы сплетаются в узел и выходят на поверхность коридоры многих катакомб.

Сюда фашисты и решили нанести главный удар.

Сначала фашисты пытались

штурмовать катакомбы. Но с огромными жертвами сумели продвинуться только на триста метров.

А в катакомбах тем временем шла своя жизнь. Там работала настоящая школа, с расписанием занятий и контрольными заданиями. Регулярно проходили партийные собрания. На стрельбищах партизанские снайперы поражали цели, чтобы потом, в бою, разить врага наверняка.

После неудачного штурма немцы решили применить газы.

Бомбы с отравляющими веществами были заброшены под землю. И тут же фашисты предъявили партизанам ультиматум о сдаче.

В эту тяжелую минуту радио Центрального Штаба партизанского движения из Москвы передало партизанам радиogramму: «Не опасайтесь газа, он не пройдет в катакомбы, давление воздуха в катакомбах вытеснит его».

Кстати, автором этой радиogramмы был Тимофей Григорьевич Грицай, работавший в Центральном Штабе.

В ответ на ультиматум партизаны выбросили немцам фанерный лист, на котором был жирно нарисован кукиш.

Осада катакомб проводилась немцами все тщательнее. Почти все выходы были обнаружены и перекрыты. Колодцы, через которые нерубайские катакомбы снабжались продовольствием, немцы взорвали и все-таки у каждого выставили часовых. В заблокированные выходы пускали гарь сожженного бензина, мощные прожектора день и ночь светили вглубь, чтобы предотвратить внезапную партизанскую вылазку.

С каждым днем положение партизан на этом участке становилось все более тяжелым. Но в отряде был замечательный проводник, старик семидесяти лет, Иван Горкушенко. Катакомбы он знал как свои пять пальцев.

Горкушенко ежедневно уходил на разведку в дальние необитаемые подземелья и много дней подряд возвращался ни с чем. И с каждым днем все меньше становилось у партизан еды, воздуха, энергии в аккумуляторах.

И все-таки Горкушенко нашел лаз, правда, давно заброшенный, заваленный, неизвестно куда ведущий. Три недели раскапывали его партизаны. Раскопали, и отряд вышел в неизвестную катакомбу.

Вдруг за новым поворотом правофланговый поглядел вперед и чуть не выронил из рук фонарь от удивления.

На камне, освещенный бледным электрическим лучом, сидел... пушистый кот. Партизаны меньше удивились бы, встретив привидение. Откуда взялся кот? А кот, недолго думая, спрыгнул с камня и скрылся в темноте. Значит, впереди люди. Кто они? Двигаться дальше рискованно. Отряд отошел назад.

А над камнем, где сидел мурлыка, куском ракушечника написали — «КОТ».

На другой день партизаны подошли к этому месту. И увидели надпись рядом со своей. На стене было выведено по-русски: «КТО ВЫ?»

Так встретились два партизанских отряда. Отряды соединились, вышли из катакомб в селе Большой Куяльник и внезапно напали на немцев.

Это только один эпизод из жизни одного отряда. Но, складываясь из таких событий, шла день за днем партизанская война. И так до тех пор, пока солнечным апрельским днем сорок четвертого года Одесса снова стала советской.

Своды вокруг то сжимаются до размеров лаза, где надо пробираться на коленях, то вдруг раздвигаются в просторные залы.

Чем глубже под землю, тем сильнее тишина. Все-таки, если очень прислушаться, можно различить не то шорох, не то приглушенный звук капель — но тишина от этого еще гуще, еще основательнее.

Сырая прохлада — постоянный климат катакомб, все равно, припекает ли наверху солнце или гудит морозный ветер.

Стоит побыть в катакомбах час, и тебя охватывает чувство полной отрешенности, трудно себе представить, что где-то рядом бурлят городские улицы.

Каково же чувствовали себя люди, неделями и месяцами не выходявшие из катакомб? А катакомбы полны свидетельств — такие люди были!

Тут, в катакомбах, в свое время хранилось оружие, печатались революционные листовки, газеты, набивались динамитом самодельные бомбы.

Брат Ленина Дмитрий Ильич Ульянов принимал участие в подземных сходках одесских пролетариев.

Жанна Лябурб печатала в катакомбах воззвания к матросам французской эскадры, восставшим на одесском рейде.

Пошарь лучом фонаря в темноте — и откроются таинственные надписи на стенах, вырубленные ниши, искусственные завалы, доски, мотки колючей проволоки.

А если внимательно искать, тогда отыщутся и полусгнившие тюки контрабандистов, ржавое оружие, листовки, каски, бескозырки.

Многое помнят катакомбы!

«ВНИМАНИЕ! В АЭРО-
ПОРТ ПРИБЫВАЕТ САМО-
ЛЕТ ТУ-114, РЕЙС 388 ПА-
РИЖ—ЛЕНИНГРАД. ПОВ-
ТОРЯЮ...»

Едва замолкли моторы мо-
гучего пассажирского лайнера
и высокий трап утвердился воз-
ле открытой двери, на пло-
щадку ступила нога. Обутая в
желтый ботинок и кожаные
гетры, она пробовала крепость
подъехавшей лестницы. Сле-
дом за ней появилась длинная
подзорная труба, а затем и
сам хозяин, так похожий на
длинный гвоздь с широкой
шляпкой.

— Жак-Элиасен-Франсуа-
Мари Паганель, секретарь Па-
рижского географического об-
щества, член корреспондент...
приветствует вас! — Почтенный
ученый сделал широкий привет-
ливый жест, доказывая, что ни-
чуть не изменился за прошед-
шие сто лет¹.

— Однако, j'en ai assez! —
добавил географ, спрыгивая
на землю аэродрома. Мы, ко-
нечно, заинтересовались, что
вызвало недовольство нашего
гостя. Не было ли путеше-
ствие утомительным? Наш во-
прос вызвал целую бурю него-
дования.

— Путешествие?.. Вы осме-

ливааетесь называть эту кро-
шечную поездочку благород-
ным словом? Можно ли на-
зывать путешественником чело-
века, который утром пьет кофе
у себя дома в Париже, затем
проводит два часа в гудящем
и трясущемся ящике и, не ус-
пев проголодаться, получает
приглашение отобедать в Ле-
нинграде, за шестьсот лье² от
места завтрака. Нет, друзья
мои, авиация — враг путешест-
вий! Хотя и очень удобна как
вид транспорта.

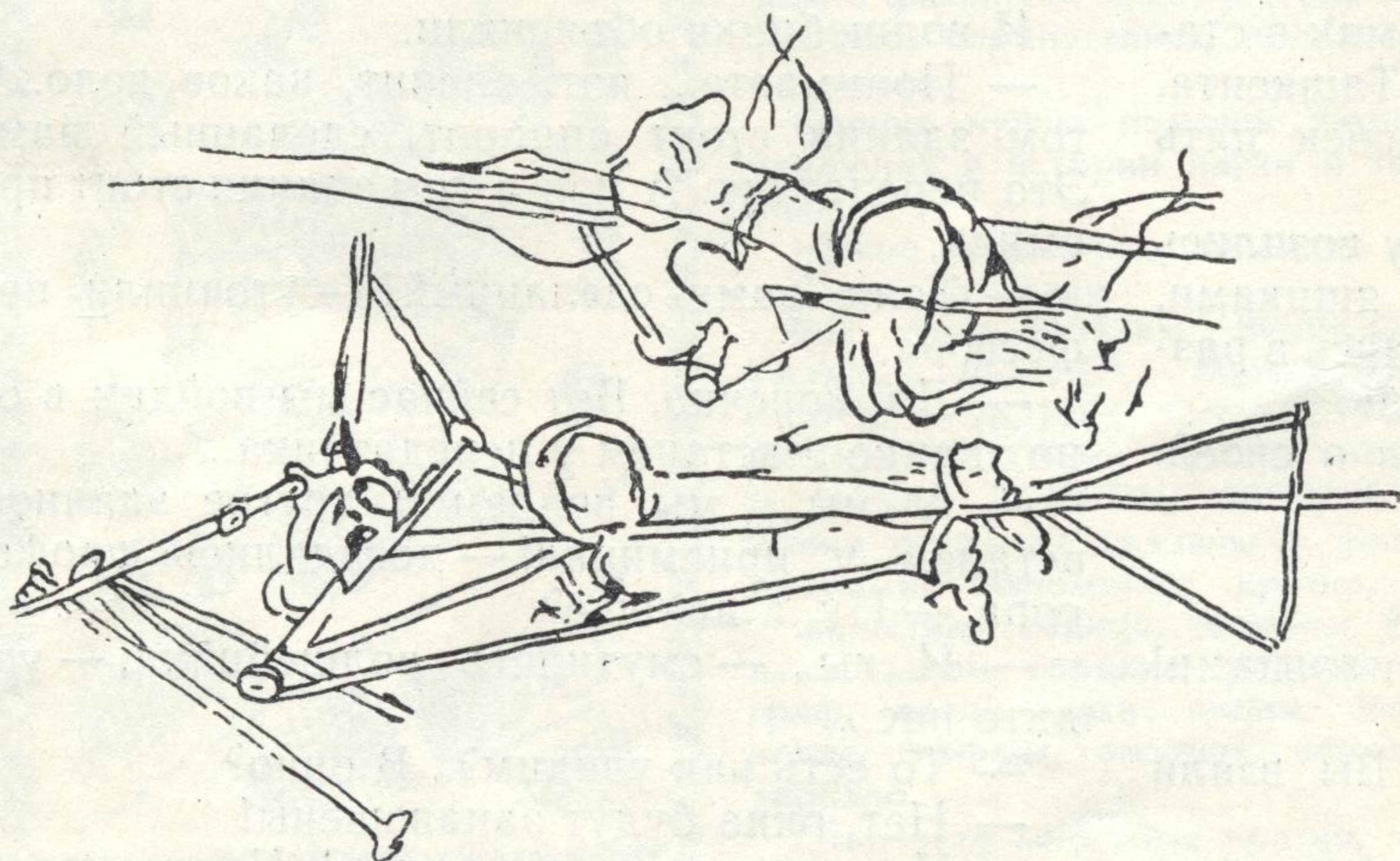
И мы все подумали, как из-
менились наши взгляды и тре-
бования к самолетам за корот-
кий срок их существования.
ЛЕТАТЬ КАК ПТИЦА — веч-
ная мечта человечества. Меч-
тал еще великий Леонардо да
Винчи, прозванный «прадедуш-

кой авиации». Мускулолет,
чертежи и наброски которого
он нам оставил, до сих пор
ждет своего воплощения.

— А ведь знаете, друзья,
когда я вернулся из кругосвет-
ного плавания с лордом Гле-
нарваном, меня познакомили с
одним отважным немцем — От-
то Лилиенталем. Это был пер-
вый человек на Земле, кото-
рый сумел не только полететь,
но и управлять своим полетом.
Правда, наше знакомство бы-
ло кратким. Девятого августа
1896 года его планер потерпел
жестокую аварию. Лилиенталь
разбился.

Шесть лет спустя, находясь
в пустынной местности на аме-
риканском берегу Атлантиче-
ского океана, местные жители
называли ее Китти-Хоук, я стал
свидетелем первых взлетов уже
не планера, а самолета, снаб-
женного бензиновым мотором.

При этих испытаниях при-
сутствовало всего шесть чело-
век. Двое рабочих соседней

Чертеж Леонардо да Винчи

¹ Известно, что первая встреча уважаемого Ж. Э. Ф. М. Паганеля с читателями произошла в период с 1866 по 1868 год, когда в Парижском «ЖУРНАЛЕ ВОСПИТАНИЯ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ» печатался роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

² Несмотря на пользование современным видом транспорта, почтенный географ пользуется старинными французскими путевыми мерами. Однако для тех, кто знает, что почтовое лье равно 3898,08 метра, не составит труда определить расстояние Париж — Ленинград по воздуху.

спасательной станции помогали изобретателям. Трое зевак пришли просто потому, что в тот исторический момент им абсолютно нечего было делать. Последним был ваш покорный слуга.

Четырежды взлетал в этот день самолет Райтов. Я, кажется, забыл сказать, что изобретателями и испытателями летательного аппарата были два брата-американца Орвиль и Уильбур Райты. К сожалению, налетевший с океана шквал, после четвертого полета, продолжавшегося целых 59 секунд, разбил аэроплан. Но полет, друзья мои, полет состоялся...

С тех пор прошло шестьдесят пять лет. Усилия всех изобретателей были направлены на то, чтобы летать ВЫШЕ...

И вот современные самолеты летают, как правило, на высотах более 12 000 метров. Это выдержка из современной книги по авиации. Конструкторы стремились летать БЫСТРЕЕ. И вот рекорд скорости на обыкновенном военном истребителе перевалил за три тысячи километров в час. А космические ракеты уходят в пространство, набирая вторую космическую скорость...

ВЫШЕ! БЫСТРЕЕ! ДАЛЬШЕ! — Что ж, современные самолеты отвечают требованиям человека. Но научились ли мы летать как птицы?.. Также свободно, уверенно, также естественно и просто?..

Подошла наша очередь, и мы открыли дверцу такси перед Паганелем. Но не тут-то было.

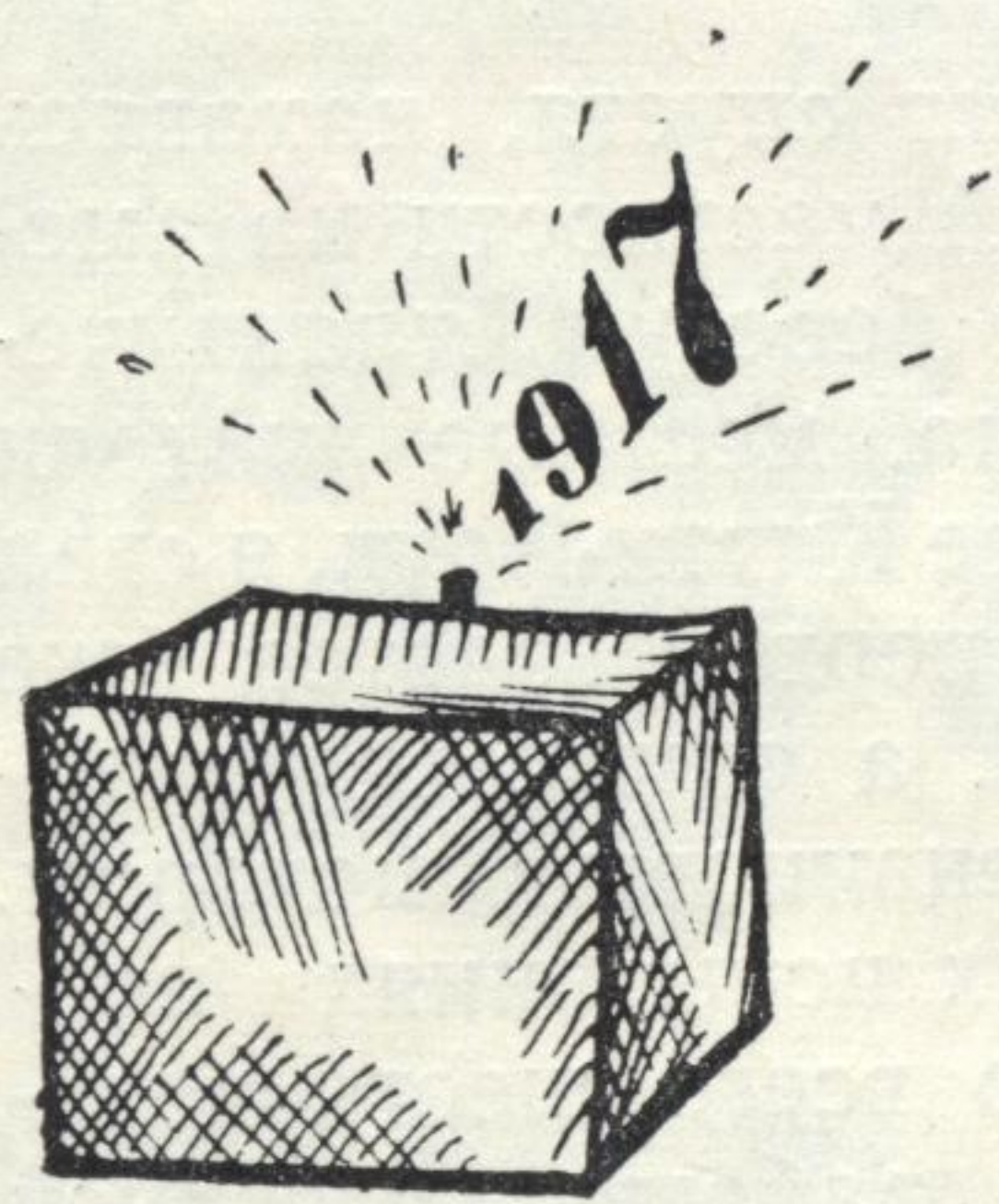
— Что? Опять ехать? Опять закрытый ящик без ветра и солнца, опять искусственная атмосфера горячего воздуха от мотора, в котором я ничего не понимаю?.. — закипятился француз. — Нет, нет, увольте. Я уже имел честь доложить, что меня достаточно — j'en ai assez! Пешком, только пешком! Чтобы видеть вокруг себя все, чувствовать и слышать жизнь!

И, закинув за спину подозрительную трубу, географ зашагал по дороге к городу, страшно довольный тем, что шагает по шоссе, точно-точно проложенному по знаменитому ПУЛКОВСКОМУ МЕРИДИАНУ.

Поспешили и мы в клуб, где нас ждало следующее очередное заседание под председательством Ж. Э. Ф. М. Паганеля.

Сегодня в гостях у нас писатель Арро и его друг Константин Константинович Сливицкий, один из первых советских радиоинженеров.

Константин Константинович приедет на заседание Клуба из столицы Узбекистана Ташкента. И пока его ждут, Владимир Арро познакомит читателей с ним заочно.

...Этот старик похож на доктора Айболита. Но он волшебник. Он из той группы волшебников, которые зимой 1928 года приходили в маленький домик в старой части Ташкента. Их было человек пять или шесть.

Они подолгу возились с какими-то ящиками, лампами и проводами. Потом забирались в разных комнатах. Один из них говорил:

— Мы сидим в своей комнате, вы в своей. Что я сейчас делаю, видите?

— Нет...

— А сейчас?

— Видим, видим! Вы шевелите пальцами!

— А сейчас?..

— Что-то яркое, расплывчатое... Вы взяли в руки свечу!

Это было невероятным! Волшебники зашумели. Дольше скрываться было нельзя.

И вот они явились в Правительство Узбекской республики и все рассказали. Была назначена комиссия из профессоров.

— Посмотрим, посмотрим, — сказали профессора, — что вы тут придумали. Значит, объясните, что к чему.

И волшебники объясняли.

— Понимаете... вот, значит, какое дело... в том здании стоит аппарат, сделанный нами. Это передатчик. А вон в том здании стоит приемник.

— Тоже вами сделанный? — уточнили профессора.

— Да, конечно. Вот сейчас мы войдем в одно здание и встанем у передатчика...

— А мы... мы войдем в другое здание и встанем у приемника! — догадались профессора. — Ну, а дальше?

— И вы... — смутились волшебники, — увидите нас...

— То есть как увидим?.. В окно?

— Нет, окна будут занавешены!

— Но позвольте, позвольте! Не хотите ли вы сказать, что мы увидим вас сквозь стены?

— Вот именно, извините... На экране приемника.

— Хм!.. — Профессора озадаченно переглянулись. — И как все это у вас называется?

— Сложно. Катодно-электронный радиотелефот.

Да, именно так назывался тогда аппарат, который мы теперь называем коротко: телевизор.

Если бы меня раньше спросили, где родина телевизора, я бы ответил:

— Москва! Париж! Нью-Йорк! Чикаго! Рио-де-Жанейро!

Но вот недавно люди развернули газеты и прочли:

«За изобретение аппарата электронно-лучевого способа передачи изображения на расстояние, а также испытание этого аппарата в столице Узбекистана Ташкенте присвоить звание «заслуженный изобретатель» Узбекской ССР Белянскому Ивану Филипповичу и Грабовскому Борису Павловичу».

И теперь-то я точно знаю — Ташкент!

А вот письмо, адресованное всем остальным волшебникам того далекого 1928 года.

«Для меня и для вас совершенно очевидно, что мои труды неразрывно связаны с вашими трудами, так как если бы не ваша техниче-

ская и творческая помощь, я не добился бы этих успехов. Крепко обнимаю и жму руки. Ваш друг Борис Грабовский».

— Очень был интересный человек Борис Павлович, жил последние годы во Фрунзе!..

Это подходит к столу заседаний Константин Константинович Сливицкий. Он только что вошел и слышал последние слова.

— Кстати, а Иван Филиппович живет в Ленинграде, тоже очень любопытный человек!

— Нет, нет! — говорит председательствующий. — Сегодня самый интересный человек для нашего клуба — это вы, Константин Константинович.

Расскажите нам, пожалуйста, с себе.

— Ну что ж, — говорит Сливицкий, — моя биография начинается как раз накануне 1917 года.

...В самой южной крепости Российской Империи — Кушка — служил офицер. Подчиненные называли его — господин полковник, друзья — Константин Иванович, а девятилетний мальчик, который постоянно терся возле него — отцом. Этим мальчиком, как вы догадываетесь, был я.

Кушка — место тревожное. С юга — Афганистан, с севера — родина отрезана горными хребтами. Если тревога — снаряжай нарочного, жди, пока доберется он до столицы через перевалы, через пустыню, через степи, через леса.

Мой отец, полковник Сливицкий, своими руками построил в Кушке искровой телеграф. Это было новшеством в русской армии. И вот однажды, в пощелкивании аппарата мы услышали: «К гражданам России! Временное

Внимание! Ко всем членам Клуба обращается Жак Паганель:

«Дорогие коллеги, прошу вас помочь привести в порядок список открытий и изобретений, сделанных в разное время выдающимися людьми нашей планеты.

Должен признаться, что я встречал немало рассеянных людей. Да, среди нас немало рассеянных... И вот результат — карточки в картотеке открытий, поставленных рядом с фамилией изобретателя или ученого, перепутались, попали не на место.

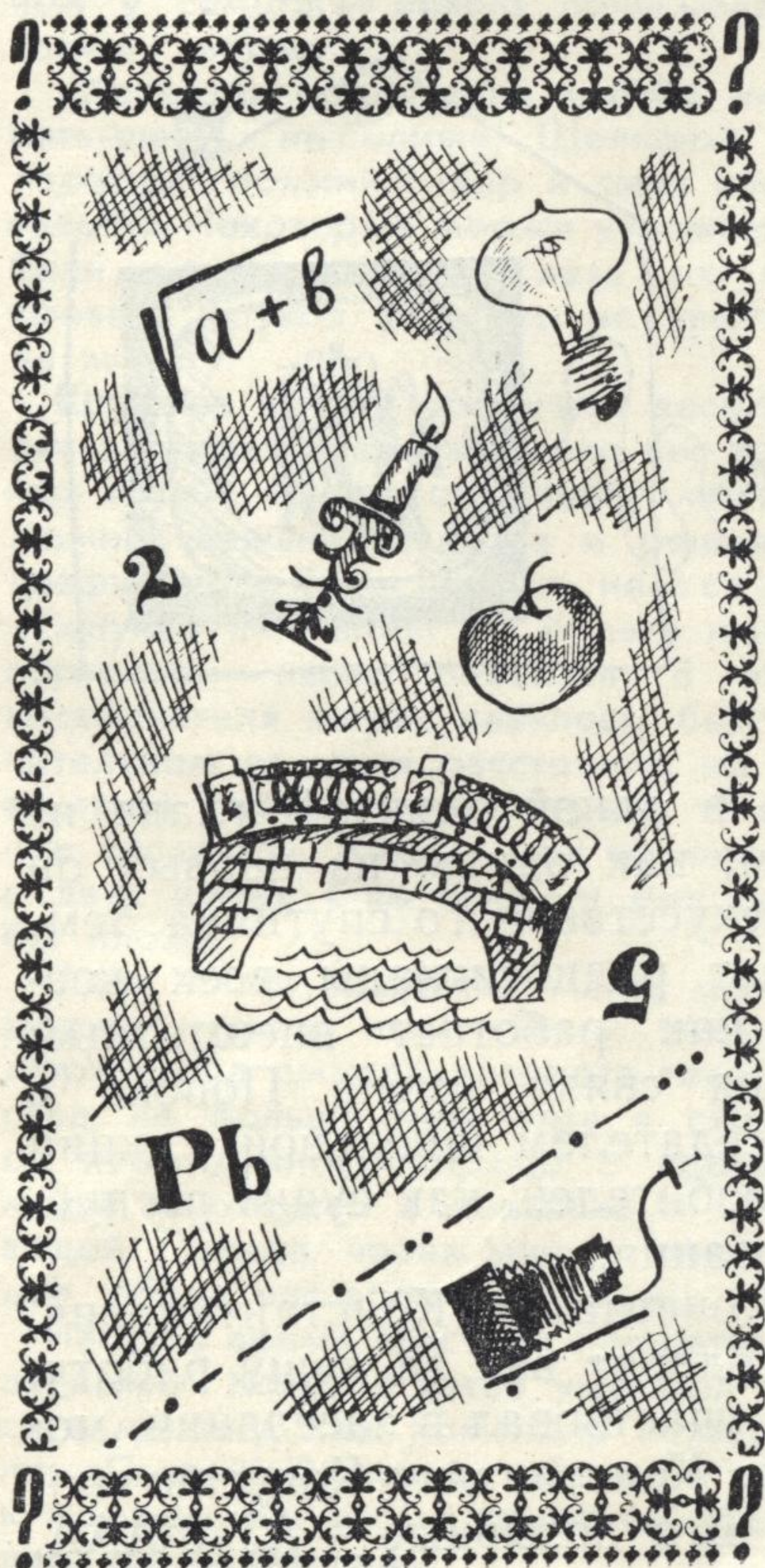
Срочно нужна помощь людей, сведущих в истории науки и техники.

Нужно «вернуть» ученым их заслуженную славу.

Вот они — БУНЗЕН, ВИЛЬСОН, ГАУСС, ДОПЛЕР, МЕНДЕЛЕЕВ, МОРЗЕ, НЬЮТОН, ОМ, ПЕТРОВ, ПОПОВ, УИТСТОН, ФРАУНГОФЕР, ФРЕНЕЛЬ, ЭДИСОН, ЯБЛОЧКОВ. Какие открытия связаны с этими именами? Напоминаю кратко:

...Мостик, таблица, теорема, яблоко, закон, горелка, радиотелеграф, свеча, дуга, линии, лампочка, эффект, аппарат, камера, зеркало.

Отвечайте мне тоже кратко, например: «Зеркала Френеля». Жду сообщений!»

правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов...»

К тому времени начальник штаба полковник Сливицкий имел еще одну должность — председатель Совета солдатских депутатов горниона Кушки.

— Товарищи, — сказал он на чрезвычайном заседании. — В России революция! Власть перешла к Советам! Что передать в революционный Петроград?

— Мы с революцией! Мы с Лениным! — услышал он в ответ.

И затрещал тревожно и радостно искровой телеграфный аппарат: точка-тире-точка...

Но вскоре белогвардейцы и англичане блокировали Кушку. Отцу вместе с семьей пришлось уйти в Афганистан.

В это время в Кабуле было напряженное положение. Афганцы под влиянием Октябрьской революции начали борьбу за освобождение: англичане упорно на протяжении ста лет стремились подчинить Афганистан своему господству.

Русский офицер стал помогать патриотам.

Англичане и не подозревали, что в темной, феодальной стране кто-то может знать азбуку Морзе. Все свои секретные донесения они передавали по телеграфу без шифровки.

А в это время в штабе афганской армии сидели двое русских — отец и я, и расшифровывали английские секреты. Мы и афганцев учили читать азбуку Морзе.

Летом 1921 года наша семья с составом советской дипломатической миссии вернулась на родину.

Я стал учиться на инженера связи. Вот и все.

— Видите, — говорит Владимир Арро, — вряд ли вы думали, что жизнь связиста может быть полна приключений, романтики, опасностей, героизма. И я не думал. Но когда познакомился с Константином Константиновичем, понял, что о его работе можно написать большую и увлекательную повесть.

— Ну, уж и повесть... — смущается Константин Константинович.

— Да, да, повесть!

Первую главу я назвал бы: «У Кушки ушки на макушке». О чем она, уже понятно.

Главу вторую: «Басмачи, сдавайтесь!» — о том, как Константин Константинович сконструировал и изготовил коротковолновые передатчики и приемники. С их помощью армия Буденного агитировала басмачей.

Глава третья могла бы называться: «Волшебники из Ташкента». О чем она, я уже говорил.

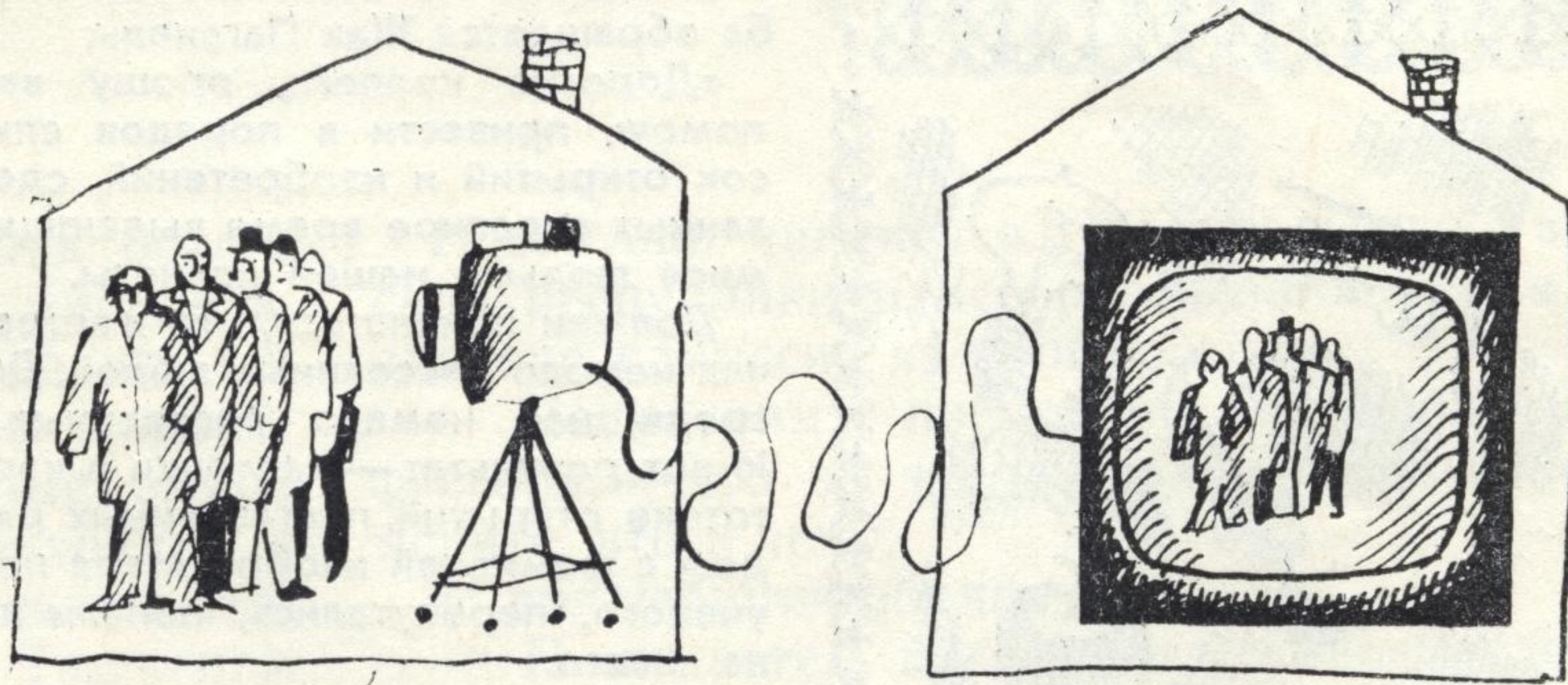
Глава четвертая — «С волною накоротке». Константин Константинович назначается начальником радиостанции в Кушке. Он закрывает старую, искровую, которую построил отец, и оборудует новую — коротковолновую радиостанцию.

К шестой главе никак не придумать названия. Радиоинженер Сливицкий выполняет опасную и сложную работу в одном из капиталистических государств.

Седьмая глава — «Нескончаемая командировка». О длительной поездке по Киргизии, о строительстве там девяти радиостанций.

Восьмая — о создании Ташкентского отделения Телеграфного агентства Советского Союза — ТАСС.

— Да, — говорит К. К. Сливицкий, — приключений и в самом деле было много. Сейчас я на пенсии, но работы своей не бросаю...

— И, пожалуй, в одной девятой главе не расскажешь о том, как одним из первых он принял сигналы искусственного спутника Земли, как записывает радиосигналы всех космических ракет, как работает внештатным сотрудником музея связи имени Попова в Ленинграде, председателем школьной секции федерации радиолюбителей, как судит республиканские соревнования...

Спасибо вам, Константин Константинович, члены Клуба благодарят вас за вашу работу. А те, кто лично не участвовал в заседании, могут передать привет Константину Константиновичу через эфир. Его позывные — АУ-8-ААА.

В ГОСТЯХ У МОРЖЕЙ

Весной наш отряд проводил исследования в море Лаптевых. С базы, на берегу, мы ежедневно вылетали на самолете АН-2 на дрейфующие льды.

Однажды самолет пролетел низко-низко над самым лежбищем моржей. Мороз был всего 25 градусов, и моржи вылезли на лед греться. Лишь некоторые животные подняли голову, когда самолет снизился, остальные мирно дремали.

Командир самолета, опытный полярный летчик Эдуард Каминский, не останавливая самолета, приказывает узнать толщину льда. Штурман и я, закутавшись поплотнее в шубы, с мотобуром в руках на ходу выскакиваем из машины. Отбегаем в сторону и бурим лед: выдержит тяжесть самолета. Винт перестает вращаться, самолет останавливается, все высыпают на площадку...

Я много лет работаю в Арктике, но впервые увидел живых моржей так близко. Когда мы из-за ледяных торосов вышли к полынье, — все лежбище пришло в движение. Самцы — секачи, как их называют, оттеснили детенышей и самок к другому берегу разводья и, загородив собой стадо, «заняли оборону». Но врагов перед ними не было — были лишь неожиданные гости.

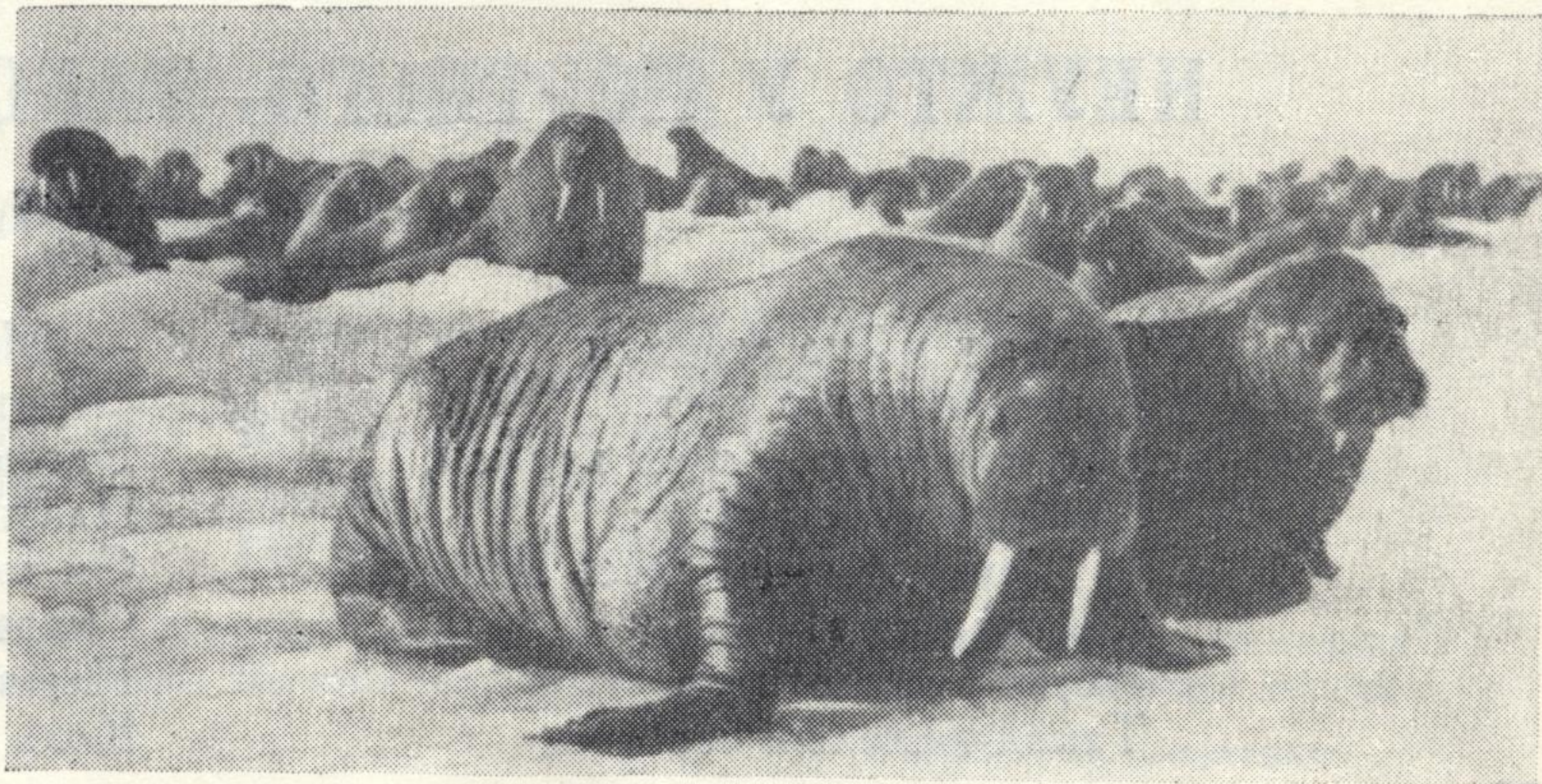
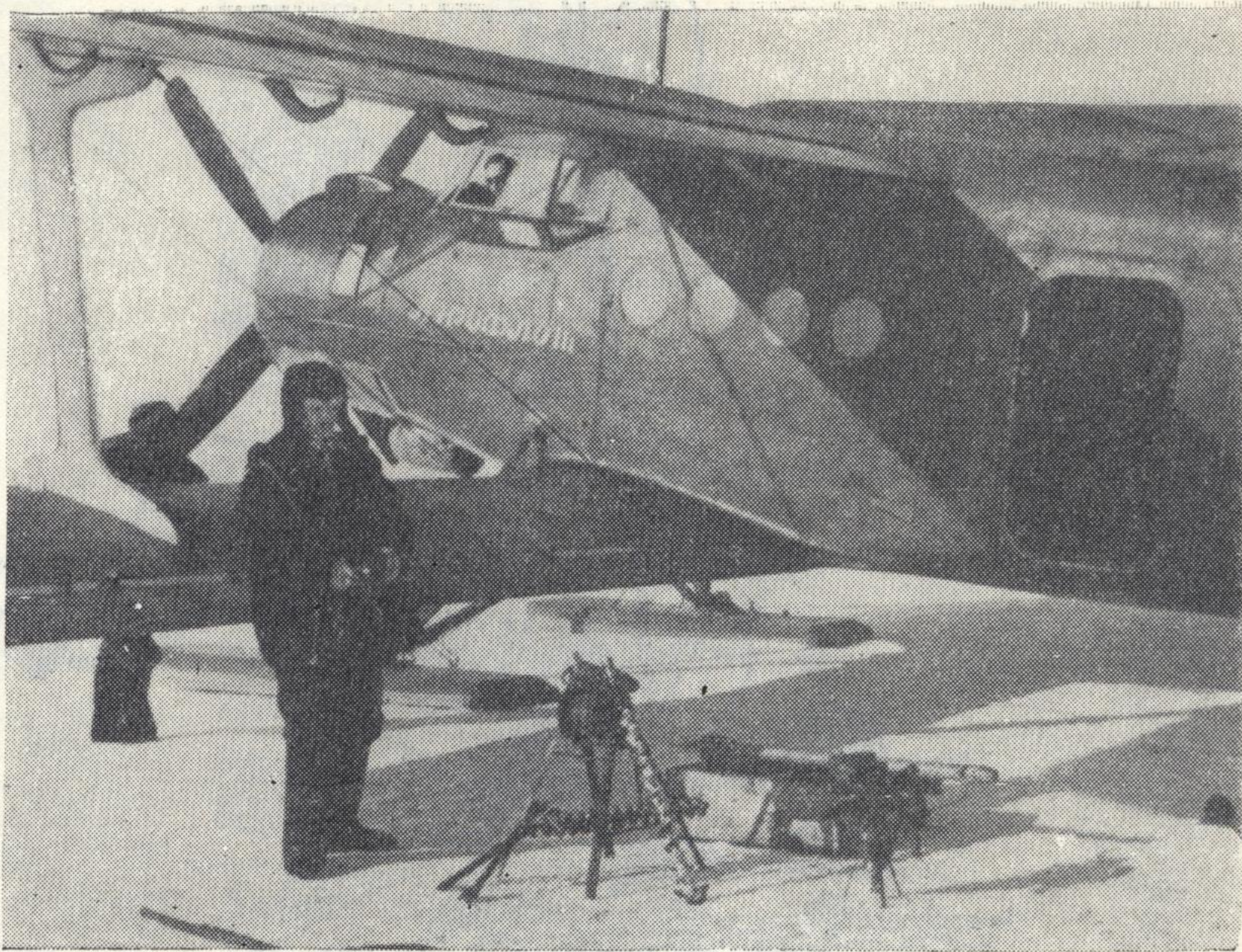
Защелкали фотоаппараты. Вот моржиха, очнувшись от сладкого сна, своими клычками — а у самок клыки меньше и изящней, чем у самцов — нежно почесывает спину своему моржу.

«Хозяева» подпускали к себе метров на пять-шесть, не ближе. Щелканье фотоаппаратов, громкий говор и смех настораживали их. Некоторые моржи угрожающе дробили клыками лед; глаза их налились кровью. Глухое рычание не умолкало ни на минуту.

Крупные моржи достигают веса двух тысяч килограммов, а ведь это вес трех крупных лосей. Такого огромного моржа, возможно, вожака стада, я и решил сфотографировать. Встав против него со словами: «Секунду внимания! Вы будете иметь свой портрет!» — навел объектив. В окошечке видоискателя морж, казалось, был на значительном от меня расстоянии, но когда я взглянул вверх фотоаппарата, то едва успел отскочить. Морж полз на меня и был в двух шагах. Еще миг — и мне пришлось бы плохо!

Один пилот, выручая меня, швырнул в моржа куском льда. Такой обстрел для моржа, под шкурой которого толстый слой сала, не больше чем игра в снежки. Но от неожиданности прямо с кромки льда морж плюхнулся в полынью и исчез под водой. Правда, через минуту опять вынырнул, обдав нас водяной пылью...

Настало время «гостям» прощаться с «хозяевами». Когда я готов уже был забраться в машину, наш командир остановил меня: «Постой! Пожалуй, тебе надо вернуться к моржам. Ты забыл спросить, куда высылать фотокарточки».

НЕУЖТО У ПОРТНОГО ТАКОЙ ТЯЖЕЛЫЙ ВЕС

Густав Фальке
(1853 — 1916)

Сидит у моста великан
И пошлину взимает.
А у портного — пуст карман,
Портняжка отвечает:
— Там пошлина, здесь пошлина —
Сойдет и без!
Неужто у портного
Такой тяжелый вес!

— Мне начихать на вес и рост, —
Ответил сторож важный, —
Здесь пошлину за вход на мост
Платить обязан каждый. —
Он мост спиной загородил,
Сказав: — Ну, что ж!
Плыви себе по речке,
Коль денег не найдешь!

Глядь — по реке плывёт листок.
— Ура! — кричит портняжка, —
Мне легче переплыть поток,
Ругаться с вами тяжко.
Там пошлина, здесь пошлина —
Сойдет и без!
Неужто у портного
Такой тяжелый вес!

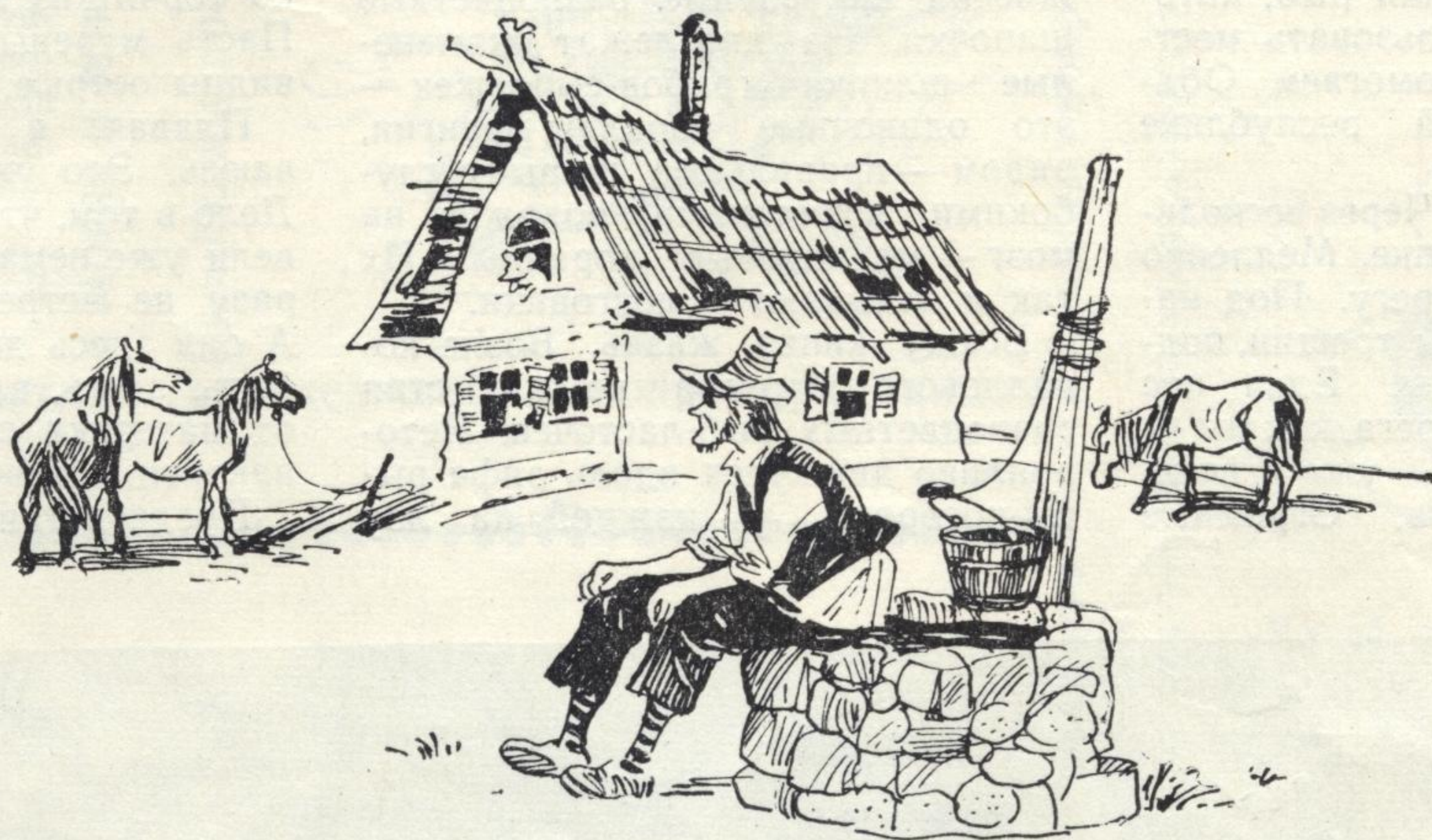
Прыжок! — я сроду не видал
Таких прыжков, признаться:
Кузнечик, если б пожелал,
И то б не смог тягаться.
Листок в воде качнулся лишь,
Когда портной
Едва-едва на край листа
Ступил ногой.

Смельчак, конечно, очень рад,
Гребет аршином ловко.
Отважный маленький фрегат
Вперед стремится робко.
Там пошлина, здесь пошлина —
Сойдет и без!
Неужто у портного
Такой тяжелый вес!

Свирепо с моста своего
Вниз великан взирает
И видит: пошлина его
По волнам удирает!
Скрипит зубами великан:
— Велик урон!
Какой портняжка дерзкий —
Еще смеется он!

Булыжник великан берет —
Портному вслед бросает.
То недолет, то перелет!
Портной плывет, вздыхает:
— О, боже мой! О, боже мой!
О, боже мой!
Когда б в меня попал он,
Я был бы под водой!

Меж тем кораблик на песок
Шутя выносит речка.
— Прощайте! — слышен голосок
Лихого человечка, —
Там пошлина, здесь пошлина —
Сойдет и без!
Неужто у портного
Такой тяжелый вес!

ЖАЛОБА КРЕСТЬЯНИНА

из немецкой народной поэзии

Друзья, живу я кисло:
Не вижу в жизни смысла.
Держу я трех горбатых кляч,
И с ними мучаюсь, хоть плачь:
Одна слепа, одна беззуба,

С другою — дашь в работе дуба.
Мой дом давно уже без крыши.
В окно выглядывают мыши:
Я раб, а мыши — господа...
Не жить мне сносно никогда!

Скоро в издательстве «Детская литература» выйдет сборник стихов немецких поэтов в переводах Ю. Коринца. На этих страницах мы знакомим вас с будущей книгой.

Рисунки К. Савкевич

ТРЕНЕРЫ ПЯТИЛЕТНИХ ЧЕМПИОНОВ

Тренер взял минуту. Баскетболисты уныло выслушивают замечания. Разница в три очка за минуту до конца встречи — это очень серьезно. Свисток. Короткая борьба за мяч возле щита. Игра остановлена. Бросок. Одно очко отыграно. Второй бросок. Мяч отскакивает от щита. Реальная возможность сравнять счет. Мяч снова над кольцом. Мимо. Судья, который на две головы выше самого высокого из баскетболистов, забирает мяч. Встреча окончена.

Обычная баскетбольная встреча. Не совсем обычные только зрители: мишки и другие плюшевые, резиновые и пластмассовые звери.

Усталые баскетболисты строят город из кубиков. Давайте посмотримся. Мы находимся в детском саду, в зале, где только что окончилась встреча между командами старшей и подготовительной группы. И если заглянуть в соседнюю комнату, то можно увидеть капитана команды-победительницы. Правда, он уже не капитан, а пожарная машина, которая, гудя, несется по улицам города, но ведь капитан старшей группы тоже уже не капитан, а подъемный кран. Самый высокий кран в городе.

— Самый высокий в команде, — говорит тренер-шестиклассник Арутюн Карапетян.

— В этом году я учусь во вторую смену, — говорит Арутюн, — поэтому утром я прихожу в детский сад и провожу с ребятами зарядку.

— А вот Ашот учится в первую, но все равно каждое утро он в детском саду.

— Что же, он пропускает уроки?

— Как же можно, ведь он уже в восьмом классе, — с уважением говорит первоклассница Шогик.

— Просто спортивный марш, под который ребята делают зарядку, написал Ашот Минасян.

— Мы все когда-то были в подготовительной группе, — говорит Шогик, — и Ашот, и Арутюн, и Геворк. И даже наш руководитель по физкультуре Ованес Галустович Аракелян.

— Сколько же лет вашему детскому саду?

— В этом году будет сорок.

— А Шогик была чемпионкой детского сада по прыжкам в высоту. Прыгнула на семьдесят сантиметров. Она сейчас с малышами занимается.

В спортзале продолжают занятия. Меланик Мкртчян учит ребят прыгать в длину с места.

Ученики Тамары Григорян «работают на бревне». Свою учительницу ребята помнят еще по детскому саду. Это тоже Тамара, когда она была еще в старшей группе.

В этом конце зала спортивная игра. И тренер Геворк Мелканян тоже «заслуженный». Участвует в соревнованиях с 1963 года.

Братья Карапетян — Арутюн и Геворк. Брат старше брата ровно в два раза.

Сегодня у маленьких спортсменов еще и теоретические занятия. Вместе со своими тренерами они отправляются смотреть настоящий баскетбол. Бывшие воспитанники детского сада, а ныне шестиклассницы, принимают команду спортивной школы города Ленинакана. Конечно, ребята болеют за своих. И свои выиграли. Правда, счет 44:42 огромен для маленьких болельщиков, но разница в два очка вполне понятна. Они сами сегодня выиграли с таким перевесом...

Мы рассказали вам о самых юных спортсменах и самых юных тренерах на земном шаре. И те и другие живут в армянском городе Ленинакане. По утрам спортсмены идут в детский сад № 1, а тренеры — в школу № 7.

А вы не хотите стать тренерами?

М. Еремин

Фото А. Мелканяна

Со столба кричит он: „Есть!
Вспыхнул свет в окошке!“
А на столб ему залезть
Помогли две кошки.

Е. Руженцев
Рисунок М. Беломлинского

8

АВГУСТ

Каждый день до вечера
То здесь, то там, то тут
Куют, куют кузнечики.
А что они куют?

Такие незаметные,
Не вдруг увидит глаз,
Наверно, радость летнюю
Куют они для нас.

Сергей Скаченков
Рисунок А. Кора

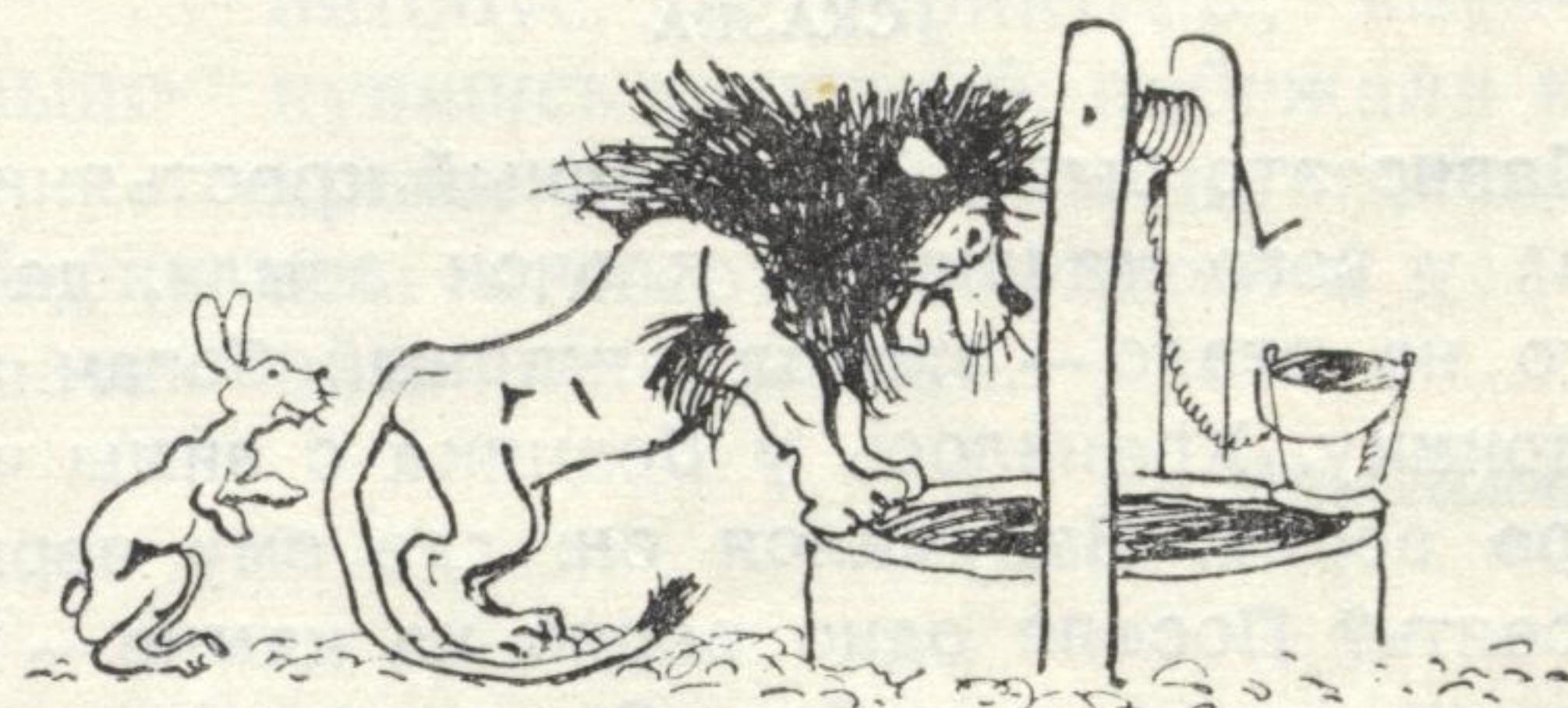
1

Как сделать «Уголёк», смотри в «Костре» № 7 за 1967 год.

**КОГДА ЗАЙЧИШКИ НЕ ПУГАЮТСЯ,
ВМЕСТО ОБЕДА ЛЬВЫ КУПАЮТСЯ**

— Еще в запасе время есть,
меня успеете вы съесть.
А не хотите ль побороться
с тем, кто живет на дне колодца?

— Расправлюсь я с тобой, мерзавец! —
лев зарычал, рассвирепев.

От смеха чуть не умер заяц:
ну и попался глупый лев!

А. Лосев
Рисунки Н. Муратова

4

5

ЛИСА И МЫШЬ

- Мышка-трусишка, ты небось и трэска боишься?
 — Ни крошечки не боюсь!
 — А страшного рева?
 — Ни капельки не боюсь!
 — А громкого топота?
 — И топота не боюсь!
 — А чего ж ты тогда боишься?
 — Да тихого шороха...

2

— Сыпьте, сыпьте все зерно, будет у меня хлеба больше всех!

Насыпали слуги на богача гору зерна. Не видать богача. Только слышат слуги голос из глубины слабый:

— А теперь идите и не трогайте меня, пока урожай на мне не созреет.

Оставили слуги богача под зерном в поле. Мочит зерна дождь, греет их солнце, а не дают зерна урожая. Лишь травой да бурьяном зарастают.

Пришла осень, разрыли слуги кучу прелого зерна, а там один прах лежит.

Борис Сергуненков
Рисунок А. Кора

7

БЕДНЯК И БОГАЧ

СКАЗКА

Давно это было. Жил бедный крестьянин. Был у него маленький клочок земли, да и того не стало — отобрал жадный богач за недоимку. Хранилось у бедняка с зимы четыре зерна. Задумался он: где ему зерна посеять? Посеял одно зерно на камне — не взошло зерно, погибло. Он другое в реку кинул — уплыло зерно в море. Подбросил третье в небо — подхватил зерно ветер и унес неизвестно куда. Осталось у бедняка последнее зернышко. Жалко бедняку, не пропадать же зерну! Посадил он зерно на своей ладони. Вырос у бедняка на ладони такой урожай, какого никто никогда не видывал.

Узнал богач об этом чуде. Приехал к бедняку убедиться, так ли все на самом деле. Заглянул в амбар, а он хлебом полон, пощупал крестьянскую ладонь — она целехонька!

Жадность обуяла богача, лег он посреди своего поля и приказывает своим слугам:

— Сыпьте, слуги, на меня зерно.

Сыпят слуги зерно на богача, да опасаются, как бы его не засыпать, а он их подбодряет:

ЛИСА И БОРОВИК

— Видишь, Лиса, какой нам почет от людей? Никто мимо нас, боровиков, не пройдет: каждый в ножки поклонится! А все потому, что мы грибы безупречные, насквозь беленькие да чистенькие.

— А за что же тогда вас, словно грешников, на сковородке поджаривают?

Н. Сладков
Рисунки Е. Захарова

3

АППЕТИТ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ИГРЫ

Вот уж повезло ребятам из вабкентской школы имени Чкалова: только записались они в спринтеры — под боком у них районный стадион построили! Занимайтесь спортом сколько хотите! В футбол желаете играть — пожалуйста!

Вабкент — селение в Бухарской области Узбекистана. Славится оно на всю Среднюю Азию своими юными бегунами. Три подружки — Зоя Файзи, Люда Мещерякова и Оля Баратова создали здесь ячейку школы «Спринт». Тридцать вабкентских пионеров стали круглый год заниматься легкой атлетикой.

Я побывал в Вабкенте в начале нынешнего лета.

— Тренируемся два раза в день — утром и вечером, — сказала капитан команды Люда Мещерякова. — Сейчас будет второе занятие: футбол и плавание.

Разделились на две команды — девочек и мальчиков. Я усомнился, что такое состязание девочкам под силу:

— Проиграете 10:0!

— Как бы не так, — задорно возразила Раиса Ибатова. — Сколько раз у мальчишек выигрывали!

Встреча началась. Действительно, девочки не уступали ни в скорости, ни в умении дать точный пас.

Часто в письмах девочки задают вопрос, можно ли им играть в футбол. После вабкентского матча я еще раз убедился, что можно. Но лишь на тренировках. И не очень долго: два тайма минут по пятнадцать. А еще лучше чередо-

вать футбол с ручным мячом — гандболом. Кстати, тут, словно прочитав мои мысли, обе команды переключились на гандбол.

Стоя у штанги, я разговаривал с вратарем Надей Мещеряковой:

— Родители не ругают, когда вы на тренировки убегаете?

— Наоборот, довольны. После футбола у нас такой аппетит, что мамы нарадоваться не могут!

— А старики на вас не ворчат?

— Очень сердятся. Поэтому у нас в кружке еще мало девочек-узбечек. Многие стесняются ездить на велосипеде, купаться, но зато уже бегают с нами...

За игрой ребята и не заметили, как надвинулась туча. Хлынул ливень с градом. Ох, и неслись мы, обгоняя друг друга. Как на олимпийских играх! На счастье, поблизости оказалась чайхана. В ней хватило места и для обеих команд, и для зрителей.

Пока лил дождь, мы выяснили все.

Я узнал, что Равшан Баратов мечтает стать врата-

рем ташкентской футбольной команды «Пахтакор», что Алла Файзи — отличница, что Люда Мещерякова победила в школьных весенних соревнованиях по бегу...

Особенно порадовало меня, что девочки чуть ли не с первых дней занятий ведут дневник тренировок, что они не ограничиваются упражнениями, присланными из «Костра», но и придумывают их сами. Например, бегают подолгу по сыпучему песку — а это очень укрепляет ноги!

Я рассказал вабкентским ребятам, как попасть на Всесоюзный слет юных бегунов. Конечно же, не все наши ученики поедут в «Орленок». Но огорчаться не стоит. Для старшеклассников открыта дорога на спартакиады школьников, а у младших — все впереди: будут тренироваться — попадут на слет через год-два...

Но разговоры разговорами, а тренировку надо продолжать. Попрощавшись, я сел в автобус. А спринтеры, вытянувшись цепочкой, побежали к арыку — заниматься на песчаном откосе акробатикой и плавать наперегонки.

Ю. Михайлов

Борьба шла за каждый мяч, как на рисунке, который прислала нам в редакцию Алла Файзи

ДВА ВЕКА СПУСТЯ

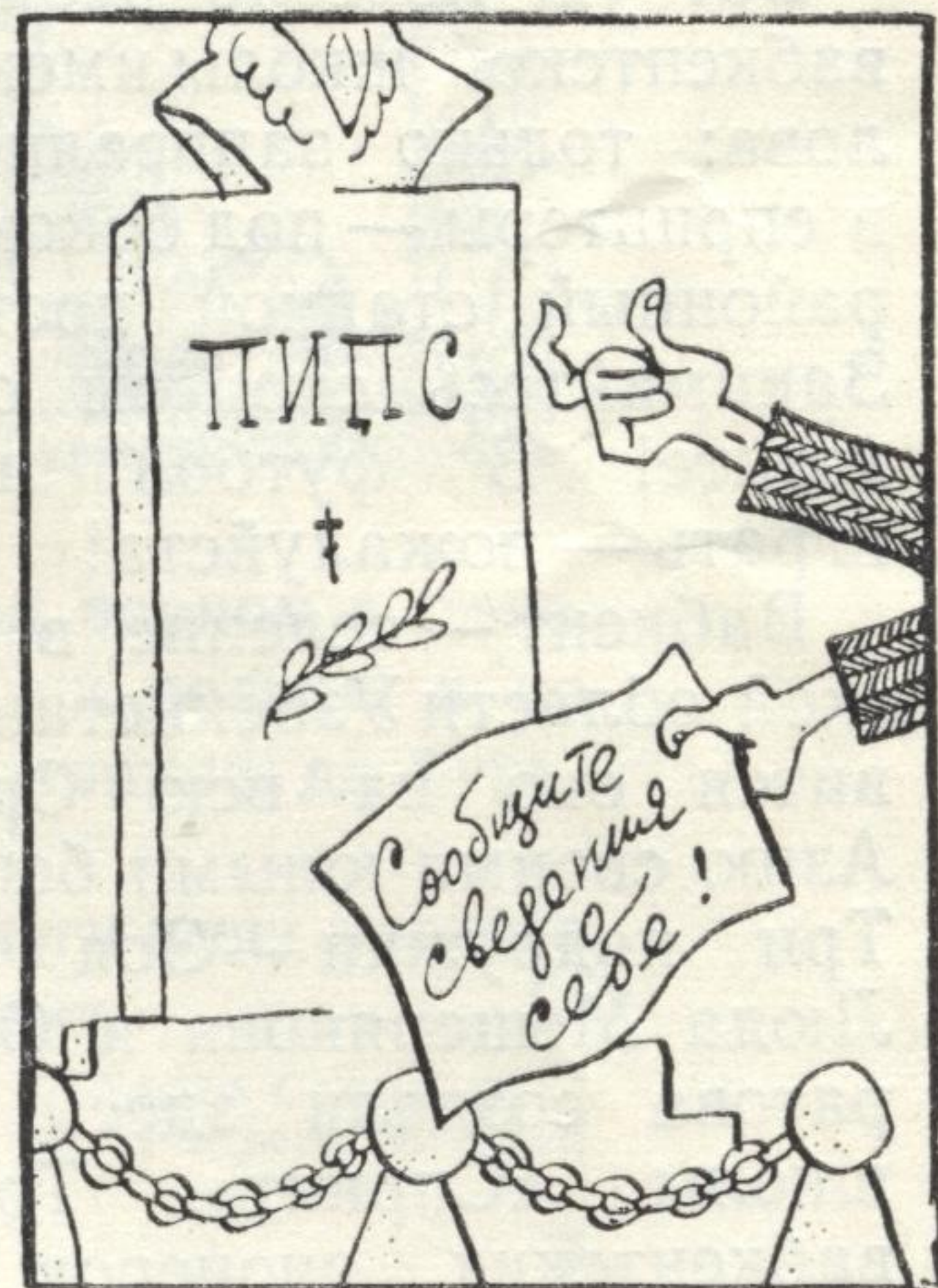
Уголок
Бесилого архивариуса

Мистеру Пипсу (он жил в Англии в XVII столетии) не очень везло при жизни — он так и не успел издать книгу, в которой старательно и не без занимательности описал жизнь своих земляков — жителей Лондона.

Невезение продолжалось и после смерти литератора — очень долгое время его рукопись не могли расшифровать, так как она была написана по стенографической системе, изобретенной самим Пипсом.

Больше того. Уже в наши дни, когда книга Пипса была издана в Англии, дело не обошлось без перепалки между издательством и налоговым управлением. По выходе книги в издательство пришло официальное письмо на имя мистера Пипса с требованием сообщить в налоговое управление сведения о себе, что необходимо для правильного взыскания налогов. Сотрудники издательства ехидно отписали в налоговое управление, что, мол, господа чиновники малость опоздали — Пипс умер более двухсот лет назад. На это из налогового управления назидательно ответили: «Если мистера Пипса нет в настоящее время в вашем издательстве, следовало вернуть письмо, а не вскрывать его»...

Бедный Пипс!

ВСЕ РАВНО СПЕШЬ!

Как-то, прогуливаясь, мудрый зал своим ученикам на богато греческий философ Диоген ука- одетых юношей, горделиво по-

глаживающих свои пышные одежды, и сказал:

— Это спешь.

Затем на глаза философу попала группа спартанцев, выставлявших напоказ заплаты и прорехи своей нищенской одежды. Диоген сказал:

— Это тоже спешь, только другого рода.

ПОПРОБУЙТЕ!

Прочтите предыдущие истории вслух кому-нибудь из ваших друзей и послушайте, как он (или она) будет смеяться. Если верить книге отставного поручика Попова «Путеводитель в житейском море», таким образом можно установить характер смеющегося. Итак, по системе Попова...

ХА-ХА-ХА — так смеются люди, обладающие добрым и справедливым сердцем.

ХЕ-ХЕ-ХЕ — спокойный и грустный характер.

ХИ-ХИ-ХИ — смех самых симпатичных людей, так смеются малые дети.

ХО-ХО-ХО — характер смелый и великодушный.

ХУ-ХУ-ХУ — будьте осторожны! — это смех злых людей.

Добавим от себя: если испытуемый вообще не засмеялся, плохо его дело — он лишен чувства юмора!

ОПЕРАЦИЯ „64“!!!

ПЕРВЫЙ ТУРНИР ПЛОТКИНА

— Ладейкин! Бортмеханика Петра Плоткина — ко мне!

Я радировал. В это время ракеты на максимальной скорости огибали звезду Вечных Шахов, и Петина ракета шла пятой. Он срезал угол виража и догнал нашу — Головную, затем произвел стыковку, перешел к нам и задраил люк.

— Товарищ шахмат-адмирал! Бортмеханик Петр Плоткин по вашему приказанию явился!

— В споре с Галей о подсказках победил ты. Получены 1530 радиogramм, и только три ракетчика поддержали Галю. Остальные — Анатолий Андреев из Даниловки, Галина Костыгова из Петрозаводска, Александр Виноградов из Хотьково, Сергей Петухов из Канаша и еще 1523 ракетчика — провозгласили девиз «Лучше честно проиграть, чем нечестно выиграть!». Вот микрофон — тебе слово.

— Мне? — растерялся Петя. — Но о чем? Может, о моем первом турнире?.. Это было так...

...— Плоткин! — сказал мне председатель отряда. — Кто у нас лучше всех в шашки?

— Ха! Будто ты не знаешь?! Ваську я бил? Бил. А Сашку-карапузика? А тебя? Тебя — помнишь, во дворе на бревнах игра...

— Ничего я не помню! Но пускай. Пускай ты лучший. И прекрасно! Пойдешь на первенство школы, а потом отчитаешься, как защищал честь нашего пятого «б».

Ту-ту-ту! Одно дело — просто играть в шашки, другое — защищать честь... А там, наверно, игроки — во! Тут быю я, а там картина может выйти совсем другая... И еще отчитайся потом!

Пошел все-таки. Надо ведь, жребий сразу свел меня с Вовкой Симкиным. Сила! Из седьмого «а». Мне достались белые.

— Ну, давай, ходи, — сказал Вовка. — Сейчас я тебя разделаю.

— А что, я со всеми тут должен буду играть?

— Зачем со всеми? Мне проиграешь — и тю-тю: проигравшие вылетают.

«А потом отчитаешься, как защищал честь...» — вспомнил я.

Волнуюсь — жуть! От волнения даже бурчало в животе, так что говорить об игре?! Что ни ход, то хуже, и оттого волнуюсь еще больше и, понятно, еще хуже играю. Получался какой-то замкнутый круг.

Здесь мне показалось: пойду g5—f6, Вовка побьет e7 : e3, а я — в дамки на d8. Уже коснулся я шашки g5, как вдруг заметил: он побьет не так!

— Ты тронул эту шашку. Ходи ею! — загремел Вовка.

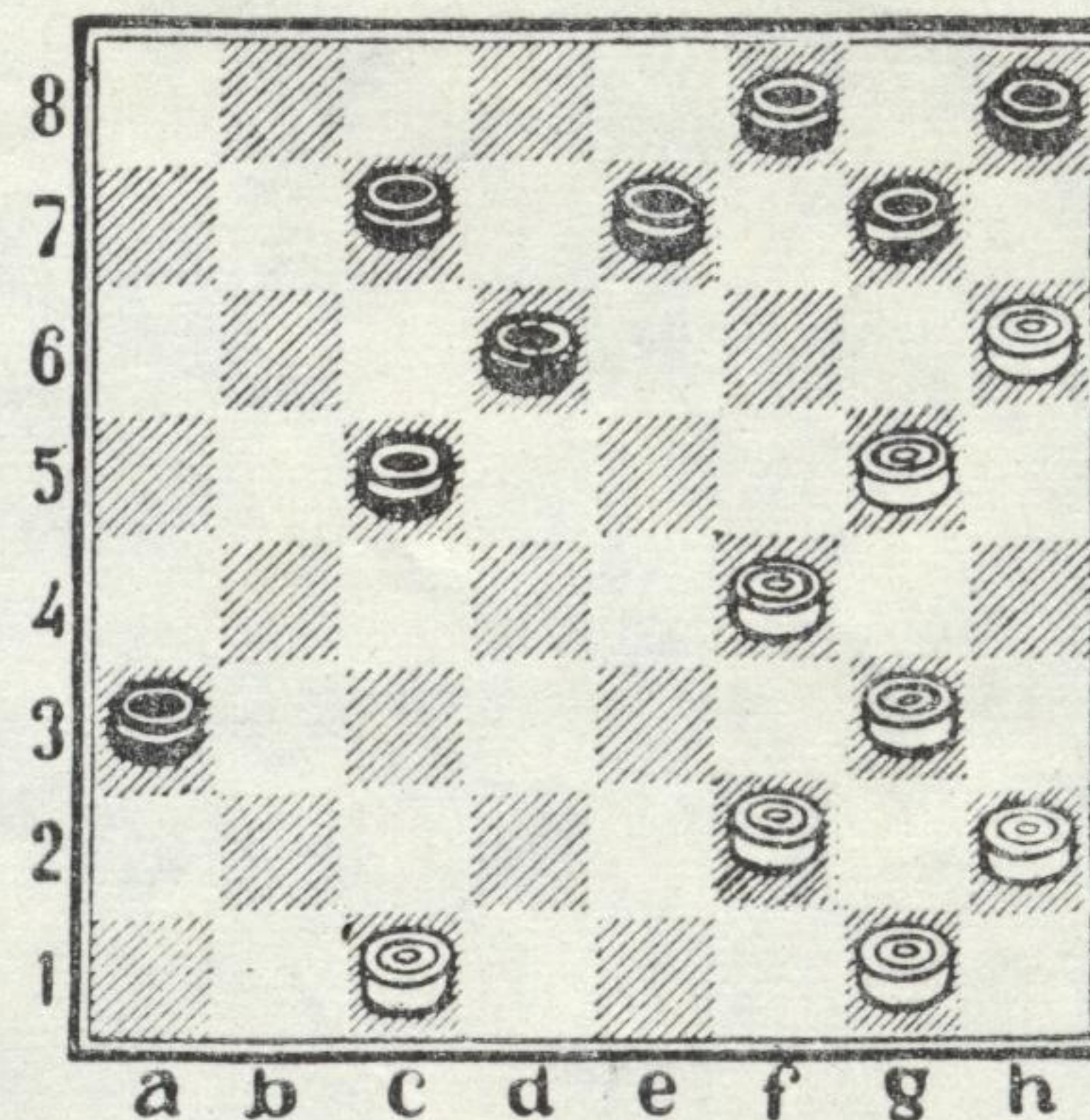
— Я только поправил ее...

— Видали? Поправил! В турнирах не играл, что ли? Поправляешь — должен предупредить. А не предупредил и тронул — ходи. Наберут разную мелюзгу в турнир, объясняй им тут...

Я спорил — не помогло. Ход 1. g5—f6 пришлось сделать, и Вовка побил 1... g7 : e5. Но еще хуже было, что в споре я прикоснулся и к шашке g3, и Вовка заставил пойти и ею. После 2. g3—h4 он побил и поставил дамку — 2... e5 : e1.

Я разозлился — жуть! Все пропало. Вылетаю... И я уже со зла подставил еще шашку.

— На, бери! Все забирай! Не жалко!

— Вот дали партнера на мою голову... — ворча, побил Вовка. — Не может проиграть как человек... Сдался бы потихоньку.

Я нарочно подставил еще шашку. Он побил. Я тоже. Он — еще, и я... побил его дамку и почти все шашки!

— Вот это комбинация! — разинул рот Вовка. И сдался.

— Вот это комбинация! — удивились ребята, когда я отчитывался, как защищал честь. — Ловко ты его разыграл с этой шашкой g5, которую будто хотел только поправить!

Я клялся, что все это как-то случайно вышло, что я не думал о комбинации... Никто не верил:

— Это ты брось! Такие вещи случайно не получаются! Нас не разыграл.

Приказ № 9

Я, главнокомандующий операцией «64», приказываю:

§ 1. Шашечным ракетчикам — 1) найти комбинацию Петра Плоткина, 2) белые: дамка f4, простые g1, g3, g5; черные: дамка a1, простые a3, h6. Черные пошли 1... a3—b2? Как белые выиграли? 3) Белые: дамка h6, простые d2, f4; черные: простые b2, d4, e7. Ход белых, они выигрывают.

§ 2. Шахматным ракетчикам — 1) белые: Кра6, Лд3, Сd6, п.d4; черные: Кра8, п.d7. Мат в три хода. 2) Белые: Кре1, Лс4, п.e2; черные: Кре3. Мат в 4 хода. 3) Белые: Крб6, Ле5, Се4; черные: Крд7, пп.e2, e3. Белые выигрывают.

§ 3. Юнгам — белые: Кра1, Лд3; черные: Кра3, Фс2, Лh3, Сb5, Сb8, Кb4, Кb7, п.b3. Ход белых. Как им спастись на ничью?

Шахмат-адмирал Ферзьбери.

Бюро самопроверки

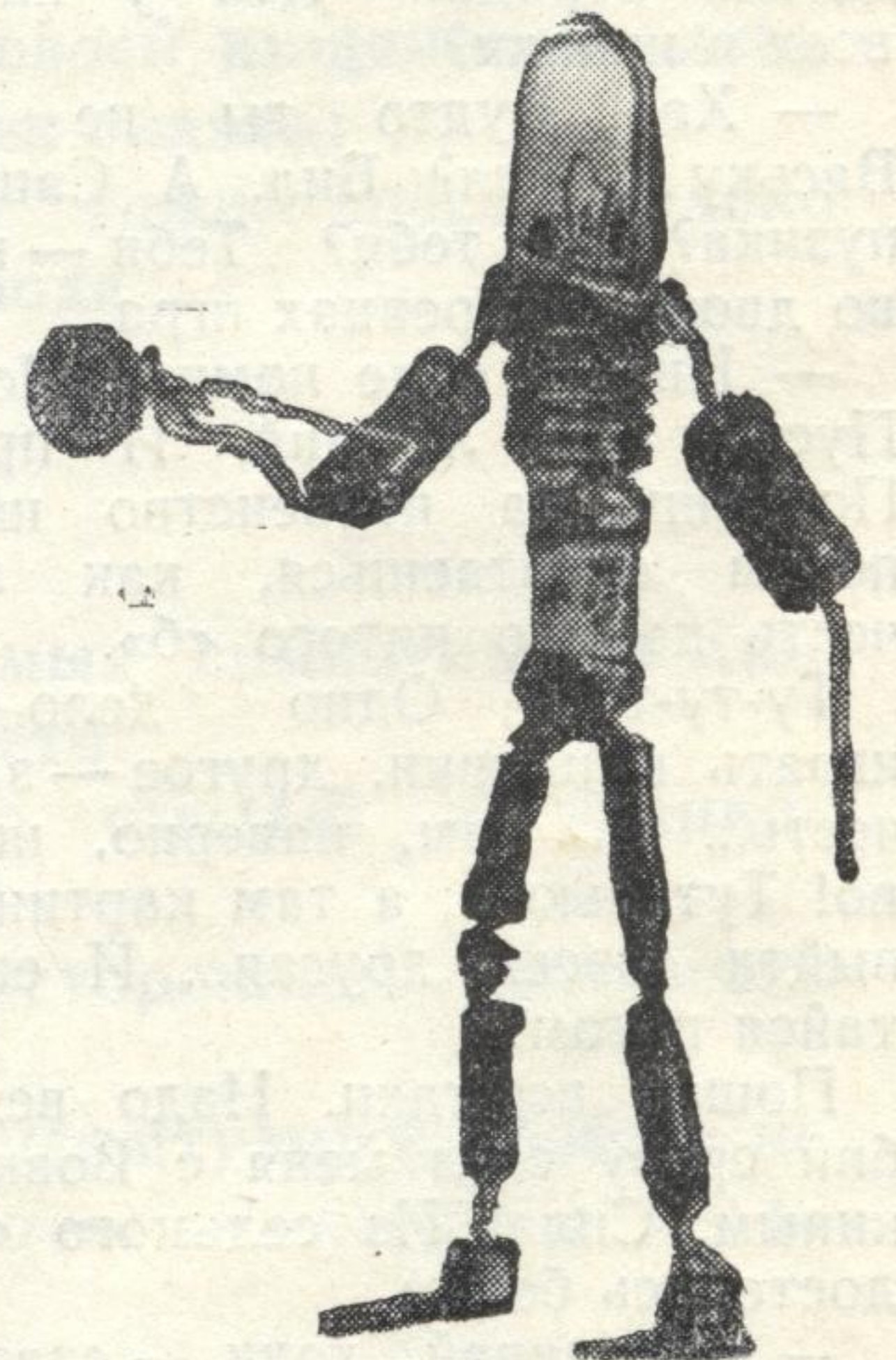
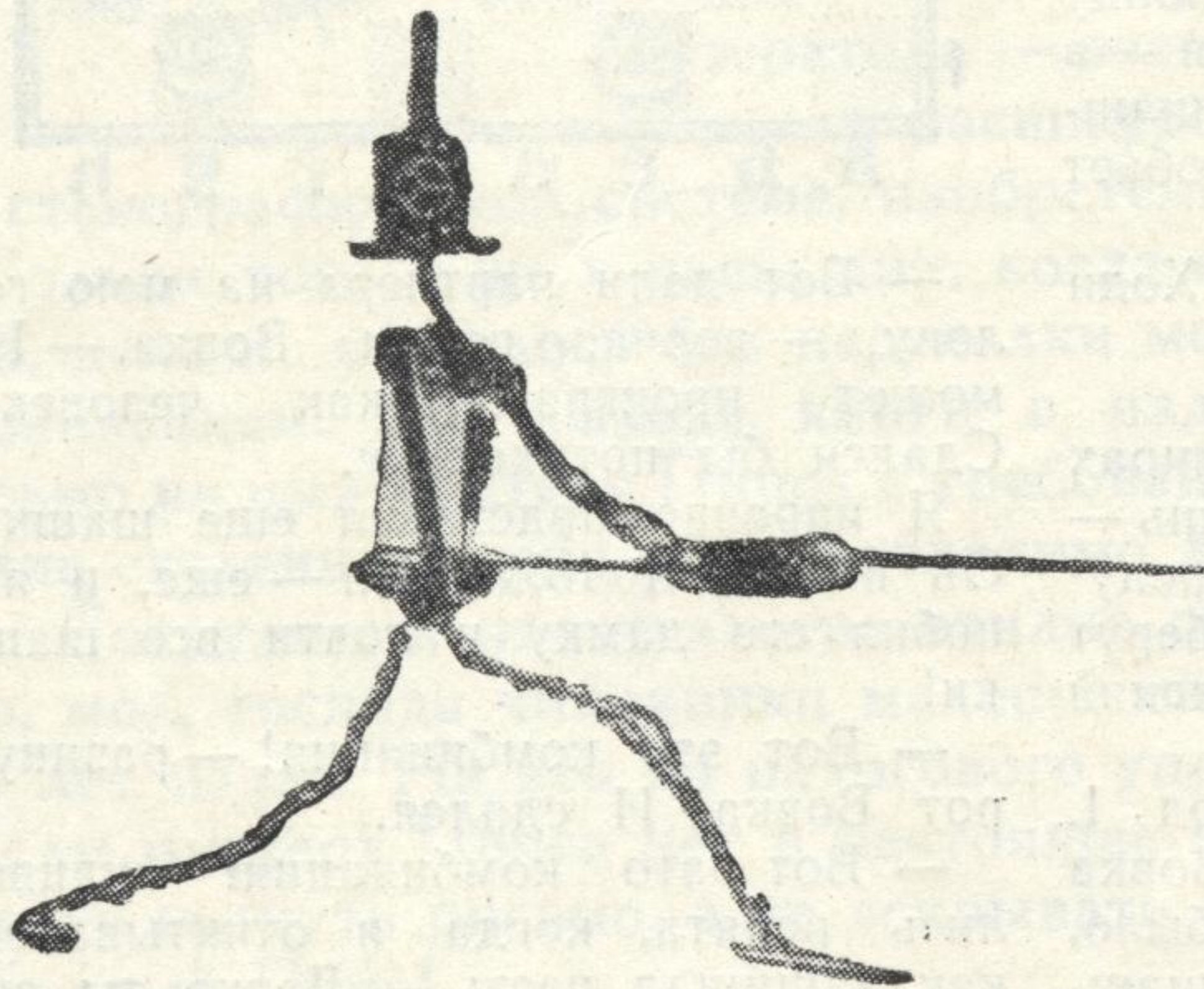
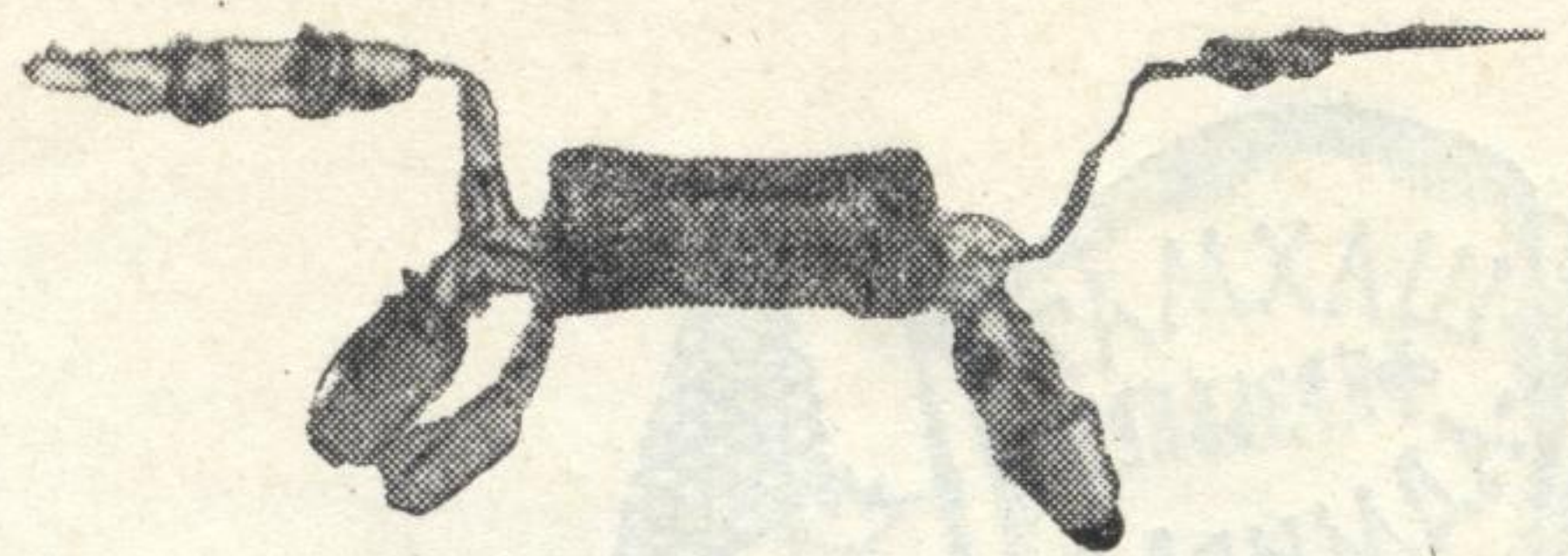
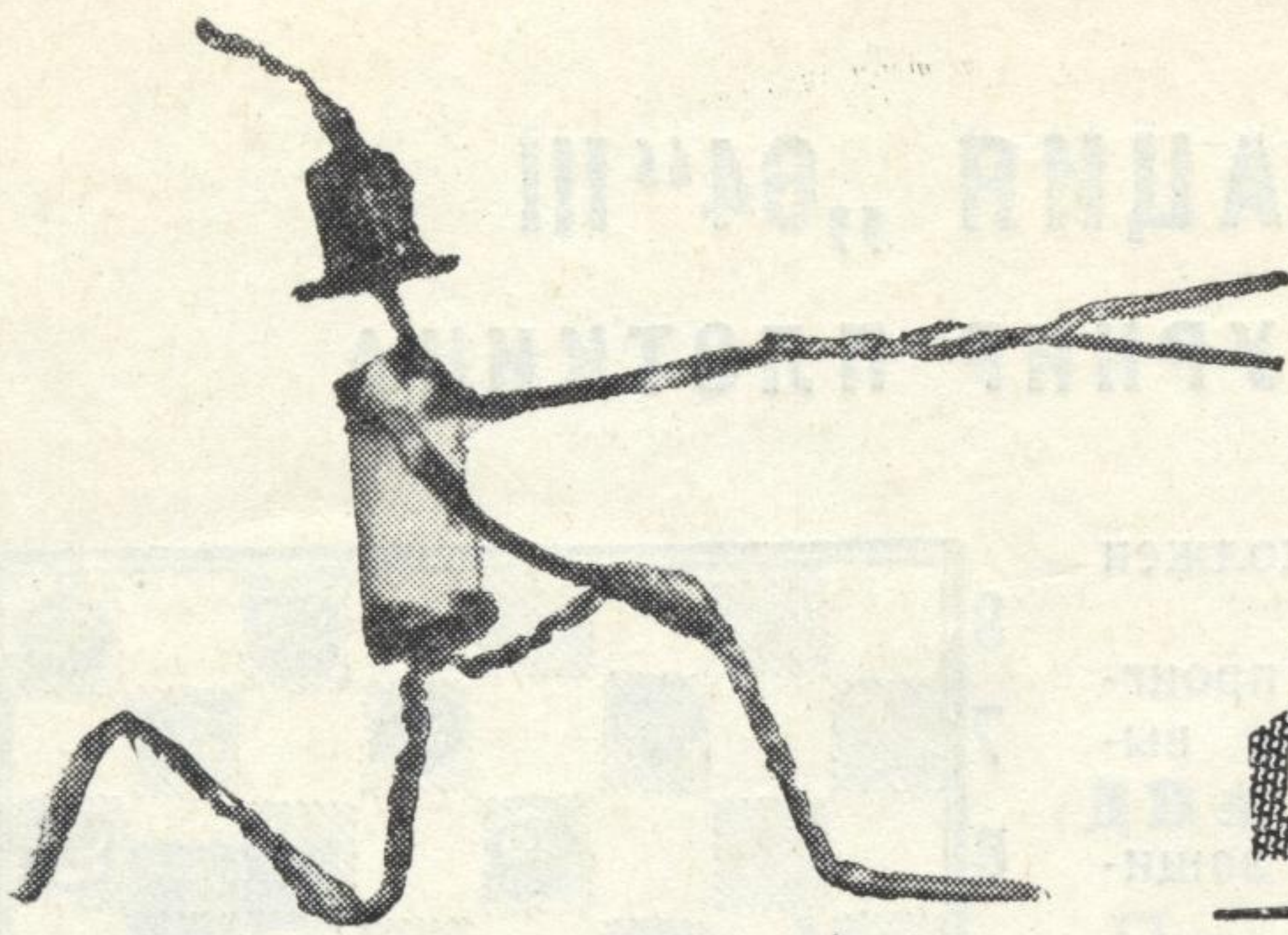
Решения к седьмому приказу Ферзьбери.

Мат, объявленный Наимом. 1. Кh5+! Л : h5 2. Л : g6+Кр : g6 3. Ле6X. Мат в три хода. 1. Сb8! Кр : b8 2. Лс1 Кра8 3. Лс8X.

Ничья. 1. Крс8! Крс6 2. Крб8! (с угрозой пойти 3. a6) Крб5 3. Крб7! Кр : a5 4. Крс6 h5 5. Крд5 — король догоняет пешку.

Шашечные комбинации. 1) 1. b4—c5! d6 : b4 2. a5 : c3! c7 : a5 3. c3—b4 a5 : c3 4. e1—d2 и 5. g1—f2X.

2) 1. h6—g7! f6 : h8 2. g5—f6 e5 : g7 3. e3—d4 c5 : e3 4. c3—b4 a5 : c3 5. g3—f4X.

Ты радиоловитель. В твоём рабочем столе нашлось несколько старых радиодеталей. Что с ними делать?

Непрактичный человек их просто выбросит.

Практичный, поработав с паяльником, сделает космонавта или робота.

Если практичный человек ещё и фантазер, то из веток, камней, песка и глины он построит суровый пейзаж незнакомой планеты. Здесь, среди скал, встретятся люди Земли с жителями другого мира...

А если наш фантазер любит сочинять, то он напишет рассказ о том, как произошла эта встреча...

Рассказ может быть совсем небольшим: две-три странички.

А теперь остаётся самое простое — запечатать рассказ в конверт и написать адрес: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, редакция журнала «Костер». На конкурс фантастических рассказов.

Срок конкурса — 1 ноября 1967 года.

Победителей ждут премии.

Результаты конкурса будут опубликованы в одном из первых номеров 1968 года.

Творческая мастерская ждёт ваших работ!

На последней странице обложки Выставка Весельчаков «Яблочко».

По условиям выставки читатели «Костра» ставят художникам, помещающим на выставке свои рисунки, отметки и присылают их в редакцию.

Художника, собравшего лучшие отметки, в конце года ждёт приз.

*Рисунок на обложке Т. Оболенской
На третьей странице обложки фото Б. Уткина
На третьей вклейке рисунок В. Шевченко
На четвертой вклейке рисунок В. Юсипенко*

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, Т. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Рукописи не возвращаются

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор **В. А. Маевская**

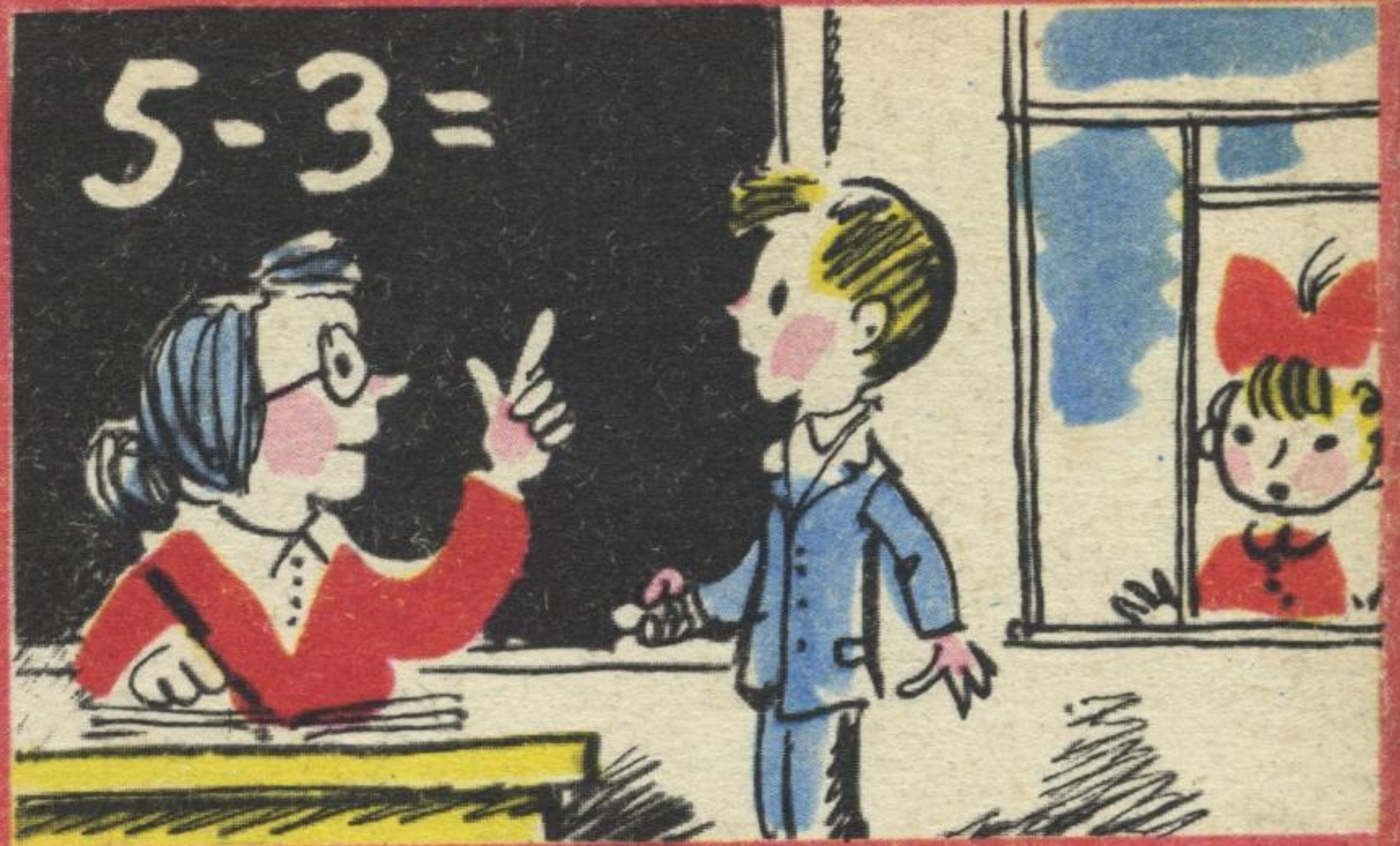
Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-16348. Подписано к печати 5/VII 1967 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1. 6.36 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз. Заказ № 745. Цена 25 к.

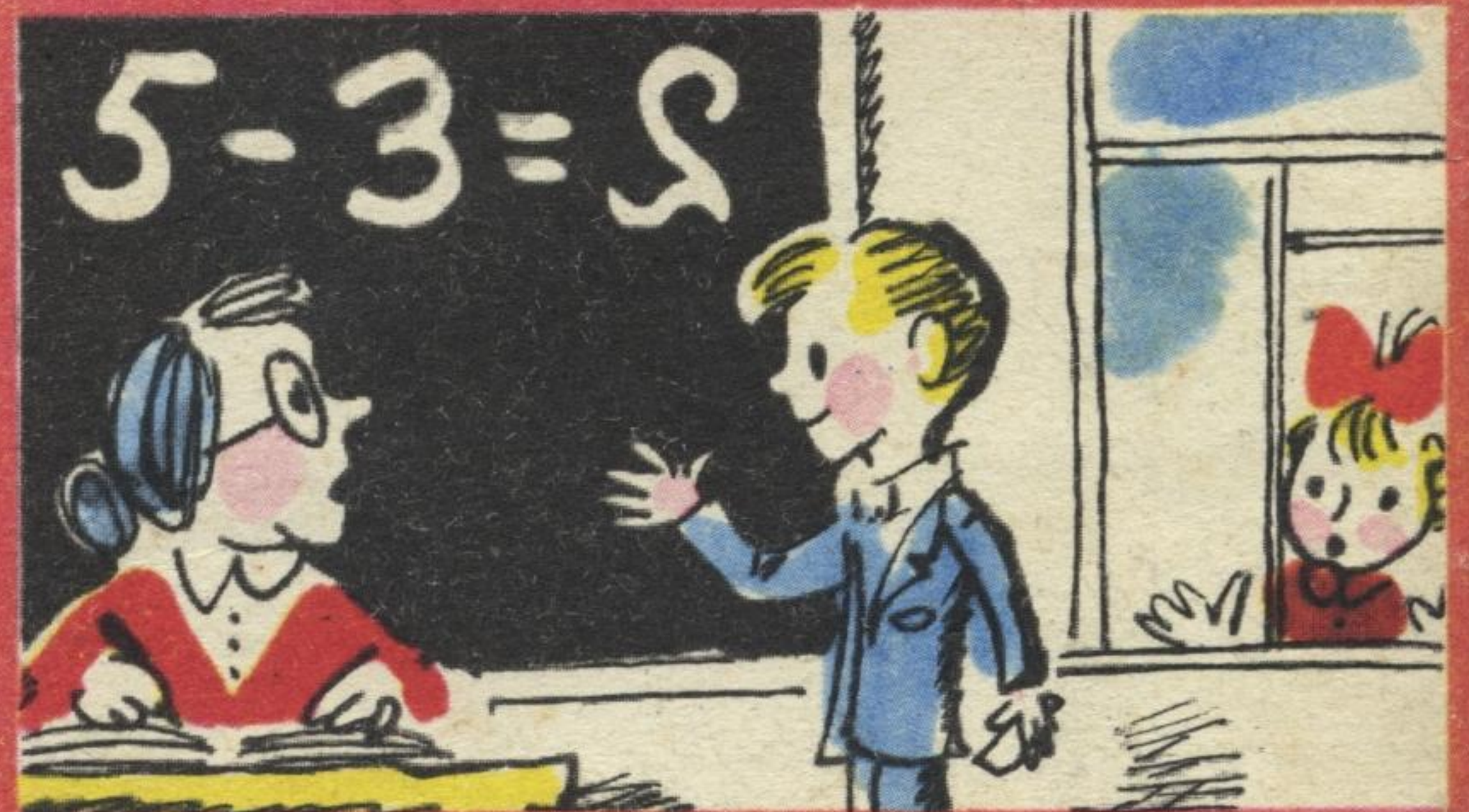
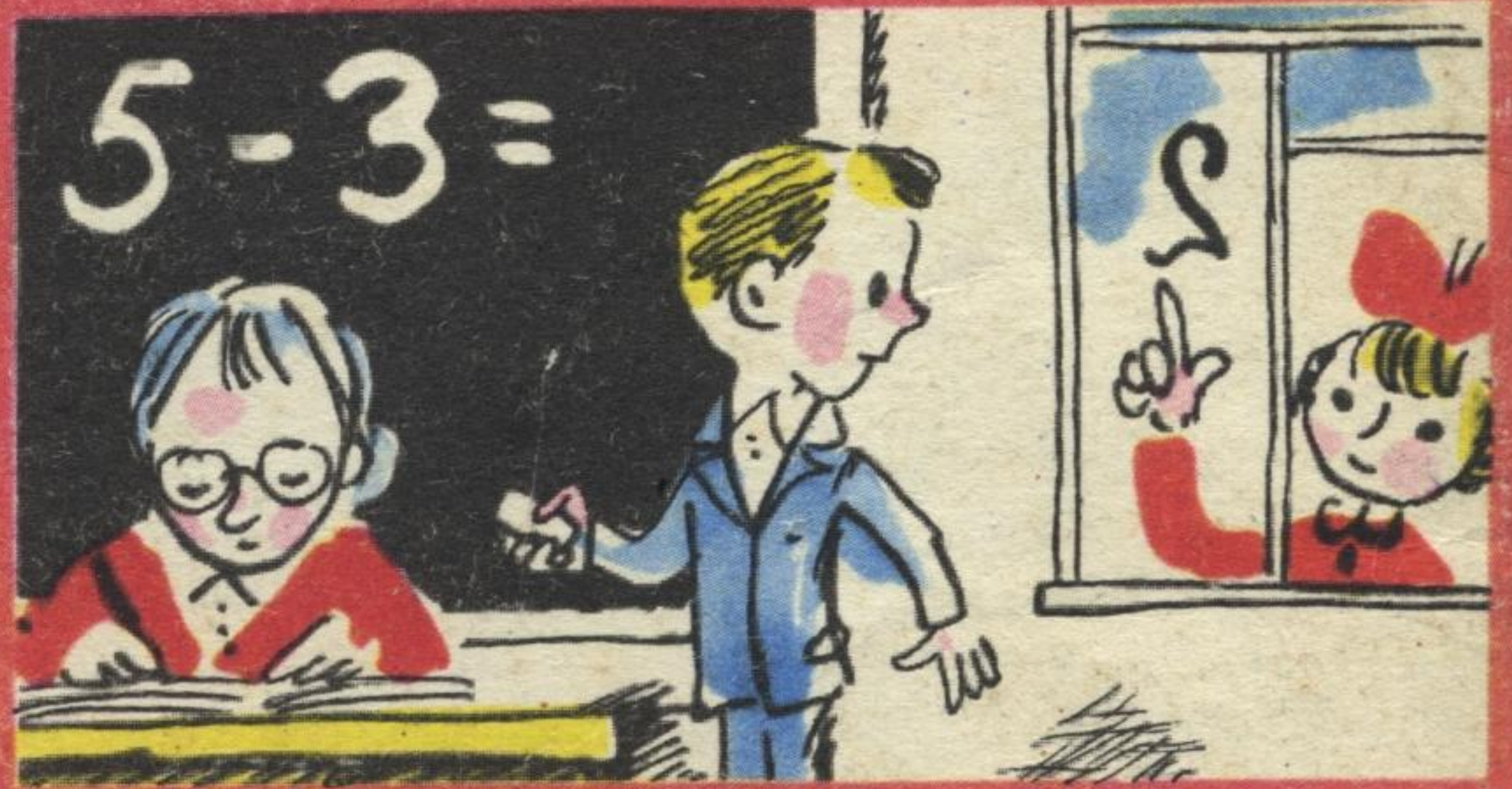
Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

...Все произошло в считанные секунды. Командир вскинул излучатель и направил его на чудовище. Лирянин сделал выпад своим странным копьем. Яркая рубиновая вспышка осветила скалы...

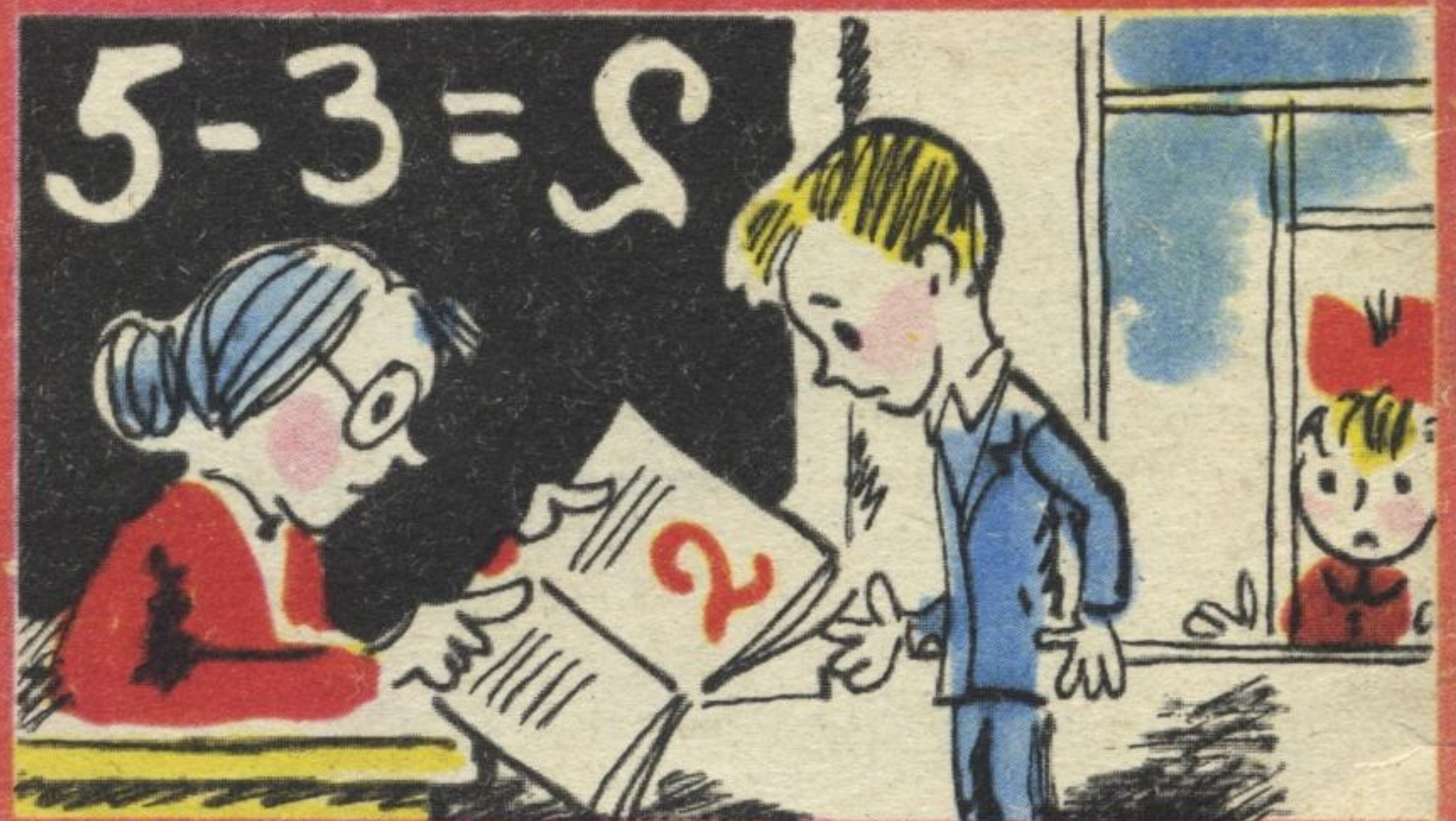

АВТОПОРТРЕТ
*Учительница в классе
Дети*

Выпуск № 5

РИСУНКИ
М. БЕЛОМЛИНСКОГО

Все про Юлю

